Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

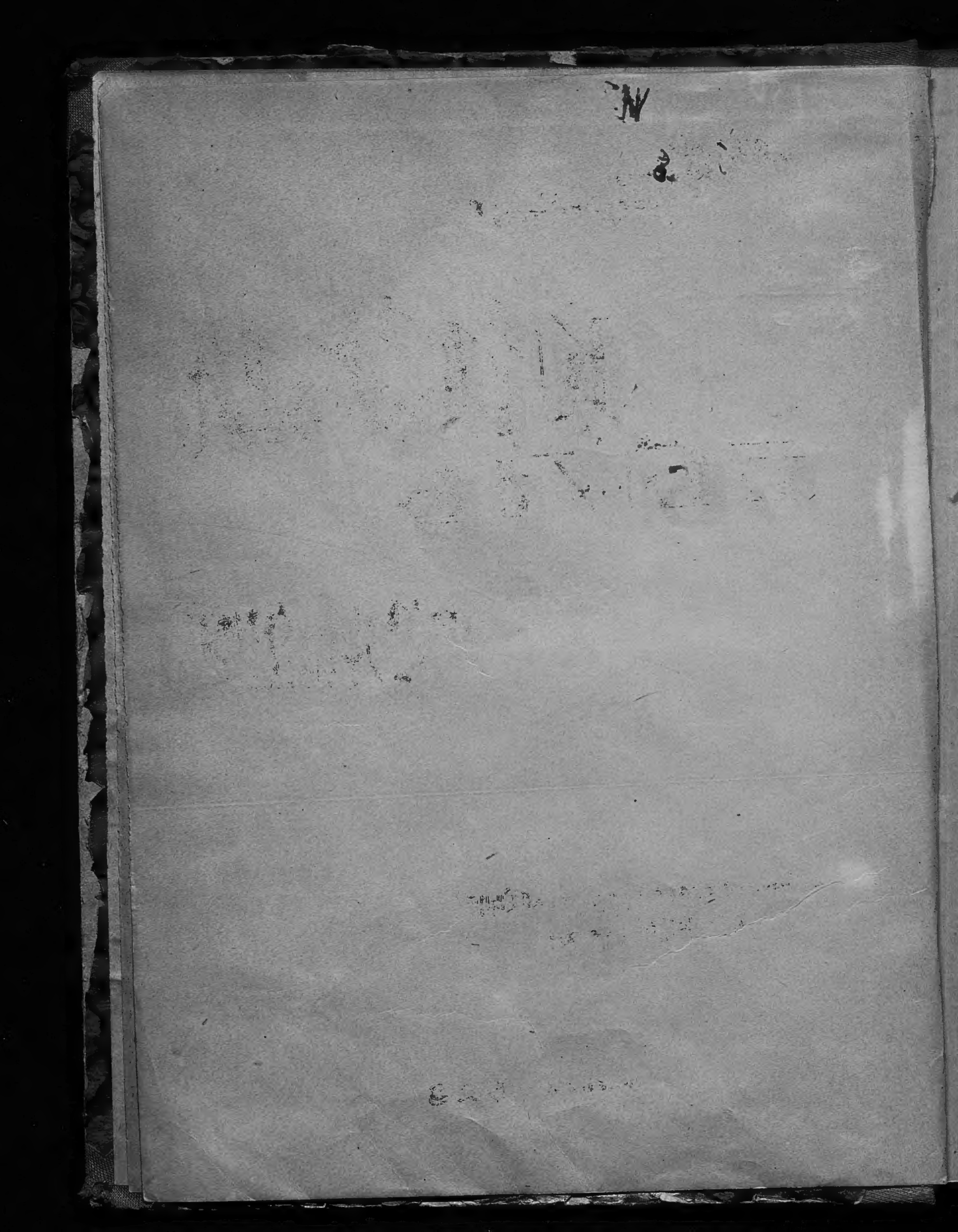
КРАСНАЯ БЫЛЬ

БОЛЬШЕВИКИ В ВИТЕБСКЕ

Сборник статей под редакцией

С. КРЫЛОВА

Витебск — 1923



Красная быль

Большевики в Витебске

Сборник статей, воспоминаний и материалов
под редакцией
С. Крылова

Витебское Губернское Бюро Истпарта — 1923

Книга напечатана в 3-ьей типографии Витполиграф-прома в колич. 1200 экз.

Заказ № 2617.

История партии—

«Общее выражение фактических отношений, существующей классовой борьбы и исторического движения, происходящего на наших глазах».

К. Маркс (Комм. манифест).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Дать историю возникновения, развития, борьбы, побед и поражений только Витебской организации Р. К. П. (б.) и историю октябрьского переворота только в Витебских рамках, захватывая главным образом 1917—1918 г. г.,—вот задача настоящего сборника. Для этой цели были собраны все имеющиеся на лицо письменные и печатные материалы. Их осталось очень мало. Часть затерялась, часть было уничтожена при наступлении немцев. Важнейшие моменты развития и борьбы партийной организации и революции остались не записанными ни в каких протоколах и материалах. Они сохранились только в памяти участников.

К составлению сборника были привлечены самые активные товарищи нашей организации, принимавшие участие в движении до и в момент октября.

Нам приходится пожалеть, что самый старый из Витебских большевиков т. Б. Бреслав (Захар), перегруженный сейчас работой, не смог дать нам обещанный очерк зарождения революционного движения в Витебске в 1890—900 г. г. (надеемся получить к выпуску следующего сборника), но тем не менее мы в сборнике имеем статью т. Бориса Пинсона о революционном движении с 1903 г.

Материалы, имеющиеся в распоряжении Истпарта, окончательно хоронят существовавший в наших рядах предрассудок о том, что Витебская организация Р. К. П. (б.) зародилась и выросла только в 1917 г. из солдатской массы. Нет! мы не являемся Иванами Непомнящими и от наследства не отказываемся. Большевистское движение и большевистские идеи имеют и в Витебске свое прошлое, они теснейшим образом связаны с рабочим движением еще прошлого столетия. Правда, большевики (Искровцы) тогда насчитывались единицами, правда, широкой нелегальной организации не было, но все-же большевистские идеи не только носились в воздухе, но и проникали в отдельные группы рабочих.

На революционных дрожжах, имевшихся у небольшой группы местных рабочих, пышно расцвела в 1917 г. Витебская организация, втянувшая в себя массу рабочих (главным образом их) и крестьян из воинских частей

громадного гарнизона. В этой массе почти совершенно затерялись одиночки—большевики, еще до революции выросшие на местной почве. И на первый взгляд поэтому казалось, что Витебская организация зародилась из солдатской массы в 1917 г.

Но это отнюдь не значит, что широкие рабочие массы Витебска до октября и некоторое время после октября были настроены большевистски. Надо только понять, что они и не могли быть настроены большевистски.

В бюро истпарта имеются сносно разработанные статистические данные о Витебской промышленности в 1917 г. Из этих табличек мы видим, что, например, самая крупная отрасль промышленности—кожевенная—имела 44 предприятия—все кустарного типа, в среднем на каждое предприятие приходилось по 16 рабочих. Швейная промышленность имела учтенных, самых «крупных»—22 предприятия, с количеством рабочих в среднем на «предприятие»—6 чел. Металлообрабатывающая промышленность насчитывала 34 предприятия, в среднем на одно предприятие—9 рабочих. В остальных отраслях среднее число рабочих на предприятие было еще меньше.

Приведенные цифры нам говорят о характере Витебской промышленности. Она носила на себе все отрицательные черты мелкого кустарного производства. Рабочие, занятые в мелких мастерских, где в большинстве случаев, рука об руку с ними же работал и хозяин мастерской и его семья, вполне естественно проникались мелкобуржуазной цеховой психологией. В большинстве случаев подмастерье выбивался в мастера и мечтал «выйти в люди», стать хозяйчиком. В таких об'ективных экономических условиях, конечно, наивно было бы ожидать, что ремесленно-рабочая масса вся сразу пойдет за большевиками.

Потребовалось два года (1918 и 19) отчаянной ломки кустарного производства, собирания отдельных мелких мастерских, отдельных швейных машин, бадеек, инструментов и колодок в одно целое, в крупные мастерские и фабрики, собирания рабочих, а также и бывших хозяйчиков (принудительно) в организованные крупные трудовые коллективы, чтобы внести новые организационные формы и во внутреннее содержание промышленности. В 1919 году на место сотен мелких мастерских мы имели десяток крупных предприятий, насчитывавших в некоторых случаях до 1000 рабочих (расцвет военной промышленности). Ряд производств начал механизироваться и машинизироваться.

Фактор концентрации промышленности имел громадное значение и не учитывать его при решении вопроса о причинах перехода рабочего класса в Витебске на сторону большевиков—значит делать грубую ошибку. Конечно, и весь ход революционных событий, и наши победы, и наше укрепление также сильно толкали рабочих от брюзжащих меньшевиков к партии, занимающейся творческой работой.

На этом моменте нам пришлось остановиться потому, что он в достаточной мере не освещен в статьях и материалах сборника.

В статьях и воспоминаниях, помещенных в сборнике, читатель найдет освещение всех крупных событий 1917 и 18 г. г., а также нередко и мелких деталей, характерных для прожитого периода небывалого революционного под'ема.

Мы не задавались целью строго разграничивать отдельные отрасли работы и строительства. Во всем сборнике в целом освещение всех сторон жизни и деятельности: партийной, советской, военной, профессиональной и хозяйственной тесно между собою связано. В центре всех событий и всей работы стоит верный кормчий—партия,—остальное—производное.

* * *

Конечно, сборник имеет ряд недостатков. Первый—заключается в том, что не охвачена жизнь и борьба в уездных центрах нашей губернии. Этот недостаток имеет свое оправдание. Это—отсутствие более или менее солидного материала с мест. Надеемся, что к выпуску следующего сборника работники на местах обработают имеющийся у них материал и дадут Истпарту много интересных и полезных статей.

Второй недостаток—это повторение нескольких фактов и событий в ряде статей сборника. Мы не сочли нужным выбрасывать этот материал, видя, что каждый автор при освещении события добавляет нечто новое, что было упущено другим товарищем, а также зачастую освещает эти события с другой стороны, с новой точки зрения.

Третий—это различная оценка имевших место разногласий в партийной среде. Здесь волей-неволей пришлось в интересах беспристрастия дать место различным оттенкам внутри-партийных группировок того времени. Тем более это нужно было сделать, что эти разногласия имеют глубокий исторический интерес, освещая ход развития общей политики нашей партии. Остальные недостатки просим читателей отметить и указать на них Бюро Истпарта (при Витеб. Губкоме), дабы при издании следующего сборника их избежать.

* * *

Наконец, последний вопрос:—надо-ли было выпускать этот сборник? Конечно, надо! Витебская организация Р. К. П. (б.) легально существует шестой год, а истории записанной на бумаге не имеет. В памяти отдельных товарищей сохранились отдельные «моменты» и только. Больше того, попытайтесь найти в наших крупнейших библиотеках и книгохранилищах, даже в центральном Истпарте, книгу, которая подробно и систематически рассказала-бы всю историю нашей партии и октябрьской революции. Безнадежная попытка! Такой книги еще не написано. И скоро не будет на-

писано, потому что наша партия не могла достаточно внимания уделить писанию истории. Материалы еще не обработаны и полностью не собраны.

А потребность в истории в данный момент колоссальна.

Наша партия с каждым днем пополняется все новыми и новыми членами. Старая партийная гвардия частью погибла на фронтах гражданской войны, на внутренних фронтах борьбы с контр-революцией и в годины тяжелых эпидемий тифа и голода от болезней и изнурения, героически неся на себе всю тяжесть титанической революционной борьбы.

На смену идут новые силы. Мощной волной вливается в наши ряды Молодая Гвардия из союза рабочей коммунистической молодежи. Она вливается в ряды Р. К. П. (б.) в переходный период революции, в своеобразных общественно-экономических условиях, не переварившись предварительно в котле капиталистического строя, а следовательно, не имея фактически ясного представления о героической борьбе рабочего класса и его партии до революции и после революции, плохо знакомая с методами этой борьбы и с традициями славной, единой крепкой партии.

История записанная нужна, как завет уходящего от жизни умудренного опытом старца начинающему жить юноше, как приказ часового, слающего пост новому часовому (Герцен).

Своим сборником мы даем историю периода «бури и натиска» нашей Витебской организации, своим сборником мы также даем крупицу исторического материала для будущей большой истории Р. К. П. (б) и великой революции.

С. Крылов.

P. S. Собирание материалов, литературная обработка их, а также и вся техническая работа по изданию настоящего сборника почти полностью легла на тов. Шульмана, проявившего большую инициативу, энергию и настойчивость в этой работе. От имени Бюро Истпарта приношу ему коммунистическую благодарность.

С. К.

Б. Пинсон.

ПРОЙДЕННЫЕ ЭТАПЫ[1].

(Из воспоминаний о Витебской организации).

[1]) Этот очерк не претендует на роль исторического документа, по которому впоследствии, быть может, можно было бы восстановить развитие и состояние революционного рабочего движения и степень идейного влияния Витебской организации Р.С.-Д.Р.П. на него за описываемый период, но стремится запечатлеть, возможно, даже не яркие воспоминания, эпизоды, отдельные моменты из рабочего движения, деятельности Витебской организации и заодно занести на страницы истории нашей революции духовную личность и яркую деятельность одного из основоположников Витебской организации, ныне покойного т. Владимира Петровича Стернина (Мохова), скончавшегося в г. Астрахани от сыпного тифа после знаменитого отступления с Северного Кавказа (1919 год) по Астраханским степям с красными частями.

Социальная канва, на которую бурный революционный под'ем 1903—1907 годов должен был занести свои величественные узоры эпохи «бури и натиска», в местном масштабе мало соответствовала развернувшимся грандиозным революционным задачам.

Рабочий класс, среди которого в то время должна была и могла с пользой развиваться революционная агитация и пропаганда идей ортодоксальной социалдемократии в Витебской губернии и в частности в городе Витебске, был количественно мал и качественно слаб.

Эта и без того узкая общественная база уменьшалась еще под влиянием того, что городской наемный еврейский рабочий падающего ремесла в большей своей части находился под идейным влиянием национально-замкнутой организации «Бунд» [1]).

Отсюда неизбежно революционная деятельность сознательных социалдемократов должна была развернуться преимущественно среди рабочих и работниц, занятых в сравнительно слабо развитой фабрично-заводской промышленности, на железной дороге и т. д.

Эта основная деятельность, поглощавшая почти все силы, дополнялась еще чрезвычайно энергичной и довольно успешной борьбой с организацией «Бунда», борьбой за освобождение еврейских рабочих от бундистского национально-оппортунистического влияния, зачастую принимавшего угрожающий характер [2]), за преодоление раскола среди рабочего

---

[1]) Это первая социалдемократическая национальная организация в России под названием «Еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России».—После свержения самодержавия и в особенности после Октябрьской революции она тяжело изживала мелкобуржуазные иллюзии и, наконец, окончательно покинутая рабочими массами, в 1921 г. влилась в ряды РКП (большевиков).

[2]) Национализм и автономизм «Бунда», сильно сказавшийся еще на 2-м с'езде Р.С.-Д.Р.П., еще более вырос после прокатившейся по России волны неслыханных еврейских погромов.

класса[1]), за об'единение всех занятых наемным трудом, лишенных собственности и работающих под одной кровлей, в единую социалдемократическую организацию.

Параллельно с этой каждодневной работой внутри самой организации шла упорная борьба за чистоту и принципиальную выдержанность рабочего социалдемократического движения.

Старый искровский лозунг: «Прежде, чем об'единиться, надо размежеваться»,—убеждение, что вне фактического, принципиально выдержанного идейного единства все разговоры о единой партии сущие пустяки—продолжали жить внутри нашей организации, внутри рабочих масс.

Борьба с принципиально-теоретическими меньшевистскими уклонами внутри нашей организации велась по всей линии, но победы здесь бывали довольно редкими явлениями вследствие отсутствия интеллигентных сил в наших рядах; но стоило борьбе перекинуться с философско-теоретических высот на предприятия и мастерские, и вопросы получали свое революционно-пролетарское решение.

Вместе с тем наша организация или, вернее, несколько десятков наиболее сознательных товарищей вели энергичную борьбу с романтически-реакционными и националистическими организациями и партиями, развивавшими свою деятельность среди еврейской бедноты под флагами национализма и «сионизма», а также с социалистами-революционерами, претендовавшими на руководящую роль среди рабочих после того, как они перекрасили свою программу в рабочем духе. С последними борьба затруднялась под влиянием террористических тенденций, некоторое время державшихся среди рабочих масс.

* * *

Революционные организации развивались, выростали, крепли, шаг за шагом, овладевая каждая соответствующей ей социальной средой. Сферы политического влияния распределились к описываемому моменту следующим образом: «Бунд» развивался сам и развертывал свою деятельность преимущественно в городах, местечках и только среди еврейского пролетариата и мелкой буржуазии. Его влияние начиналось с рабочих кожевенных мелких предприятий, как-то — посадчиков, заготовщиков, сапожников, шло через

[1]) На местах раскол принимал настолько дикие и нелепые формы, что совершенно устранял порой какую бы то ни было возможность вести серьезную и плодотворную партийно-политическую деятельность. Приходилось убивать время на раз'яснения, что не из национализма и шовинизма еврейские рабочие имеют свою организацию, но что наличие последней является продуктом глубоко отрицательного политического руководства националистически-настроенной, мелко-буржуазной интеллигенции и по существу представляет неосмысленный и неорганизованный ответ последней на сознательную, провокационную национальную царскую политику, сводившуюся к раз'единению и расколу рабочего класса, его политической партии и организации.

щетинщиков к наемным рабочим других мелких ремесел и завершалось печатниками, портными, приказчиками, конторщиками, поднимаясь до мелких лавочников и части интеллигенции из бывшего союза врачей, юристов и т. д.

Р.С.-Д.Р.П. и в частности наше большевистское ядро проводила свою работу, черпала свои силы и получала резервы в городе среди металлистов деревообделочников, строительных рабочих, печатников, кожевников, занятых в кожевенных заводах, разбросанных по губернии[1]), рабочих пивомедоварсных, и маслобойных заводов, рабочих мелких предприятий, табачной, спичечной, стекольной и бумажной промышленности, льнопрядильной фабрики «Двина», железнодорожников, рабочих и служащих водного транспорта.

Учащаяся молодежь, местное студенчество, прибывавшее на каникулы из Питера, Риги и Москвы, в большинстве своем находились под влиянием Р.С.-Д.Р.П. и только небольшой своей частью примыкали к социалистам-революционерам и «Бунду».

Социалисты-революционеры и вообще революционно-народнические организации, имевшиеся в губернии, охватывали своей деятельностью духовную семинарию, частью старшие классы средних учебных заведений губернии; в рабочей среде они пользовались некоторыми симпатиями среди небольшой группы металлистов, имели некоторых прозелитов на железной дороге, с успехом конкурировали с нами на льно-прядильной фабрике «Двина»[2]), перенося затем целиком свою работу в деревню, в крестьянство.

Остальные мелко-буржуазные полу-революционные, полу-реакционные националистические организации работали преимущественно среди буржуазной интеллигенции, буржуазной молодежи, национальной буржуазии и мелкой буржуазии, изредка захватывая городскую неорганизованную бедноту и лумпен-пролетариев.

* * *

Подходя вплотную к деятельности левого крыла нашей, тогда формально-единой, организации, мысль невольно пронизывает завесу времени, скрывающую трех товарищей, выделявшихся тогда кипучей энергией, редкой принципиальной выдержанностью, беззаветной преданностью партии,

---

[1]) Энергичная деятельность нашей организации среди рабочих кожевенных заводов сказалась позже в годы черной реакции и в последующее время—в дни ленских событий. Революционный пульс не переставал биться среди них все время вплоть до Революции.

[2]) Влияние социалистов-революционеров на рабочих и работниц фабрики «Двина» об'яснялось исключительно тем, что эти несколько тысяч рабочих никогда не порывали с землей, с крестьянским хозяйством, что социалисты-революционеры работали тут же при фабрике и недалеко от нее в деревне.

организаторскими и агитаторскими способностями, богатой инициативой, образцовой конспирацией и каким-то особым умением всегда и при всяких условиях сохранять полное спокойствие.

Только наличием подобных работников в нашей среде, только их углубленной агитационно-пропагандистской, а главное организационной работой, продолжавшейся с перерывами несколько лет, об'ясняется, быть может, тот отрадный факт, что организация, будучи, казалось, окончательно разбитой к концу 1907 и началу 1908 годов, сумела через последующие годы черной реакции, часто душной подпольной работы и полного временами застоя, пронести чистоту принципов пролетарской социалдемократической организации, сохранить преемственность революционных славных традиций старых искровцев.

Оглядываясь на прошлое, можно безошибочно сказать, что в период, когда царская реакция широко развертывала свои крылья над рабочими и их организациями, когда неумолчно свистала казачья плеть, когда доносился придавленный стон запарываемого до смерти латгальца или латыша, когда десятками расстреливались крестьяне, рабочие, когда ночами в участках вешали случайно задерживаемых рабочих за ноги, когда на поверхности проклятой, примирившейся с монархией, по-революционной общественности, обогатившейся парламентаризмом и украшенной «столыпинским галстухом», господствовали ликвидаторские настроения,—рабочие массы, придавленные репрессиями, терроризированные жандармами, не были склонны, подобно меньшевикам, хоронить партию и испытанную подпольную организацию под гиканье пьяной черной сотни и сладкие, примирительные речи парламентски настроенной буржуазии и ее предводительницы—партии к.-д.

Если основание рабочему, социалдемократическому движению среди крестьян-батраков, бедняков (бобылей) и отчасти среди рабочих латышей и латгальцев трех уездов, было положено, до некоторой степени, латышской социалдемократией [1]), если особую активность в некоторых уездах, главным образом в городах, проявили польские товарищи и латыши, если мы среди работников Двинской организации встречали таких, как ныне известный партии, тогда молодой товарищ Юренев, Чешейко-Сохацкий [2]), всегда

[1]) Здесь идет речь о Двинском, Режицком и Люцинском уездах, смежных с Латвией, населенных значительным числом латгальцев и небольшой частью латышей. В этих уездах аграрное движение приняло значительные размеры и шло почти целиком под руководством латышской социалдемократии. Ныне эти уезды находятся под властью белой Латвии.

[2]) К сожалению, по последним сведениям, т. Сохацкий ныне находится вне партии.

активный и никогда не унывавший тов. Крейль, Ян Крумин[1]), Андрей Крумин и др., а в Витебске постепенно выделяется фигура сапожника Бреслава («Захар») и его соратников, то в дни, затрагиваемые настоящим очерком, выдающуюся и самую ответственную роль в организации играли товарищи: Стернин («Мохов»), «Яков», «Слесарь», «Исаак», «Борис»[2]) и др.

Если партийные работники «Яков», «Слесарь» и др. скоро под влиянием тяжелых репрессий и развившейся провокации совершенно скрылись с политического горизонта губернии, то товарищ «Мохов», благодаря своим исключительным конспиративным способностям, продолжал работать.

Его деятельность, правда, временами, а часто и на долго прерывавшаяся, не прекращалась почти до 1912 года. Вот почему в данном очерке ему должно быть отведено особое место.

* * *

Израиль Стернин, или как его звали позже питерские товарищи— «Мохов», «Гриша», «Владимир» и др., получил, благодаря личным усилиям, кое-какое образование. Юношей, работая в слесарной мастерской, он познакомился с некоторыми товарищами из «Бунда» и по их рекомендации вступил в Витебскую организацию. Со всей свойственной ему тогда энергией он целиком отдается подпольной работе, которую ведет сначала среди близких ему по профессии металлистов, затем, с обнаружением в нем незаурядных организаторских и агитаторско-пропагандистских способностей, расширяет круг своей деятельности вхождением в среду кожевников и рабочих других отраслей промышленности.

Здесь он впервые задумывается над вопросом о вреде, наносимом рабочему революционному движению замкнутостью национальной организацией «Бунд»[3]), оставляющей за бортом организации пролетарских сил русских, польских и белорусских рабочих, занятых в одних мастерских с еврейскими пролетариями и не менее, если не более, эксплуатируемых и угнетаемых хозяевами и царским правительством.

Помимо этого он своим пытливым молодым умом заметил, что национальная ограниченность деятельности «Бунда» приводит к расколу рабочих

---

[1]) Тов. Крейль, после ареста и долгого тюремного заключения в г. Двинске в 1910—11 г.г., был в 1912 г. судим Петербургской Судебной Палатой и приговорен к ссылке на вечное поселение. По дороге к месту ссылки скончался от туберкулеза легких в Красноярской тюрьме. Та же участь постигла и активного члена подпольной большевистской организации Яна Крумина, который, просидев порядочное время в Двинской тюрьме, умер от туберкулеза легких.

[2]) Вышеупомянутые партийные клички принадлежали одному интеллигенту, остальные же передовикам рабочим.

[3]) К тому времени, о котором идет речь, других марксистских организаций в г. Витебске не было.

масс, к росту национализма и оппортунизма с одной стороны, взаимному непониманию, отчуждению, а порой и шовинизму—с другой.

Под влиянием совокупности подобных фактов, собранных им на своей большой организационной работе, он пришел к мысли поставить в организации вопрос о работе среди всех пролетариев, занятых в предприятиях. Поставленный им вопрос среди руководителей тогдашней организации, как и следовало ожидать, не получил должного вырешения.

Окончательно разочаровавшись в возможности выйти из создавшегося тупика обычными мирными средствами, он среди близких ему по подпольной работе товарищей развивает мысль о создании единой социалдемократической организации.

Ему удается заинтересовать некоторых активных работников, так же, как и он задумывавшихся над ненормальностью создавшегося положения. Наконец, в одну из поездок в Питер, он связывается с товарищами, продолжателями деятельности, начатой группой Благоева.

Заручившись связями, запасшись кое-какой литературой, он возвращается обратно и здесь развертывает свою деятельность, окрещенную некоторыми фанатиками-бундистами, деятельностью «раскольника-ассимилятора». Эта полоса, полная новым содержанием партийного строительства, захватывает его целиком, и он отдается ей с редкой любовью и беззаветной преданностью.

На каждой массовке, нелегально устраивавшейся в ближайшем от города лесу, он выступает и ратует за новую организацию, шаг за шагом отвоевывая отдельных рабочих, а иногда и группы, привлекая к своему делу сначала внимание, а затем симпатии рабочих ряда мастерских и мелких предприятий. Вместе с ним в этих дискуссивных боях, плечо к плечу, в начале тогда выступали «Яков», «Слесарь» и др., а затем по одиночке и некоторые рабочие железной дороги.

* *

С особой ясностью и рельефностью, сквозь дымку прокатившихся событий, вырисовывается одна массовка, на которой с большой, пламенной речью выступил «Мохов». Массовка эта долго подготовлялась и поэтому должна была пройти на редкость удачно.

За это гарантией служила предварительная осведомленность, при соблюдении, разумеется, строгой конспирации, рабочих многих предприятий. На ней наше молодое организационное ядро, из которого впоследствии выросла Витебская организация Р.С.-Д.Р.П., должно было дать бой руководителям «Бунда», а «Бунд» рассчитывал тогда заклеймить молодых «раскольников-ассимиляторов», осмелившихся поднять руку на Бундистскую твердыню...

К этой массовке подготовились наши молодые товарищи. На нее по одиночке потянулись в лес отдельные рабочие, но как много оказалось их на самой массовке, на месте, когда пришел момент скрестить полемическое оружие со старыми опытными руководителями «Бунда»... Разставив опытных «дозорных» из старых практиков-конспираторов рабочих, один из бундистов открыл собрание на русском языке, что тогда прозвучало и радостно и как-то странно-ново.

Первое слово было предоставлено товарищу Мохову.

Орленком он взвился на скоро сымпровизированную трибуну, оглядел массовку, быстрым взглядом окинул собравшихся русских товарищей, вокруг которых впервые может быть сгрудились тесной семьей еврейские рабочие. И огнем разгорелись его, обычно черные, выразительные глаза. С первых слов наш маленький «Мохов» начал расти и к концу речи, полной огня и страсти, когда раздался его стальной призыв: «единой рабочей семьей—за общее дело», казалось, что перед глазами не маленький Стернин, а могучий гигант, рабочий вожак, созывающий рабочих на борьбу едиными революционными отрядами.

Тишина леса казалась, чутко прислушивалась, вместе с окружавшими трибуну рабочими к его речи; замерло все кругом и над головами зачарованных рабочих пронесся старый и вечно как бы новый призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Мохов» кончил свое слово и долго еще длилось молчание, то молчание, которое порой больше и выразительнее говорит, чем клики восторга и шумные аплодисменты.

После выступали старые ветераны из «Бунда»; они горячо возражали «Мохову», но создавшееся у рабочих впечатление говорило уже за то, что первая позиция отвоевана, что возникшая молодая организация начнет быстро расти и развернется в мощную ячейку единой социалдемократической партии, и что расколу среди рабочих будет положен конец.

Таковы были результаты этой знаменитой массовки.

На обратном пути «Мохова» ожидал сюрприз. На квартире его ожидала полиция, которая его арестовала и заключила в одну из грязных камер 1-го полицейского участка.

В полицейском участке он просидел сравнительно недолго, успев до вызова на допрос в жандармское управление и заключения в тюрьму, бежать, воспользовавшись временным отсутствием стражи и случайной суматохой в участке [1]).

С этого времени он переходит на полулегальное положение, меняет квартиру и вообще заметает довольно основательно следы, целиком уходя

---

[1]) В этот день было много арестов и участок представлял собой встревоженный улей.

в подпольную деятельность, тогда развернувшуюся среди организовавшихся нелегально профессиональных союзов [1]).

* * *

Здесь надлежит отметить, быть может, особенно характерную черту, что все революционное движение в городах Литвы в начале и вся деятельность социалдемократии впоследствии развивалось на почве нелегальной профессиональной организации рабочих и организации стачечной борьбы.

Фактически профсоюзы, будучи первыми нелегальными организациями рабочих, созданными титаническими усилиями одиночек-революционеров марксистов, представляли по существу партийные организации.

Кассы взаимопомощи, стачечные фонды, бюро и советы профсоюзов, об'единявшие массы рабочих многих отраслей промышленности, являлись самыми крепкими, испытаннейшими и надежными революционными ячейками, где концентрировалась большая часть партийной работы и где черпали свои силы социалдемократические организации.

В качестве большой заслуги «Бунда» перед рабочим движением в Западном крае надо указать на его роль пионера и первого организатора нелегальных профессиональных союзов, которые и поныне сохранили традицию и выучку «партийности» [2]). Эта историческая заслуга остается за «Бундом» и поныне.

* * *

Промышленный под'ем, продолжавшийся до 1907 г., и поднявшаяся волна стачечного и революционного движения, в особенности накануне и во время Дальневосточной царской авантюры, в городе Витебске и губернии вызвали могучее, ни перед чем не останавливавшееся, движение рабочих к организации в партийные и профессиональные ряды.

При этом заметно сказывается все растущая сила Р.С.-Д.Р.П. и выкристаллизовывается в этой организации на левом фланге наша старая искровская группа во главе с «Моховым» и др. [3]).

---

[1]) Первым из этих союзов был профсоюз кожевников, организованный бундистами, праздновавший свой 25-летний юбилей в 1921 г.

[2]) «Бунд» считал необходимым рассматривать профсоюзы, как исключительно партийные организации, в чем разошелся с постановлениями Р.С.-Д.Р.П. Отрицательные последствия этого сказались в том, что во время реакции, когда полицией вырывались из рабочих рядов последние социалдемократы,—союзы оказывались почти уничтоженными. Такая тактика, помимо общих ее недостатков, вначале задерживала, понятно, рост профессионального движения.

[3]) Товарищ «Мохов» работал в Питере, но не порывал связи с Витебской организацией.

К этому времени, после 2-го с'езда Р.С.-Д.Р.П., и в самом едином «Бунде» появляется трещина и в нем появляется левое большевистское крыло, недовольное поведением официальной делегации «Бунда» на с'езде Р.С.-Д.Р.П.

Шаг за шагом от «Бунда» отходят сознательные рабочие и переходят в ряды Р.С.-Д.Р.П., чтобы затем присоединиться к левому большевистскому флангу. И если революционное движение в губернии в бурные дни всероссийской весны (1904—1906 г.г.) еще отмечает сильное влияние «Бундистской» организации в общем революционном потоке, то моментами руководство переходит к нам, левому крылу Р.С.Д.Р.П.

Совместные выступления с «Бундом», при явном превосходстве влияния последнего, постепенно заменяются доминирующим значением нашей организации.

Десятки и сотни тысяч листков, воззваний и прокламаций того периода выпускаются от имени Витебской организации Р.С.-Д Р.П. и редактируются нашими товарищами.

Выявление в общем революционном движении количественно нарастающих наших сил начинает качественно изменяться, соответствующим образом окрашивая каждый революционный массовый акт, каждое революционное активное действие. В общем политическом потенциале рабочей общественности роль гегемона переходит к нам, и «Бунд», незаметно для его руководителей в губернии, из недавно единственной организации «вне конкуренции» становится, в лучшем случае, небольшой частью революционного движения, развернувшегося под флагом Р.С.-Д.Р.П.

* * *

Пореволюционные 1907—1909 г.г. проходят чрезвычайно болезненно для нашей организации, как и для всего рабочего движения.

Промышленный кризис в России, прокатившийся волной из конца в конец, буквально захлестнул рабочие массы Витебской губернии и без того задавленные тяжелой плитой реакции, изолированные и оставленные в тяжелые дни буржуазной и мелко-буржуазной, перетрусившей и изменившей революции общественностью, успевшей из почти красной быстро перекраситься в розовый цвет, чтобы немедленно же, после подлой сделки с монархией в центре, вновь уже перекраситься в настоящий грязно-черный цвет.

Тяжелые последствия, вызванные разгромом революции, кровавым подавлением Московского и других восстаний, арестом Питерского Совета Рабочих Депутатов, подавлением свободы печати, коалиций и т. д., крайне болезненно отозвались у нас, где, вообще, фабрично-заводской пролетариат был крайне слабо представлен в общей массе мелких ремесленников и наемных рабочих отживающего ремесла.

Дружный бойкот первой Государственной Думы, горячо поддержанный и проведенный рабочими, бывшими тогда целиком под нашим руководством, при растерянности меньшевиков, сменился активным участием в выборах во 2-ю Думу и некоторыми иллюзорными надеждами, навеянными парламентаризмом, общим упадочным по-революционным настроением, подогретым открывшимся фонтаном фразеологии меньшевиков, получивших на некоторое время широкое поле действий, тщательно очищенное провокацией и черной сотней от большевиков, от вожаков рабочего движения.

Но эти настроения удержались недолго в рабочих рядах. Последние иллюзии были разбиты роспуском 2-й Государственной Думы, арестом социалдемократической фракции; последовали новые удары по рабочим организациям и началась усиленная ликвидация последних завоеваний рабочего класса.

Из'ятием жандармами лучших руководителей наша организация получила непоправимый удар. Первым вынужден был скрыться «Мохов», за ним были арестованы «Яков» и др.

Профессиональные союзы после первых попыток сопротивления и борьбы с хлынувшей реакцией, вынуждены были под влиянием провокации локаутов и полицейско-жандармских облав, перейти на полулегальное положение [1]).

Сильный удар наносится самому мощному и крупному профсоюзу кожевников, которому трудно, да и почти невозможно было перейти в подполье после того, как он охватил рабочих всей кожевенной промышленности губернии. Из него вылавливаются лучшие силы и он начинает хиреть. Усилия оставшихся и сохранившихся товарищей не могли уже задержать страшную утечку членов, и мощный союз, появившийся с рождением социал-демократии, с подавлением последней начал болезненно свертываться, а к концу 1909 года почти заглох, и только в толще рабочей массы продолжали еще жить или, вернее, тлеть маленькие революционные искорки, яркие свидетели недавней мощи этого боевого профессионального союза-вожака и передовика профессионального движения в губернии.

* * *

Рабочие массы, после свирепой расправы карательных отрядов пресловутого генерала Ренненкампфа и др. с крестьянством, участвовавшим в аграрном движении, и полной ликвидации последнего, целиком и полностью вынуждены были принять на свои плечи тяжелые удары обезумевшей черной сотни и жандармерии. За профсоюзом кожевников под обстрел реакции попали союзы металлистов, печатников, где нас, больше-

[1]) В это время собрания профсоюзов арестовывались и рабочие подвергались репрессиям.

виков, сохранилось едва-ли несколько человек и где большинство почти всегда было с меньшевиками и бундистами.

Профсоюзы переходят на полулегальное, а затем на нелегальное положение. На этом зарвавшаяся реакция не останавливается.

Завоеванный 8-мичасовой рабочий день начинает заметно удлиняться, заработная плата понижается, на улицу выкидываются наиболее сознательные рабочие, под давлением жандармерии составляются черные списки. Не пролетарские профсоюзы, как-то союз приказчиков и другие, сохраняются еще по-стольку, по-скольку живая и революционная душа в них окончательно задавлена и растоптана грязным сапогом пьяных жандармов и оголтелой черной сотни [1]).

На поверхности недавней бурной общественности уже не раздаются могучие призывы к организации, к соединению и сплочению поредевших пролетарских рядов для самозащиты и подготовки к будущим боям.

Сохранившиеся и уцелевшие меньшевики и прочая публика уже не заикаются на рабочих собраниях о конечных целях борьбы рабочего класса, о его классовых задачах, даже о задачах ближайшего дня. Втуне оставляется ими партия, организация, слышны только голоса об использовании легальных возможностей, да все громче и громче на собраниях произносятся речи о ликвидации подполья, о вреде, наносимом призывами к восстановлению разгромленных партийных организаций. Наши голоса на собраниях становились уже редким явлением. В недавно революционных интеллигентских кругах верх берут упадочность, нытье, апатия и индифферентизм.

Но рабочие прошли хорошую выучку.—Школа революционной борьбы с ее традициями, с ее накопленным опытом—все это сохранились, осело в рабочей массе и все это служило противоядием, все это противостояло и сопротивлялось напору интеллигентской дряблости, неверию и похоронным мотивам.

Если вслед за реакцией, пришедшей на смену революции, интеллигенцию охватила упадочность с Вербицкой, Арцыбашевым, эротикой и прочими аксессуарами, если покинув рабочих, интеллигенция стала оплевывать то, чему поклонялась, что так недавно прославляла и воспевала, если ей в униссон ликвидаторы тянули свою похоронную песнь,—то, наоборот, в наших рабочих рядах шел другой процесс.

Разбитые в бою рабочие недолго были в об'ятиях паники. Уныние и растерянность под влиянием наступления капитала сменяется стремлением к самозащите, борьбе.

---

[1]) Лучшие силы союза приказчиков во время забастовок 1907—1909 г.г. поплатились тюрьмой и каторгой за участие в стачечном комитете и, благодаря провокационной деятельности полиции, применявшей «Пинкертоновские методы».

Против похода предпринимателей среди рабочих отдельных отраслей производства, как-то: металлистов, печатников и др., замечается стремление вновь собраться, дабы как-нибудь выдержать натиск, напор на последние экономические завоевания.

И здесь заметно выступают новые молодые силы—выросшее молодое поколение рабочих.

Брошенные революционные семена дали молодые всходы. Появившиеся молодые революционные побеги среди рабочих металлистов, печатников, кожевников дают себя чувствовать, будят и призывают к порядку уснувших и опустивших руки стариков.

1909-й год в губернии отмечается ученическими забастовками среди типографской и др. отраслей промышленности. Правда, эти забастовки подчас кончаются печально для молодых забастовщиков, часто эти юные товарищи, во-время не поддержанные стариками — взрослыми рабочими, после двух-трех недель борьбы, вынуждаются в капитуляции, но эти поражения не смущают юных пролетариев. Наоборот, они громко заговаривают о восстановлении разрушенных профессиональных организациях и последние начинают вновь нелегально жить, развертываться.

Вслед за этим процессом в недрах рабочей массы оживает сначала у одиночек, затем у целых групп тяга к партийной организации, к политической деятельности, но процесс этот крайне медленно, почти незаметно развивается. Чувствуется отсутствие прежних испытанных вожаков.

В конце 1910 года в Витебске, Двинске, Невеле и Полоцке уже появляются нелегальные социал демократические кружки, восстанавливаются старые связи, заметно оживляется движение в рабочих рядах. Профсоюзы, быстро закрывавшиеся, столь же быстро, хоть и не на долго, вновь восстанавливаются. Рабочая, партийная и профессиональная жизнь, несколько лет скованная реакцией, дает себя чувствовать. Она уже выпирает наружу, разворачивает полицейские скрепы, она выливается в организацию рабочих масс, в забастовках, в новой борьбе.

Рабочий класс шаг за шагом строится в боевые колонны, он предчувствует бои и собирает свои силы под старым испытанным знаменем.

Анапа, 10 августа
1922 года.

Товарищ Владимир Петрович Стернин.

Родился в 1878 и скончался в 1919 г.

Израиль Стернин, которого питерские и другие товарищи знали под кличками: «Григорий», «Мохов», «Владимир» и другими, родился в небогатой семье ремесленника в городе Витебске, у владельца небольшой слесарно-решеточной мастерской.

С раннего детства ему, подобно детям всех ремесленников, проживавших в «черте оседлости», пришлось вступить в тяжелую школу, полную жизненных невзгод, оскорблений, материальных лишений и т. д.

Учиться ему не удалось, так как суровый старик-отец всех своих детей (их было человек 6—7) с детства «ставил к тискам, к верстаку».

Не взирая на укоры и упреки жены, справедливо беспокоившейся о здоровьи неокрепших еще детей, старик делал свое дело и только ворчал в ответ: «Надо к работе привыкать с детства, чтобы на старости лет быть обеспеченным». И вот ребенка, едва начавшего понимать окружающее, мы находим около горна или с напильником за тисками. Он учится работе, чтобы, по выражению отца, «сделаться специалистом-мастером».

Выйдя из детского возраста, слабый мальчик уже является подмастерьем. Отсутствие физических сил, столь необходимых металлисту, ему—слабоватому отроку—заменяют редкая сообразительность, выдающиеся способности и к 16 годам юный Израиль работает в качестве самостоятельного слесаря, хорошо знающего свое дело.

Он самостоятелен и доволен, так как вырвался, наконец, из под тяжелой руки и суровой опеки отца.

Но молодой пытливый ум, особая чуткость, большая наблюдательность, окружающая среда со всеми вопиющими противоречиями, будят мысль юноши, толкая его к осознанию окружающего.

На пути преграда:—мешает неграмотность, и он, при слабой помощи извне, почти самоучкой, заполняет этот пробел. С тех пор вечера и долгие ночи после тяжелой работы он просиживает за книгой.

Свежая, острая мысль нашла выход, а большое горячее сердце не давало успокоиться: оно звало к живому делу, к борьбе с окружающей темнотой, насилием, эксплуатацией, развратом...

На 17-м году своей жизни, работая в мастерской, он знакомится с членами организации «Бунд», к которой примыкает.

За сравнительно короткое время он выдвигается как не заурядный организатор, пропагандист и агитатор.

В 1900 году он порывает с «Бундом», вступает в ряды Р. С.-Д. Р. П., примыкая к группе «искровцев».

За этот период он развивает большую деятельность в городе и в губернии, везде и всюду сплачивая и организуя рабочие массы под знаменем «Искры».

После второго с'езда Р. С.-Д. Р. П. он, оставаясь верным старой «Искре», продолжает работать, неуклонно проводя линию ортодоксального марксизма.

В дальнейшем, после ареста и удачного побега, он работает некоторое время на юге России, откуда после второго ареста и тюремного побега, перебирается в Питер, где за небольшой период работы завоевывает симпатии рабочих многих заводов (Айваза, Сименса и др.) и своей энергичной деятельностью становится известным широким кругам питерской организации.

В 1905 г. он находится в Москве и, состоя членом одного из районных комитетов, принимает активное участие в декабрьском восстании.

1906—1907 годы он работает вновь в Петербурге, часто выезжая в Витебск.

В годы реакции он, как высланный из Питера, продолжает нелегально работать в Москве, на юге России и затем вновь приезжает в Витебск, где, отбывая гласный надзор, ухитряется налаживать партийную работу разбитых реакцией организаций, одним из основоположников которых он был.

Во время империалистической войны он работает в Москве, где подвергается аресту и, после непрекращающейся слежки, покидает Москву.

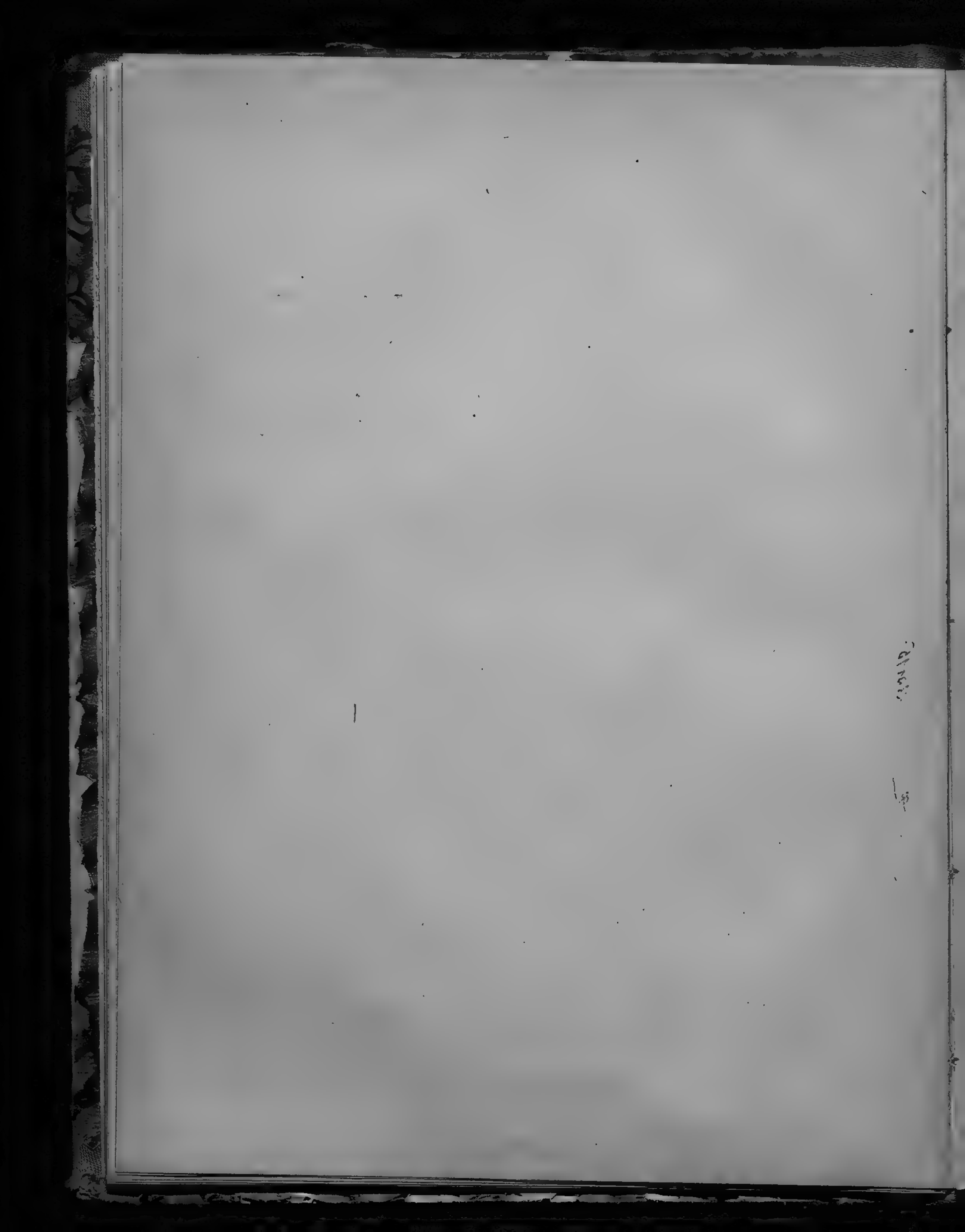
Февральская революция застает его с семьей [1] на юге России, в Донецком бассейне, в городе Таганроге.

В 1917—1918 годах он последовательно состоит членом Таганрогской, Екатеринодарской и Пятигорской организаций Р.К П., одновременно неся политработу в Красной армии. В марте 1918 г. он является членом Испол-

---

[1]) Его жена—старая партийная работница, известная питерским старым партийцам—Мария Васильевна Шестакова, вместе с ним, плечо о плечо, вела партийную работу, делила жизнь, полную скитаний подпольщика, ссылок и высылок. В начале 1922 г. она трагически погибла в Москве, упав в лифт с шестого этажа. После ее смерти осталось двое детей, из коих старший Владимир—активный член комсомола, учится на Рабфаке; другой—3-хлетний мальчик Олег—взят на воспитание другом покойных товарищей питерским работником Сергеем Медведевым.

В. Стернин („Мохов“).



кома Таганрога и его округа, одновременно неся обязанности гражданского комиссара города. В июне того же года он поступает рядовым красноармейцем в «1-й Таганрогский революционный полк», в августе он работает в качестве члена президиума Исполкома Доно-Кубанских фронтов и делегируется для контактной работы в Ц.И.К. Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики, будучи в то же время избранным чрезвычайным с'ездом фронтов политическим комиссаром армий Доно-Кубанского фронта.

В Пятигорске он, помимо основной работы, состоит ответственным сотрудником «Окопной Правды», в октябре он заведует издательским под'отделом при Р. В. С. Северного Кавказа, являясь в то же время ответственным редактором всех изданий.

Ноябрь месяц застает его организатором «Первого Северо-Кавказского Красноармейского клуба имени тов. Троцкого» и председателем его правления.

Перед отступлением Красной армии с Северного Кавказа мы застаем его сначала политическим организатором, а затем руководителем всех военно-учебных заведений Северного Кавказа.

По прибытии в Астрахань он зачисляется политработником при Политотделе Р. В. С. Кавказско-Каспийского фронтов. На этом посту, изнуренный длительной работой, кошмарно-тяжелыми условиями отступления по астраханским степям, он погиб от сыпного тифа на сорок первом году жизни.

Вечная память светлому человеку, редкому по своей непримиримости революционеру, отдавшему всю свою жизнь рабочему классу, его партии и Революции.

Б. Пинсон.

От февраля к красному Октябрю.

Так тяжкий млат,
Дробя стекло,—
Кует булат.

Светлой памяти коммунистов, членов Витебской организации, боровшихся на всех фронтах за утверждение диктатуры пролетариата под знаменем старой партии большевиков и павших в великой борьбе, посвящается этот очерк.

Б. Пинсон.

Свержение самодержавия.

Витебск сонливо мечтал о революции в то время, когда на улицах Петрограда трудящиеся массы, вначале самостоятельно, а затем в братском союзе с революционными солдатами, смело и решительно вступили в последний бой с самодержавием и его остервенелыми защитниками и сторонниками. Громадные события, совершившиеся в северной рабочей столице, вызвавшие, буквально, мгновенное свержение прогнившей насквозь романовской династии, медленно докатывались до отсталой провинции.

23 февраля 1917 года под напором питерских рабочих масс зашатался окровавленный и подмытый до основания царский трон; 24-го революционные войска петроградского гарнизона, после недолгого раздумья, помогли свалить и разрушить его; 27-го, после тщетной попытки думских воротил во главе с Родзянко и Милюковым спасти царскую монархию, сорганизовался Временный Исполнительный Комитет из состава членов Государственной Думы, быстро распределивший между собою министерские портфели за спиной и без согласия революционных питерских рабочих и солдат.

Одновременно с появлением остова буржуазной власти в огне борьбы, под грохот выстрелов, родился Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Появление Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, этого могучего органа доподлинно революционной демократии, означало, что абсолютизм исчез окончательно, канул в Лету, что буржуазии уже не воскресить и не спасти кровавой монархии, что время ей задуматься над сохранением своего собственного, буржуазного бытия.

Отклики переворота в Витебске.

Большинство населения губернии еще не знало о совершившемся в центре радостном перевороте, но уже смертельной тревогой были охвачены

начальник Двинского военного округа с его «знаменитыми» [1]) тремя ад'ютантами, потеряв прежнюю связь с Петроградом; в животном ужасе бились губернатор, вице-губернатор, начальник жандармского управления полковник Шульц, шпики, полиция и прочие прислужники старого, заплесневелого, затхлого режима и в полурадостном, полутревожном состоянии находились рабочие, солдаты и трудящиеся граждане.

Так прошло несколько дней. Рабочие собирались и шопотом друг другу передавали схваченные где-то налету неопределенные смутные пленительные вести о событиях в Петрограде, о боях рабочих с царской полицией, о переходе гарнизона на сторону восставших пролетариев.

Эти бурно-радостные слухи впивались в головы граждан, распространялись вширь и вдаль, уходили вглубь измученной и забитой солдатской массы, пронизывали мозги, будили сердца, вызывая радостный трепет, толкая к активности, к выступлению, к выражению солидарности с выступлением революционных рабочих и солдат северной трудовой столицы.

Бездействие, трусость, бессилие старой власти, отсутствие газет и телеграмм из Питера и Москвы подкрепляли докатывавшиеся слухи, превращая их в живую реальную действительность.

Появились кое-где красные флаги и уже больше не срывались жандармами и полицией; пристегивались красные банты к петлицам, выходили на улицу, собирались и уже громче и смелее говорили о событиях в Петрограде, о завоеванной долгожданной политической свободе, кое-где в обращении друг к другу раздавалось новое, непривычное и гордое слово г р а ж д а н и н.

Наконец, 1-го марта появился первый номер печатного издания «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» и Витебская революционная демократия точно узнала о совершившемся перевороте.—Она узнала, что кровавая позорная династия Романовых исчезла как кошмарный, тяжелый и проклятый сон.

Весенними мечтами была охвачена доверчивая масса. Перед нею, исстрадавшейся под непроницаемым куполом абсолютизма, развертывались необ'ятные красочные, хотя и смутные дали; она впереди видела избавление от голода и войны; ей казалось, что она уже прикасается к Учредительному Собранию, Демократической Республике и прочим призрачным прелестям неопределенной, неизведанной и смутной буржуазной демократии

---

[1]) В число ад'ютантов начальника Двинского военного округа генерала Зуева (он же генерал-губернатор) входили генералы по особым поручениям: Корнеев—административная часть, Федоров—судебная часть, особенно прошумевший за последнее время пресловутый Гнилорыбов—юридическая часть. Между прочим, Витебская доверчивая мелко-буржуазная демократия почему-то считала последнего либеральным человеком и даже доверила ему организацию в городе и губернии демократической народной милиции.

Начались митинги, речи... Полились из рога изобилия, зашумели, запрыгали большие красивые новые слова... Их шум будил, он ширился, рос, охватывал целиком...

Весна русской революции вступила в свои права и крепко в своих призрачных об'ятиях держала революционную демократию.

На смену старым устоям.

Ко времени свержения самодержавия левые революционные элементы в губернии почти отсутствовали.

На тщательно очищенной от действительных рабочих вождей поверхности общества кое-где застряли совершенно бездействовавшие ликвидаторские группки и одиночки социалдемократов меньшевиков, бундистов и социалистов-революционеров; профсоюзов совершенно не было, партийные нелегальные организации давно уже были ликвидированы жандармерией.

Зато махровым цветом цвели и жили военные и военно-буржуазные учреждения и организации, напоминая о себе каждому рабочему, каждому солдату и труженику.

Всем своим буржуазным нутром давали себя чувствовать: военно-промышленный комитет, земский союз, союз городов, цензовая городская дума, продовольственная управа и прочие учреждения, широкой сетью распространившиеся по губернии.

На фоне этой ярко-враждебной рабочему классу и революции буржуазной организованной общественности каким-то чудом уцелела и еле давала о себе знать единственная худосочная легальная организация под названием общегородская больничная касса «Помощь».

В ней 2-го марта появилось некоторое движение; там зашевелились и заговорили собравшиеся на свое совещание для обмена мнений, уцелевшие «живые силы» меньшевиков, бундистов и эс-эров. На этом совещании были представлены: правление больничной кассы, неопределенные социалисты-одиночки и некоторые полуреволюционные элементы.

Здесь сколачивалась инициативная группа, впоследствии выступившая под названием «социалистический блок».

3-го марта состоялось расширенное собрание коллектива в 25 человек [1]), на котором дискуссировался вопрос о лозунгах дня, при чем наметились две точки зрения, из коих первая выдвигала организацию профсоюзов и политических партий, тогда как другая выдвигала Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, присоединяя, разумеется, и организацию рабочих в профсоюзы и политические партии.

Победила вторая точка зрения. Было решено основным лозунгом дня выдвинуть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

---

[1]) Огромное большинство лиц, принимавших участие в этом историческом совещании, ныне находятся в рядах Р. К. П. (большевиков).

Вечером 3-го марта на квартире Гнилорыбова заседали «отцы города» и кое-кто из так называемой прогрессивной интеллигенции; были также мелко буржуазные демократы.

Их, генеральский адъютант, информировал о событиях и здесь, между прочим, намечался некоторый план организации новой власти, власти демократической...

«Социалистический блок» подносит власть буржуазии города.

Наконец собралась цензовая дума. При переполненном зале представитель инициативной «социалистической» группы предложил «отцам города» прекратить заседание и приступить к организации комитета безопасности из рабочих, солдат, офицеров, общественных организаций и национальных групп.

В 12 часов ночи был сконструирован общественный комитет, куда вошли 9 рабочих представителей и 17 солдатских. Большинство мест в общественном комитете «социалистический блок» буквально отдал буржуазным, дворянским, офицерским, клерикальным и попросту националистически-черносотенным элементам.

6-го марта городской общественный комитет под ликование простодушного «социалистического блока» приступил к управлению городом.

Легковерие мелкобуржуазной демократии.

Общественный комитет принял ряд чрезвычайно важных решений, но провести их в жизнь почти не удалось вследствие непростительного благодушия и сантиментализма мелко-буржуазных идеологов, поручивших исполнение революционных задач, как-то: арест контр-революционеров, конфискацию архивов, организацию милиции на демократических началах и прочее адъютанту Гнилорыбову.

Последний, понятно, не замедлил предупредить своих истинных друзей. В результате, матерые контр-революционеры, активные агенты жандармского управления во главе с жандармским полковником Шульцем, губернатор и прочие слуги старого режима преспокойно скрылись. Из архива охранки исчезли все наиболее важные, ценные документы, а организованную им милицию еще долго пришлось очищать от крепко засевших в ней контрреволюционных гнилорыбовских ставленников.

Организация Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Параллельно со всем этим в рабочей и солдатской среде шел глубокий процесс организации своих сил.

Созывались рабочие профессиональные собрания, на которых избирались представители в Совет Рабочих Депутатов, выделялись комиссии по организации профсоюзов.

Одновременно происходили в частях гарнизона выборы представителей в Совет Солдатских Депутатов.

В результате в средних числах марта был организован Совет Рабочих Депутатов из 250-ти человек, в выборах которого принимали участие до 12.000 рабочих и служащих.

Надо отметить, что рабочие, участвовавшие в выборах первого Совета, не отдавали себе ясного отчета в происходивших событиях, смутно разбирались в политических платформах, не были искушены в политических партиях и в результате вполне естественно, что Совет не выражал собой сознательную волю революционных рабочих.

Аналогичный процесс с одинаковыми политическими результатами происходил в солдатской среде. И здесь разбуженная революцией, но не успевшая еще разобраться в совершившихся политических событиях рабоче-крестьянская масса в серых шинелях легковерно вначале отдавала свои голоса тем, кто красно говорил, кто убаюкивал большими красивыми многообещающими словами, совершенно не вдумываясь и не вникая в политические платформы, которые с пеной у рта отстаивались выступавшими златоустами из лагеря социал-оборонцев всех мастей и порозовевшей перед лицом избирателей буржуазии.

Немного позже был организован Совет Солдатских Депутатов. Он первоначально насчитывал до 300 депутатов. Свою работу он контактировал с Рабочим Советом через совместную деятельность членов президиума, секций и пленумов.

Впоследствии на этой платформе произошло об'единение, при чем уменьшилось соответствующим образом представительство в обоих Советах.

Нарождение «социалистических» организаций.

Параллельно с организацией общественного комитета, продовольственных органов, Советов, Центрального бюро, Профсоюзов и отдельных союзных об'единений, рождались и росли политические партии.

К средним числам марта соглашательские идеологи, появившиеся в подозрительном изобилии, создавали свои партийные организации буквально со скоростью движения солнечного луча на землю.

Меньшевики, с.-р., бундисты и прочие мелко буржуазные и буржуазные идеологи устраивали по несколько митингов в день, на которых излагали перед ни в чем не разбиравшейся массой свои политические платформы и тут-же принимали в партию всех желающих вступить и способных внести вступительный взнос в 50 копеек [1].

[1] Впоследствии меньшевики и эс-эры спохватились и уже принимали по рекомендациям, но и тут не обходилось, разумеется, без комических моментов, так, например, рекомендации давались направо и налево по первой просьбе «членами партии», вступившими в нее за несколько дней до дачи рекомендации.

Так «формировались» политические организации и вполне естественно, что в них проникли наряду с честными революционерами из рабочих, служащих и солдат, огромное большинство обывателей, подозрительных людей, буржуазных, бело-офицерских и прочих элементов улицы.

За сравнительно короткое время в Витебске и губернии расцвели, разрослись политические организации всех демократических, мнимодемократических, соглашательских и прочих платформ и направлений вплоть до едва уловимых политических нюансов.

Уже имелись организации с городскими и даже губернскими комитетами меньшевиков, бундистов, эс-эров, эн-эсов, национально-либеральных групп, кадетов, сионистов со всеми левыми и правыми разветвлениями сионизма, польских, литовских, белорусских буржуазно-черносотенных и полусоциалистических слоев населения и т. д.

Не было только большевистской городской организации, не было большевистского комитета, не было руководящего органа ортодоксальной социалдемократии, способного в тот момент внести необходимую ясность и определенность в крайне запутанную, сложную политическую обстановку и не было, наконец, революционного сигнальщика, способного в тревожное и боевое время созвать всех сознательных рабочих и революционных солдат под знамена единственно-непримиримой пролетарской партии, никогда не знавшей компромиссов, не знавшей и недопускавшей союза с врагами рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Где же были большевики?

Отвечая на поставленный вопрос, приходится углубиться в прошлое, рассмотреть, проанализировать всю общественность того времени.

Большевики в городе безусловно были: были одиночки, а где и группы сочувствующих, но все оне были распылены, один не знал про существование другого, другой не знал про существование третьего и т. д.

Не было, на первое время, организующего и связывающего звена, а перед лицом всеобщей травли, клеветы, гнусных инсинуаций, гонений терялись многие и многие смелые и энергичные товарищи, в другое время способные проделать большую организационную работу.

Необходим был внешний политический толчек, необходима была организационная помощь извне. Как первое, так и второе, понятно, пришло и довольно скоро. Этому способствовала империалистическая политика Временного Правительства, безплодные колебания и соглашательство меньшевиков и эс-эров, политика местных органов, целиком проводивших компромиссную линию, и попросту перешедших во имя сохранения буржуазного господства и классового мира на сторону буржуазии.

Создание латышского района.

Самым основным ядром трудящихся, из которого впоследствии многие десятки и даже сотни энергичных и преданных товарищей влились в городскую организацию, представляло латышское население—преимущественно из мест оккупированных немцами.

Вскоре по свержении самодержавия латышские рабочие и батраки, имевшиеся в значительном количестве среди всей массы беженцев, приступили к созданию своих органов на смену буржуазному беженскому комитету, целиком находившемуся под опекой «руководителей» буржуазного благотворительного общества.

На этой, на первый взгляд, как бы несущественной работе им удалось самим тесно сплотиться, сорганизоваться, выявить свою силу и твердую революционную, классовую волю и сгруппировать вокруг себя и начатого дела наиболее способных, активных и решительных товарищей из беженцев и воинских частей.

В результате был завоеван беженский комитет, куда при перевыборах вошли преимущественно большевики. Были целиком устранены буржуазные и меньшевистские элементы и на очищенной от явных врагов рабочего класса почве началась усиленная и плодотворная работа по организации, агитации и пропаганде большевизма среди населения латышского района.

Наряду с этой немалой работой, наиболее подготовленные и марксистски воспитанные товарищи из руководящего ядра развили интенсивную работу по вовлечению в ряды латышской социал-демократии всех рабочих, работниц, батраков и латышей—солдат местного гарнизона,

Быстро созданный клуб привлек всех местных беспартийных политически неискушенных, но, безусловно, революционных тружеников и там латышский комитет открыл большевистскую кампанию.

Наибольшей активностью, преданностью, способностью жертвовать отличались товарищи: В. Чунчин [1]), Шалконц, Зауэр, Дирик, Аболин, Трейман, Мазевич, Видзе, Рекст, Бородавский, Битте, Петерсон, Дризуль, Лепин, Беме, Фришман [2]) и другие [3]).

Невозможно обойти молчанием чрезвычайно ярко запечатлевшийся в памяти случай, больше всего характеризующий наших товарищей, их

---

[1]) В. Чунчин, председатель латышского комитета. После Октябрьской революции был председателем Губернского Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких Депутатов. В дни сибирской контр-революции он был убит колчаковцами.

[2]) Тов. Фришман, старый социалдемократ (большевик), рабочий, в свое время много и активно поработавший на Либавском гвоздильном заводе. Был после революции 1905 г. сослан в Якутскую область, откуда вернулся в 1912 г. Сейчас один из руководителей Витебского райкома союза металлистов и один из лучших хозяйственников.

[3]) Большинство перечисленных товарищей составляли первый комитет латышской организации; после они входили в городской комитет Р.С.Д.Р.П. (интернационалистов б-в)

готовность жертвовать самым дорогим для них во имя партии, во имя борьбы за конечные цели рабочего класса.

Живо припоминаются денежные кризисы нашей городской инициативной большевистской группы, кризисы, зачастую грозившие совершенно приостановить работу по распространению большевистской литературы, по оказанию материальной помощи товарищам, томившимся в тюрьмах благословенной демократии господ меньшевиков и эс-эров.

Однажды на квартире т. Беме среди разговоров о партийной работе, между прочим, зашла речь о подыскании денежных средств.

Нервное лицо т. Беме начало как-то подергиваться. Вдруг он вскочил, глаза заискрились, загорелись каким-то священным огнем и быстро подойдя к своему книжному шкафу, переполненному довольно богатой естественно-научной литературой, он заявил: «Надо немедленно продать эти книги и тогда деньги у нас будут».

На возражения, что не следует продавать столь ценную, редкую литературу, что ему самому она нужна для его излюбленных занятий—он чрезвычайно обиделся и почти со слезами на глазах потребовал и настоял, чтобы книги были проданы, а вырученная сумма была целиком использована на партийные нужды.

Если к этому прибавить, что тов. Беме почти голодал, отдавая и без того половину своего мизерного оклада на нужды зарождавшейся организации, тогда станет ясным, до чего доходила у т.т. способность жертвовать.

Отдавая историческую дань положительным моментам деятельности латышского района, приходится в то же время об'ективно отметить и грехопадения, имевшие место в организационной и принципиальной линии поведения комитета первого состава.

Но прежде всего об организационной стороне вопроса.

Созданный комитет был прежде всего национально-замкнутой организацией, что совершенно не вызывалось и не оправдывалось об'ективными условиями, в которых протекала работа.

Круг деятельности был чрезвычайно мал, охватывая едва несколько тысяч с лишним граждан. Между тем активно работавшие товарищи, свободно владея русским языком, легко разбираясь и ориентируясь в русской марксистской литературе, могли большевизм вынести за пределы своей национально-замкнутой и единственно обслуживаемой группы населения.

Отсюда, неизбежно, организация рабочих и солдатских масс под лозунгами нашей пролетарской партии и создание общегородской организации сравнительно большого и плотно населенного города задержалась.

Другая, абсолютно недопустимая с точки зрения принципиально-выдержанной ортодоксальной социалдемократии, тактическая линия состояла в том, что латышский комитет, имея прямую организационную связь с своим центральным комитетом, который задолго до войны целиком

и полностью порвал с оборонческими, оппортунистическими и социал-предательскими элементами—ухитрялся контактировать свою деятельность с общегородским комитетом заведомых меньшевиков, зачастую входя с ними в блок и совместно проводя демонстрации, митинги и другие кампании.

Последняя «тактика» приводила латышский комитет к тому, что перед лицом массовых общегородских выступлений уже не заострялось и не подчеркивалось нашими товарищами двоевластие, классовые противоречия, грабительский характер войны, об'ективно прикрывавшийся и поддерживавшийся меньшевиками и эс-эрами.

Был как бы заключен политический договор между латышским районом и меньшевистским комитетом, по которому первому разрешается у себя в доме — сиречь в латышском клубе—вести себя по-большевистски и соответствующую линию соблюдать с тем, чтобы за пределами латышского клуба и латышского района, так сказать «на людях», держать себя «паиньками, прилично», не вносить рознь, не нарушать сладкий сон, не взрывать внутриклассовый и межклассовый мир, словом не омрачать большевистскими грозовыми тучами меньшевистскую сантиментальную весеннюю идиллию.

Отсюда неизбежно получились печальные политические результаты.

Широкие массы совершенно не знали, что такое большевизм и каков из себя большевик. Рабочие, солдатские и крестьянские массы, информировавшиеся первое время у меньшевиков и эс-эров и читавшие меньшевистско-эсеровские газеты «Известия Совета», воззвания и резолюции «социалистического блока», естественно считали большевиков за немецких шпионов, людей подкупленных, чуть ли не «исчадием ада» с рогами и хвостом немецкого вильгельмовского производства, а в лучшем случае принимали за отпетых политических авантюристов, способных погубить русскую революцию, ввергнуть массы в омут нищеты, безграничной анархии и прочих ужасов.

Более сознательные, случайно заглядывавшие в Витебск, латышские товарищи большевики с недоумением и большой тревогой посматривали на опасную близость латышского большевистского района с меньшевистским комитетом, разводили руками, но надлежащего ответа от товарищей, разумеется, не получали.

Понятно, долго это продолжаться не могло. Всякой ненормальной связи должен наступить и обычно наступает конец. Приходит развязка. Последняя была ускорена приездом некоторых товарищей [1]).

---

[1]) От редакции: В данном случае речь идет о приезде из Восточной Сибири амнистированного политического ссыльно-поселенца, старого Витебского рабочего, социал-демократа (большевика)—автора этого исторического очерка. С его приездом закладывается большевистский фундамент в Витебской губернии; по его инициативе и под его руководством создалась, выросла и работала в 1917 году и дальше Витебская организация. Впоследствии прибыли еще несколько человек, но о них речь впереди.

В организационном плену у меньшевиков и эс-эров.

В городе, среди быстро возникших организаций и в воинских частях довольно крупного гарнизона также находились большевики и сочувствующие большевизму, хотя последние, надо признаться, имели весьма неясное представление об основных теоретических расхождениях и принципиальных разногласиях, разделивших и окончательно расколовших революционную демократию и политические партии.

Политические гастролеры и прочие верхогляды из рядов м-ков, эс-эров и других политических партий, прибывавшие в Витебск, обычно уносили довольно отрадное впечатление.

Улыбаясь и потирая руки, они говорили: «в Витебской губернии и даже в губернском центре, где больше и сильнее пульсирует политическая жизнь, большевиков и в помине нет».

Подобную информацию г.г. Сорокины, Рейны, Эрлихи, Гизетти, Брауны и другие [1])—прославленные и историей отмеченные партийные агенты и холопы Временного Правительства—отвозили в свои центры, успокаивая своих буржуазных владык и приводя в порядок расстроенные нервы меньшевистского и эс-эровского Центральных Комитетов.

Но в подлинной, живой действительности под покровом внешнего, казалось, мертвящего, спокойствия, накоплялись взрывчатые вещества; рос и зрел, накоплял силы и отвоевывал трудовую общественную среду грозный политический фактор—большевизм.

Этот большевизм жил в недрах меньшевистского (формально социал-демократического и не фракционного) комитета, он был в гуще «Бунда», в эс-эровских и прочих организациях, он был и сравнительно нередким явлением с самого начала в солдатской рабоче-крестьянской массе.

Об'яснялось это необычайное явление, это противоестественное сожительство тем, что т.т., которых политическое движение кануна февральской революции и сам февральский политический переворот захватил в губернии, были настолько оторваны, заброшены и забиты, что и правильного представления не имели о глубоких, непримиримых разногласиях, давно окончательно и бесповоротно расколовших некогда единую социалдемократию.

Отсюда, как неизбежное следствие, наши т.т. после февральской революционной грозы, окончательно устранившей монархию с ее обломками, будучи фракционно неискушены и политически отсталы, — создали вместе с меньшевиками и другими группировками общие комитеты, внутри кото-

[1]) Упомянутые выше фамилии принадлежат ответственнейшим представителям и членам Центральных Комитетов эс-эров (Сорокин, Гизетти), меньшевиков и бундистов (Абрамович, Рейн, Эрлих и Браун), в свое время пребывавших в Витебской губернии для агитационных и прочих целей.

рых, как и следовало ожидать, очутились в подчиненном, фракционно задушенном меньшинстве.

Правда, нельзя скрывать, что они внутри чрезвычайно энергично боролись, не разделяя отношения оппортунистического большинства к политической революции как к цели; правда, они рассматривали февральский переворот, как пролог к ближайшим Октябрьским боям, памятуя прекрасные слова Коммунистического Манифеста: «Экономическое освобождение рабочего класса является великой целью, которой должно быть подчинено, как средство, политическое движение», но все же, находясь в единой организации, оне теряли политические перспективы и принципиальную ясность.

В дальнейшем же, когда разногласия начали выясняться до глубин, т.т., организационно плененные соглашательскими комитетами, не смогли во время вырваться, освободиться... Оне находились в политическом столбняке, под влиянием погромной агитации, злостной клеветы и мерзких инсинуаций, в изобилии распространявшихся их формальными «коллегами» по адресу большевиков [1]).

Между прочим, в меньшевистском комитете первого состава находились большевики: А. Шифрес, С. Шейдлина, Рабкин и ряд других чрезвычайно революционных, способных и преданных товарищей, оказавшихся впоследствии активными членами инициативной группы по созданию большевистской организации и членами перваго большевистского комитета.

Аналогичное имело место и в других организациях. Что же касается Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, то в этом случае нужно отметить об'ективно большевистские выступления товарища Туфрина [2]) на пленумах в мае месяце 1917 года по вопросам войны и мира и другим; выступления

[1]) Для иллюстрации не мешает, пожалуй, отметить публичное выступление перед Витебскими массами агента меньшевистского О К. знаменитого Питерского демагога Дементьева (Кубиков), позволившего себе с трибуны переполненного зала в оффициальном политическом докладе, под одобрительные возгласы и аплодисменты своих политических собратьев, заявить: «Через Германию приехал Ленин и кое-кто из его ближайших помощников; их приезд в пломбированном вагоне крайне подозрителен; нет сомнения, что каковы-бы ни были их достоинства и заслуги в прошлом, оне сейчас суб'ективно и об'ективно подкуплены немецким кайзером Вильгельмом и являются прямыми агентами немецкого империализма.»

[2]) Товарищ З. С. Туфрин был одним из наиболее серьезных, вдумчивых и ценных рабочих большевиков. Будучи весьма авторитетным в рабочей среде и в особенности в среде печатников (сам типографский наборщик), он неоднократно избирался в правление профсоюза, занимал ответственные союзные посты, пользуясь глубоким уважением, доверием и любовью окружающих. После Октябрьской Рабочей Революции он работал на различных советских постах, покинув последние лишь в минуту опасности для Советской Республики, когда пришлось взяться за винтовку, мобилизоваться и уйти на фронт, стать в красноармейские ряды. С фронта товарищ Туфрин не вернулся. Он пал смертью храбрых в боях за Власть Советов.

других товарищей по целому ряду глубоко-принципиальных вопросов,—выступлений, порой, чрезвычайно удачных.

Оставаясь в социалистических и оборонческих организациях и комитетах, наши товарищи, разумеется, толкали так называемый «социалистический блок» влево при разрешении практических вопросов рабочего движения, но все подобные попытки, обычно, кончались голосованием, которое отвергало вносимые последовательными товарищами революционные предложения и резолюции.

Нередко бывали партийные собрания, на которых товарищи заостряли вопросы теории и практики рабочего и революционного движения, не соглашались с компромиссно-оппортунистической линией поведения, проводимой Советом и союзными организациями, но, оставаясь в меньшинстве и будучи скованы партийной дисциплиной, не выносили назревавшие разногласия наружу, на обсуждение беспартийной чуткой массы.

Разумеется, подобное положение не могло длиться бесконечно. Внутри назревал крупный конфликт, уже в воздухе пахло расколом. Последний наступил и по вопросу внешне как бы не существенному, не основному.

Соглашательские партийные комитеты выписывали исключительно меньшевистские и эс-эровские издания периодического и непериодического характера, выписывали литературу всех толков, лишь бы на первых страницах все говорило: за заем свободы, за продолжение войны в союзе с Англией, Францией, Италией и прочими буржуазно-капиталистическими государствами, за внутригосударственный и внутриклассовый мир и т. п.

Соглашатели, разумеется, не обижали и правую печать. Кадетские и плехановские издания имели широкое распространение. Ложь и клевета на большевиков распространялись в изобилии со всех газетных страниц, воззваний, летучек и т. д.

Выписывавшиеся несколько экземпляров большевистских изданий использовывались, понятно, не для распространения среди масс, но исключительно для извращенных перепечаток в местной желтой печати, причем на этом «славном» поприще различных извращений и прочих инсинуаций по адресу большевиков с успехом подвизался редактор меньшевистско-эсэровских «Известий Совета» гражданин Темкин.

Неоднократно наши товарищи настаивали на равноправной выписке большевистских и других левых изданий, но все обращения в подобных случаях оставались бесплодными, пока не было категорически заявлено, что большевистская «безответственная» печать выписана не будет.

Последнее заявление взорвало долго терпевших большевиков и сочувствующих и оне стали покидать ряды меньшевиков и эс-эров.

Уходя, наши товарищи не создавали отдельной организации и даже первое время не делали серьезных шагов к оформлению, разрыва и рас-

Б. Бреслав („Захар“).

крытию перед лицом широких партийных и беспартийных масс существа разногласий.

Такое неопределенное положение длилось вплоть до мая и даже начала июня 1917 года.

Первые открытые выступления большевиков.

Первый многолюдный общегородской митинг, на котором впервые Витебским рабочим, работницам и солдатам удалось хоть немного познакомиться с сущностью большевизма и впервые увидеть живого, не выдуманного, а действительного, реального большевика, состоялся в первых числах апреля 1917 г.

На нем пишущему эти строки выпала благодарная задача—не только раз'яснить массам в кратком слове и в первый раз политический смысл переживавшихся тогда событий, но дать анализ, оценку момента с точки зрения нашей партии С.-Д. (большевиков).

Время это совпало с походом, провокацией и травлей, открытой со страниц амфитеатровской, подкупленной промышлениками газеты «Русская Воля», походом против 8-ми часового рабочего дня, устанавливавшегося тогда по всей России явочным порядком, против рабочей самодеятельности, против его революционных организаций.

Подлая буржуазная печать почти не скрывала своих намерений. Она ставила себе боевую задачу: натравить солдат фронта на победивших в первой схватке с царизмом рабочих Питера и других промышленных центров.

Она полагала, что ей удастся неосведомленный фронт бросить на кровавое дело, на подавление рабочих организаций, на разгон Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

В междуусобной кровавой борьбе рабочих и солдат буржуазия рассчитывала потопить все первоначальные завоевания русских трудящихся масс и установить свою классовую жестокую диктатуру.

Это была первая попытка буржуазии хирургическим путем устранить революционную демократию и наряду с экономическим господством сосредоточить целиком и полностью в своих руках политическое управление государством 150-ти миллионного народа.

Вот почему раз'яснить все это собравшейся массе входило в задачу, становилось обязанностью каждого сознательного революционера, последовательного социалиста, искренно преданного рабочему классу и революции.

Помимо этого необходимость раз'яснить, растолковать каждому рабочему, солдату, служащему положение вещей настоятельно диктовалось местными условиями [1]), как-то: близостью фронта и чудовищными слухами,

[1]) Как раз в это время Витебск был буквально наводнен солдатскими частями. Гарнизон насчитывал до 80-ти тысяч человек, а рядом находился всегда живой и нервный, клокочущий западный фронт.

распространявшимися заведомыми контр-революционными элементами среди солдатской массы; слухами о том, что рабочие де-мол, получив свободу, не хотят работать на оборону и вообще бездельничают, митингуют, предают врагу освободившуюся страну, оставляют фронт без вооружения, снаряжения и обмундирования.

Выступавшие меньшевики, эс-эры и представители других соглашательских партий дипломатически обходили создавшееся в стране двоевластие и неизбежно вытекавшие из него для демократии политические последствия, —ограничиваясь кислыми словами по адресу буржуазии и пустыми угрозами в сторону обнаглевшей контр-революции, провокаторов, распространявших темные слухи в тревожный момент переживаемый страной и призывали к организации сил вокруг политически бездействовавших тогда Советов.

И все же, несмотря на выявленную в речах политическую двойственность и безхребетность, ораторов встречали и провожали шумными аплодисментами.

Наконец предоставлено слово социалдемократу большевику.

Тихо стало вдруг в переполненном народом помещении театра. Казалось слышно было дыхание огромной толпы в несколько тысяч человек. Взоры впились в оратора большевика, когда он подходил к трибуне. Ни одного хлопка. Какая-то особая сосредоточенность и ожидание чего-то нового на лицах рабочих и солдат и в то-же время среди революционной настороживш̀ейся массы, были заметны кое-где колючие, бегающие противные глаза агентов контр-разведки, упитанные лица переодетой буржуазии и полные слепой ненависти вражды и отвратительного высокомерия взоры штабного царского офицерства.

Оратору пришлось, разумется, прежде всего коснуться Временного Правительства; рассказать как и вследствие каких политических причин последнее явилось; дать ему марксистский классовый анализ, отметить политическую тенденцию этой архибуржуазной власти...

Остановить внимание собрания на значении и роли Советов, как революционных органов рабочих, солдат и крестьян, единственно способных стать доподлинной, авторитетной и самой прочной властью освободившейся страны.

Затем, перейдя к политическому моменту, доказать: что организация и открытый рост сил бешеной контр-революции, сохранившейся в тылу и в особенности на фронте, что спекуляция торговой и промышленной буржуазии, акционерных обществ и банков, что затягивание войны и сохранение за дворянскими и помещичьими элементами деревни материальных

классовых привилегий, вызывающее в свою очередь анархию в стране,— является политическим результатом прямо и непосредственно вытекающим из двойственной природы власти, установившейся в стране, и политической импотенции мелкобуржуазных соглашательских болтунов, неспособных на революционные действия, неумеющих разорвать однажды заключенный союз с империалистической буржуазией.

Выводы из данной докладчиком оценки момента напрашивались сами; масса их поняла; раскусили их также и мелкобуржуазные элементы собрания. Недаром они диким воем и свистом прерывали докладчика и недаром кое-где из рабочих и солдатских рядов раздавались, правда, редкие и несмелые, но все-же достаточно шумные аплодисменты и даже одиночные возгласы одобрения.

Больше всего, как и следовало ожидать, бесновались представители «социалистического блока». Это они по окончании большевистской речи, под радостный визг буржуазии, нагло распинали большевизм, это они грязью забрасывали революционную идеологию авангарда рабочего класса...

Этот митинг вогнал первый большевистский клин между частью рабочих и солдатских масс и лидерами соглашательских партий; он на опыте доказал и тем самым политически продиктовал необходимость более частых выступлений на подобных митингах с разоблачениями жалких луибланов [1]) доморощенного, российского издания.

Вместе с тем удалось проверить настроения масс и в сознании, после повторных политических выступлений, назревал и намечался план создания общегородской большевистской организации.

Докладчика на улице окружила группа товарищей человек в 10—15, предложила собраться для обмена мнений, побеседовать по вопросу о создании агитационной группы.

Помнится, что среди этих т.т. были: слесарь и техник железной дороги Иоаким Берестень, конторщик юрист-консульства при ж. д. Беме, молодой студент А. Шифрес, кожевники Цемах, Исьянов, Лурье, московская курсистка С. Шейдлина, молодой Б. Шейдлин и солдаты починочной

---

[1]) Блан, Жан-Жозеф-Луи, мелкобуржуазный французский социалист, историк и публицист (1811—8); после свержения финансовой олигархии Франции во главе с Луи-Филиппом, в 1848 году легкомысленно вошел в состав буржуазного Вр. Правительства, лишний раз на деле доказав этим какое тяжкое преступление совершает социалист, входя в правительство буржуазного государства, как он сильно этим способствует дискредитации социализма в глазах несознательных масс, как много помогает срыву революции, укреплению буржуазного фронта, как сильно способствует разложению рабочего класса, размягчению его революционной воли.

артиллерийской мастерской Баранов, Рабкин, Ежов[1]) и другие, а также друзья из авиа-парка.

Следующая схватка с оппортунистами, прибывшими из Москвы, состоялась на другой день, под открытым весенним небом, во дворе бывшей классической гимназии.

Как раз к тому времени проездом с армейских тылов в Питер задержался на несколько дней представитель Петроградского Совета, делегированный последним для информирования фронта о событиях и обследования состояния и настроений армий западного фронта и ближайшего тыла.

Перед собравшейся трехтысячной толпой, состоявшей, большей частью, из солдат и офицерства, оратор розовыми красками свободно рисовал положение солдат и их настроения.

По его словам выходило, что солдаты боеспособны, как никогда, что нет антагонизма между старым дворянским командным составом и всей остальной массой вооруженных солдат, что они весьма довольны Временным Правительством, политикой и тактикой Петроградского Совета, доверяются и доверяют как первому, так и второму.

Но к концу речи оратор обмолвился, заметив, что по его наблюдениям, как это ни странно, Советы пользуются большим вниманием, доверием и даже любовью, чем Временное Правительство и что на этой почве наме-

---

[1]) Между прочим тов. Ежов—тогда совершенно молодой рабочий и солдат—благодаря своим исключительным способностям политически вырос, выдвинулся. Он теперь является ответственным секретарем Марийского областного комитета Р. К. П. (б). Мы надеемся, что он не поставит нам на вид, если мы позволим себе маленькую нескромность—привести несколько строк из его письма, прекрасно характеризующих его самого и пройденную безсмертную революционную полосу.

Он, между прочим, пишет: ...«ты помнишь верно нашу совместную работу в Витебске в 1917 году?.. Какую колоссальную задачу тогда разрешила Витебская организация, называвшаяся тогда еще Р.С.Д.Р.П. (интернационалистов). Я припоминаю свою работу в пятой артиллерийской мастерской, припоминаю технику распространения «Правды», сбора денежных средств и т. д. Каждое большевистское слово воспринималось тогда, как нечто незыблемое, святое... Вспоминаю как ко мне подошел член комитета тов. Шифрес и сказал: «нам необходимо, тов. Ежов, организовать во всех частях ячейки, вы будете работать со мной»... Шел я тогда в казарму и ног под собой не чувствовал— мне поручили серьезную работу!...

«Затем вспоминается время военного сбора и другие яркие боевые моменты Октября. Как-то ты ко мне подошел и от имени комитета похвалил мою деятельность,— в тот момент я был на «десятом небе». С удовольствием припоминаю как по поручению комитета я наладил связь с заключенными нашими товарищами и как тогда встретился и познакомился с милым Крыловым.

Но больше и ярче всего мне вспоминается Великий Октябрьский переворот и наша встреча в первом штабе. Ты, заметив меня, быстро подошел и, пожав мне руку, несколько раз крепко поцеловал. Этого мгновения великого и счастливого я никогда не забуду...»

чаются кое-какие трения в крупных частях между низами и командными верхами, между всей солдатской массой и высшим офицерским кадром и т. д.

Отметив, что ему удалось немного смягчить эти разногласия, он остальную работу сдал местному Совету, выразив надежду, что последний все сделает для успокоения фронта. Закончил он свою часовую речь призывом к поддержке Временного Правительства и Петроградского Совета.

Выступавшие вслед за ним меньшевики и эс-эры отмечали в своих речах агитацию безответственных подозрительных элементов на фронте и в тылу, превозносили до небес достоинства Временного Правительства будто-бы стоящего «на страже революционных завоеваний» и наконец, кончили общим лозунгом—призывом к всемерной поддержке революционной демократией всех шагов «революционного правительства», «контролируемых» и «корректируемых» меньшевистско-эс-эровским всевидящим и вечно бодрствующим Петроградским Советом...

Масса заволновалась, когда трибуну занял большевик. Последний был встречен диким свистом, свирепым воем, криками «вон», «долой», и прочими «приветствиями»...

Но были также и аплодисменты, была заметна попытка неведомых друзей и единомышленников поддержать большевика, подкрепить его перед шумной аудиторией.

Когда шум улегся и масса успокоилась, оратору удалось перед тысячной толпой собравшихся вскрыть и показать всю противоречивость, неустойчивость и антидемократизм установившийся, без согласия народа, буржуазной власти, к которой, естественно, не может быть, не должно быть и никогда не будет доверия со стороны рабочих, солдат и крестьян...

В дальнейшим указав, на противоречия, в которых по детски-беспомощно, жалко и бесплодно, бились выступавшие оппортунисты, оратор центр внимания массы перевел на классовую природу народившихся Советов, долженствовавших в огне гражданской войны сделаться органами власти революционной демократии, экономически обезличив и политически подчинив себе классы эксплоататоров.

На этом митинге впервые перед солдатами и рабочими были развернуты боевые лозунги нашей партии и впервые с возможной, в тех условиях, ясностью и исчерпывающей полнотой была выдвинута и освещена наша платформа, с тех пор непереставашая привлекать к себе внимание, а затем и симпатии широких трудящихся масс города и деревни.

Сходившего с трибуны большевика уже не брали в «свистки», уже не обдавали злым бешеным воем, а наоборот—провожали громкими, шумными и дружными аплодисментами, возгласами одобрения с одной стороны и суровым, почти гробовым молчанием с другой.

В тот-же день по городу быстро распространился слух: появился злой вредный и опасный большевик—один из членов преступной шайки, подкупленной немецким генеральным штабом...

Слух этот ползучей змеей быстро дошел до знаменитой царской контр-разведки, как известно, стоявшей тогда на страже меньшевистско-эс-эровского спокойствия, понятно, без официальной на то санкции со стороны «социалистического блока» и последняя поторопилась принять решительные меры к избавлению города от грозившей ему большевистской опасности...

На ближайшем, пятом или шестом по счету, митинге, в помещении зимнего городского театра, когда пишущий эти строки, заканчивая свое слово, едва успел отойти от трибуны, к нему ринулись агенты контр-разведки, схватили за руки и пытались задержать, как немецкого шпиона, но подоспевшие на выручку рабочие железной дороги, солдаты сильными толчками отбросили их. Суматоха и тревога на сцене театра прекратилась, шум перешел дальше за стены переполненного театра. Там возмущенные близкие и неизвестные друзья из рабочих и солдат «учили уму разуму» шпиков и держиморд услужливой контр-разведки...

С тех пор «социалистический блок», покой которого был уже нарушен, решил не давать слова без пред'явления мандата от политической партии.

Безмолвное «демократическое» решение было направлено против нарождавшегося большевизма.

Меньшевики и эс-эры знали как и чем ударить по большевизму, но на сей раз они ошиблись. Своим поведением они только быстрее подвинули дело создания большевистской организации.

Основание Витебской организации большевиков.

«Мягкое» решение архи-любезного «социалистического блока» заставило на первое время изыскивать различные способы и пути к публичным выступлениям для изложения нашего революционного большевистского credo. Пути для этого вначале, понятно, имелись различные, их было в первые дни не мало, но меньшевики и эс-эры монополизировавшие одно время целиком и полностью всю массу, все помещения, все средства, желая быть «вне конкуренции», решили не представлять слов большевикам.

В этот тяжелый момент пришел на помощь Латышский комитет.

Они, обычно, выдавали за подписью членов комитета Латышской организации и за печатью последней партийные мандаты, примерно, следующего содержания:

«Настоящим комитет латышской организации поручает товарищу X. выступать от имени латышского района на всех публичных собраниях, посвященных обсуждению политических вопросов».

Имея на руках подобный мандат можно было уже смело выступать на всех митингах, на всех собраниях, участвовать во всех дискуссионных боях с меньшим риском быть избитым или оказаться арестованным.

Надо было видеть гневных, ошеломленных, недовольных, сбитых с толку, смешных и жалких представителей «социалистического блока», когда им поневоле приходилось предоставлять слово, пускать на трибуну тех, от которых, как им казалось, избавились принятым хитро-мудрым решением... Опять на трибуне проклятый большевик и вновь пред глазами страшный, непризрачный, а живой, реальный большевизм...

Оставляя в стороне комические и трагические моменты, имевшие место в прошлом, приходится отметить одно чрезвычайно отрадное явление.

Нам удалось проникнуть в самую гущу массы, мы не пропускали буквально ни одного рабочего или рабоче-солдатского собрания, митинга.

Великую, организующую, зажигающую живительным светом правду большевизма мы носили в просыпающуюся постепенно массу, в рабочую и солдатскую среду.

Пусть мы тогда были слабы, одиноки, рассеяны, но вооруженные великим, чудо совершающим, талисманом-большевизмом, мы, буквально, пропитывали массы этой всесильной, всепокоряющей идеей, отрывая незаметно одиночки и целые группы от мелкобуржуазной идеологии, будя непобедимые классовые силы, очищая пролетарское сознание от налета буржуазно-капиталистической идеологии.

Смело можно сказать, что в то время одной беспрерывной агитацией и чрезвычайно редкой пропагандой мы подняли громадные социальные слои трудящихся масс.

Мы развернули перед ними грандиозную, чарующую картину будущего общества, не знающего войны, свободного, чуждого управления и эксплоатации человека человеком и класса классом; мы раз'яснили как почему и какими диалектическими путями рабочий класс, выполняя свою историческую миссию, проведет измученное человечество через царство насилия в царство свободы.

В те дни мы в массу бросали огненные идеи, пламенные лозунги. Последние в недрах ее вызывали бесконечные динамические процессы, способные взорвать старый мир и дать энергию для постройки нового гармоничного общества. Об'ективные условия широко благоприятствовали восприятию этих идей массами.

Среди железнодорожников, кожевников, портных, металлистов, домашних и ресторанных прислуг, среди печатников, строителей, текстильщиков появлялись мы, агитируя и организуя массу.

Но наступило время, когда уже сама наэлектризованная масса безмолвно требовала от нас перехода от предварительной агитационной работы

к наступлению, к организации поднятых рабочих и солдатских социальных пластов под лозунгами и знаменем нашей пролетарской партии.

Перед тем, как приступить к созданию самостоятельной общегородской партийной организации, велись переговоры с председателем комитета латышской организации, ныне покойным тов. В. Чунчиным.

На этих переговорах были подвергнуты довольно резкой критике принципиальные и тактические уклоны латышского комитета, затем были внесены три предложения: 1) латышскому комитету окончательно порвать с меньшевистской организацией; 2) сделать латышский район основой общегородской большевистской ячейки нашей партии и 3) двери латышского клуба свободно открыть для всех городских большевиков, сочувствующих и об'единенцев, превратив его в цитадель большевизма.

На все эти довольно определенные предложения товарищ Чунчин дал приблизительно следующий ответ: 1) с меньшевистским комитетом мы фактически не связаны, следовательно формальную связь нам рвать не трудно; 2) латышскую организацию и латышский район мы растворить не считаем целесообразным и 3) помещение латышского клуба крайне невместительно и поэтому открыть двери для всех мы не можем, так как последнее может подорвать работу среди латышского населения.

Полученный ответ достаточно ясно показал, что в данный момент надежды на латышскую организацию чрезвычайно проблематичны, что приходится расчитывать исключительно на собственную инициативу, на самодеятельность наших собственных сил, в уверенности, что наши товарищи латыши в дальнейшем присоединятся.

Так в предварительной большой работе и переговорах прошел май, наступил июнь месяц, а большевистской организации еще не было.

Приближались выборы в городское самоуправление, зашевелились соглашатели из «социалистического блока», созывали собрания, заседания в желто-социалистическом клубе; уже намечались списки кандидатов, а латышский район все еще не порывал своей «незаконной» связи с социал-предательским комитетом.

Как для подтверждения этого факта, так и для полного устранения на будущее время упреков в пристрастии к латышскому комитету, мы приводим здесь исторический документ, появившийся в 26 номере желтых «Известий» за 17 июня 1917 года под названием: К вопросу о социалистическом блоке.—*„На собрании 15-го июня в социалистическом клубе стоял вопрос о намечении списка кандидатов в городскую думу. Нам сообщают теперь заявление, поданное представителями социалистических партий председателю собрания клуба. Это заявление, подписанное представителями Витебских организаций: Р. С. Д. Р. П. (читай м-ков. Б. П-н), партии эс-эров, Бунда и латышской социал-демократией, было оглашено на общем собрании клуба и гласит следующее:*

„Нижеподписавшиеся представители разных социалистических партий, узнав из газет о предстоящем на сегодняшнем заседании клуба намечении списка кандидатов в городскую думу, полагают нужным просить Вас довести до сведения собрания следующее. В настоящее время между социалистическими организациями г. Витебска ведутся переговоры о создании на выборах в городскую думу социалистического блока, эти переговоры еще не закончены—почему вопрос о блоке в настоящее время приходится считать еще не разрешенным.“

Таким образом, мы видели, что еще 17 июня латышский комитет был связан с общегородским фактически и формально меньшевистским комитетом и «социалистическим блоком», полагая даже возможным перед лицом трудящихся масс блокироваться с ними при выборах в городскую думу.

Последнее обстоятельство заставило поторопиться созданием общегородской организации большевиков и 20 июня в газете «Известия Совета» появилось, пожалуй, первое за все время существования этой газеты революционное об‘явление.

Являясь историческим документом важного значения, мы приводим его здесь.

Собрание большевиков.

«Сегодня, 20 июня 1917 г., состоится организационное собрание большевиков и меньшевиков-интернационалистов в помещении Латышского Клуба (2-я Елагская д. № 12).

Просят товарищей и лиц сочувствующих придти на собрание».

Всегда аккуратные, точные и на редкость спокойные товарищи, члены латышского комитета, понятно, не были довольны появлением об‘явления о каком-то большевистском собрании в помещении латышского клуба. Их недовольство, надо думать, было чисто формального характера. — На каком, таком, основании без их разрешения созывают собрание в их помещении и даже без их предварительного уведомления...

При этом не мешает здесь отметить, что свое недовольство, за исключением тов. Чунчина, совершенно растерявшегося в тот момент, остальные товарищи выражали довольно энергично. Приходилось задуматься над вопросом удастся ли спокойно начать и деловым образом закончить первую организационную попытку...

Но дело было сделано революционным порядком и поневоле озадаченным товарищам пришлось примириться и оказать нам свое гостеприимство.

В шесть часов вечера в зале латышского клуба можно было наблюдать любопытную картину.

Там, за столиком, облокотившись, сидел пишущий эти строки и ждал. Ждал появления большевиков и большевиствующих, ждал живых людей, долженствующих придти на первый большевистский призыв к организации, построиться в ряды под наше рабочее знамя, на котором к тому времени давно уже сияла и манила к себе надпись: «Вся Власть Советам».

И вот начали появляться, сначала не смело, поодиночке, а затем по двое, после целыми группами, рабочие, работницы, солдаты и даже интеллигенты.

Появлялись, задавали вопрос: «а скажите, товарищ, здесь будет организационное собрание большевиков?»—и обрадованные, довольные утвердительным ответом, садились, занимали скамьи, ждали...

Между тем народ все приходил и приходил; в небольшом помещении, едва вмещавшем несколько сотен человек становилось душно. Открыли, несмотря на сильный ливень на улице, окна, а народ хороший, смелый, молодой рабоче-солдатский валом валил...

Вот в ближайшей от стены группе людей ярко выделяется крупная, кряжистая и несколько угловатая, вся мозолистая, фигура витебского большевистского аборигена сапожника Цемаха.

Даже появился он как-то по своему. Пришел, могучим плечом нажал на дверь и, заглянув исподлобья внутрь, басом, несколько хриплым, прогудел: «здесь большевики, наконец-то, собрались?» и получив утвердительный ответ, зашел и начал все и всех осматривать своим кривым глазом.

Недалеко от него экзальтированный юноша кожевник Лурье, мягкий и тактичный здоровый интеллигент Дмитрий Тайнов, всегда с светлой улыбкой на лице Шейдлина, на чем-то сосредоточенный Туфрин, энергичный здоровяк Шифрес, металлисты-солдаты из 5-й тыловой починочной артиллерийской мастерской, Петров[1]), Марцинкевич и другие из 4-го авиационного

---

[1]) Товарищ Петров – сельский учитель; будучи царской властью мобилизован, служил в 4-м авиа-парке, где вместе с сослуживцем своим, рабочим металлистом, тов. Марцинкевичем и другими не переставал распространять идеи большевизма. Сначала он это делал нелегально, но по свержении царизма, несмотря на все гонения, которые ему пришлось перенести от контр-разведки и контр-революционного офицерства, открыто присоединился к нашей партии, создав ячейку из солдат-рабочих авиа-парка и руководя последней вплоть до Октябрьской революции.

Он входил почти во все комитеты нашей организации, после в Военно-Революционном Комитете состоял членом и секретарем его.

По последним сведениям тов. Петров, изголодавшийся и надломленный большой и чрезвычайно ответственной работой, не выдержал, сдал. Он заболел туберкулезом легких и скончался где-то на Советской Украине. Витебская организация не имеет права и не может забыть этого революционера.

парка, хмурый Летошко [1]), бодрая Бабун [2]), веселые, полные сил, жизнерадостные молодые офицеры—большевики—Долгашов и Жук [3]), видавшие виды, рабочие Исьянов и Берестень, а дальше все знакомые рабочие рубашки, пиджаки, солдатские гимнастерки, масса работниц, молодежи и прибывшие члены латышского комитета.

Шумно, весело. Доносится здоровый раскатистый смех, слышны бодрые речи, товарищи держатся по большевистски, не хнычут, смотрят орлами, вперед и в высь, хорошо зная, что н а с т о я щ е е—б о р ь б а, а б у д у щ е е—п о б е д а.

Наконец, в 8 часов вечера, собрание об'является открытым. Его открывает член латышского комитета товарищ Бушман.

Председателем избирается всегда спокойный Бородавский, секретарями В. Чунчин и Левинтов.

От имени латышского комитета с приветственным словом выступает товарищ Аболин. Краткое, но яркое по содержанию слово. Отмечается важность первого собрания, его задачи. Товарищи призываются к энергичной сплоченной работе, к созданию единого, крепкого большевистского центра.

На собрании много м-ков и эс-эров. Последние предупреждаются, что их присутствие является излишним, но они спешат публично заявить о своем уходе из оппортунистических организаций, о том, что целиком

---

[1]) Тов. Летошко.—Рабочий, на редкость сознательный, преданный революции, с большими организаторскими способностями; состоял членом ряда партийных комитетов в различным местах западного края; после Октябрьской Революции много поработал в области кооперации, как недурный практик и хозяйственник; был мобилизован и работал в Красной Армии на Западном фронте, где пал жертвой трагической судебной ошибки

[2]) Тов. Бабун, неустойчивая молодая интеллигентка; на втором организационном собрании разошлась с нами по организационному вопросу и покинула наши ряды После, в Москве, она поняла свою ошибку, свою интеллигентскую слабость и вновь вошла в нашу партию, которую до сих пор, как революционный солдат, не покидает; отдавая всю себя активной и плодотворной работе.

[3]) Подпоручик Долгашов и прапорщик Жук. Первый—революционный офицер, одним из первых перешедший на сторону пролетарской партии, агитировавший за нее, боровшийся и страдавший за основные большевистские лозунги. Он состоял сотрудником «Окопной Правды», «Солдатской Правды» и других большевистских изданий. По распоряжению Керенского он, в числе других, был арестован, сидел и после был выслан в тыл—в Витебск. Был членом первого комитета Витебской организации, много поработал среди солдат до и после Октября.

По имеющимся сведениям пал героем в борьбе за Власть Советов, как красный командир, отстаивая от Юденических банд подступы Красного Питера, второй—тов. Жук—также сотрудник «Окопной Правды», редкий агитатор, неутомимый и вечный спорщик с оппортунистами, остроумнейший человек и приятный собеседник. Был выслан, после содержания в тюрьме, Керенским за агитацию большевизма среди солдат, за призыв: «не наступать!» Нашей организации его местопребывание сейчас неизвестно, как и неизвестно жив ли он.

присоединяются к собравшимся товарищам большевикам и сочувствующим и просят их принять в большевистскую среду.

Собрание большинством решает их принять в свои ряды и они остаются в помещении.

Принимается повестка дня из четырех пунктов: 1) Платформа об'единения, 2) Выборы согласительной комиссии, 3) Выборы Временного Комитета и 4) Текущий момент.

Вся повестка дня была основательно разобрана, принятые постановления сплотили всех, несмотря на наличие трех группировок—большевиков, об'единенцев, меньшевиков (интернационалистов) и сочувствующих из различных партий.

На другой день, в газете появилась кем-то сданная хроника, которую мы здесь приводим полностью несмотря на то, что она была основательно искажена и в резолюционной части целиком исковеркана ретивым м-ком—редактором соглашательских «Известий».

Эта хроника, если просмотреть упомянутые «Известия» за целых четыре месяца, должна быть отнесена к наиболее революционным документам. Она гласит:

Собрание большевиков и меньшевиков-интернационалистов.

«20 июня состоялось собрание большевиков и м-ков-интернационалистов. На собрание явилось около 400 человек.

В течение часа происходил обмен мнений между присутствовавшими с целью наметить платформу, на которой могли бы об'единиться большевики, об'единенцы и меньшевики-интернационалисты.

Решено было образовать согласительную комиссию, в которую вошли четыре большевика, два об'единенца и один меньшевик-интернационалист.

Избраны: от большевиков—Бородавский, Пинсон, Чунчин и Шифрес; от об'единенцев—Бабун и Аболин; от меньшевиков-интернационалистов—Туфрин.

После обсуждения организационных вопросов, среди которых, между прочим, постановили считать согласительную комиссию Временным Комитетом С.-Д. интернационалистов, собрание в своей организационной части было об'явлено закрытым.

После начался митинг. В конце митинга была принята резолюция:

«Организационное собрание большевиков и м-ков-интернационалистов, заслушав ряд мнений о начавшемся наступлении русской армии, выносит свой протест по этому поводу, считая, что это наступление грозит гибелью русской революции, что уничтожает все то, что было достигнуто до сих пор революционной демократией всех стран в деле мира и что оно вызовет раскол в армии и демократии и разобщит русскую демократию от пролетариата и армий других стран».

Так был заложен фундамент большевистской организации.

Спор о том, как назвать создавшуюся организацию. Формальная уступка большевиков. Выборы постоянного большевистского комитета.

2 июля состоялось второе организационное собрание—продолжение первого. На этом собрании подлежали обсуждению и утверждению выработанные платформы об'единения, название организации и выборы постоянного комитета.

По первому вопросу был заслушан доклад товарища Пинсона. По окончании доклада были приняты следующие тезисы:

Характеристика текущего момента и отношение к государственной власти.

Империализм.

Империализм—последняя фаза капиталистического развития, что особенно ярко выступает на Западе (Германия, Англия, Франция и т. д.) и получает свое выражение в концентрации промышленности и в торжестве политики финансового капитала. В реальной действительности он выявляется—в заполнении национально-государственных рамок мощным ростом производительных сил и в стремлении плутократической буржуазии к разбойничьему захвату чужих территорий для их эксплоатации под маской освобождения малых народов и национальностей.

Война.

Настоящая война—империалистическая. Оголив все скрытые экономические пружины она доказала, что ведется исключительно в интересах буржуазии и крупных землевладельцев, сводя на нет сплочение рабочего класса всех стран под социалистическим знаменем. Россия, став на рельсы империализма, искусственным путем в 90-х годах 19-го столетия вследствие феодальных пережитков, выделилась как империалистическая страна, хотя и с не совсем еще развитыми формами империализма, в последние годы до мировой войны и во время ее.

Война приблизила революцию.

Война, приподняла завесу, долго скрывавшую нароставшую анархию в производстве и распределении (политика синдикатов, санкционированная царизмом и всей правящей кликой), она вызвала недовольство масс, придавленных репрессиями, она оголила классовые противоречия и т. д. Вовлечение в войну большинства незаинтересованного в ней населения, тяжкие жертвы и т. д., переполнили чашу народного терпения. Отсюда революция прошла под лозунгами: «хлеба, мира и свободы».

Характеристика первого этапа революции.

Первый этап революции—буржуазно-демократический. Он отбросил последние феодальные обломки, привел к власти буржуазию, как единственно-

организованный к тому времени класс (военно-промышленные комитеты, союзы городов, всероссийский земский союз и т. д.). Отсюда и лозунги: «Война до победного конца» и т. д. Появление второй власти в лице Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с диаметрально-противоположными стремлениями, уже говорило о втором этапе русской революции.

Характеристика Временного Правительства.

Временное Правительство, став у власти, повернулось спиной к 9/10 русского народа, в лице его Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и земельных комитетов, ибо оно не могло и не хотело дать народу того, чего он требовал и под лозунгами которыми он боролся на улицах Петрограда. Отсюда оно и представляло неустойчивую власть под постепенно выделявшейся другой властью в лице Совета Рабочих и Солдатских Депутатов; отсюда уже не власть Временного Правительства, а двоевластие, неопределенность. Так, рядом с Советом Временное Правительство неизбежно начало выделяться явно контр-революционной властью. Поскольку Совет Рабочих и Солдатских Депутатов фактически представляет более сильную власть, постольку мы вошли в другой этап русской революции.

Характеристика Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов представляет собой большинство всей необ'ятной России, так как включает: пролетариат, батраков, полупролетариат — мелкое крестьянство, а также отчасти интеллигентскую городскую демократию. Его слабость — в классовом его составе, ибо мелкая буржуазия, представленная в нем большинством, колеблется между пролетариатом и империалистическим Временным Правительством. Отсюда и боязнь взять всю власть в свои руки в минуту, когда страна идет к гибели, благодаря затягиванию войны в союзе с англо-французским империализмом.

Коалиционное министерство.

Коалиционное министерство не может дать стране того, чего последняя требует, ибо оно само явилось в результате мелкобуржуазных иллюзий и луиблановщины, господствующей в головах представителей большинства Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Империализм и его спутники— война, анархия производства, отвлечение производительных сил на нужды войны,—устранимы только полным переходом всей власти в руки большинства народа—в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Власть Советов.

Переход всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов должен завершиться также переходом всего хозяйственного организма страны в собственность большинства трудящегося народа, т. е. Советов и фабрично-заводских комитетов. Буржуазия безусловно должна быть привлечена к работе, но уже не для загребания 500—600% сверхприбыли,

а для приложения своего опыта, для того, чтобы хозяйство велось рационально Всякое стремление буржуазии и ее агентов увильнуть от исполнения действительно-гражданского долга, должно быть пресечено в корне властью Советов. Этим закончится второй этап русской революции.

Все банковые предприятия должны быть конфискованы для организации единого национального банка под контролем Советов.

Дальнейшие перспективы.

Власть Советов постепенно перейдет в социалистическое общество только под влиянием социальных революций в старых капиталистических странах, ибо настоящая война—империалистическая может ликвидироваться только мощным восстанием международного пролетариата. Русская революция своим поступательным движением зажигает революционный пожар во всех империалистических странах, а последний окончательно, закрепит диктатуру Советов в России, двинув вперед социалистическое переустройство общества.

По организационному и программному вопросам с докладами выступили т. т. Шифрес и Бабун. В результате были приняты тезисы, предложенные от имени согласительной комиссии т-щем Шифрес [1]).

На этом же собрании было постановлено: 1) немедленно примкнуть к Всероссийскому большевистскому центру, 2) послать делегата на конференцию, созываемую Центральным комитетом на 25 июля, 3) с местными партийными организациями все связи порвать и в постоянный контакт больше не входить.

Вопросы о блоках и прочих соглашениях должны решаться в каждом случае отдельно с привлечением к обсуждению наиболее последовательных товарищей и с предварительным уведомлением центрального комитета.

В избранный комитет вошли следующие товарищи: Аболин, Бородавский, Берестень, Долгашев, Петров, Пинсон, Тайнов, Чунчин, Шейдлина и Шифрес. В кандидаты были избраны: Битте, Дирик, Летошко и Цемах.

Таким образом, выбранный первый комитет состоял из восьми большевиков, одного об'единенца и четырех кандидатов также ортодоксальных большевиков.

Самым боевым, как это ни странно, вопросом, отнявшим у собрания много времени, был вопрос о названии организации.

Об'единенцы и интернационалисты настаивали, чтобы основанная организация, включавшая помимо большевиков, об'единенцев и м-ков интернационалистов, носила бы название «Витебская организация Р.С.Д.Р.П. (Интернационалистов)».

По этому вопросу развернулась страстная полемика. Большевики справедливо не желали уступить свое славное историческое название, получившее

[1]) К сожалению тезисы по организационному и программному вопросам не сохранились. Равным образом не сохранились и другие исторические документы.

заслуженное право гражданства после славных боев и побед над всеми оппортунистическими течениями в рядах Р.С.Д.Р.П.

Большевизм означал последовательность, пролетарскую непримиримость, а интернационализм (само по себе не дурное название...) был к тому времени чрезвычайно избитым словом вследствие выступлений дряблых новожизненцев во главе с безхребетным Мартовым и прочей семьей мягкотелых.

Интернационалисты также сопротивлялись и даже грозили уходом в случае провала их предложения. Для разрешения вопроса был об'явлен перерыв для совещания обоих сторон.

На совещании большевиков пришли единодушно к следующему решению: так как по существу об'единенцы и м-ки интернационалисты целиком и полностью сдали свои основные, принципиальные позиции, согласившись присоединиться к большевистскому центру, к его лозунгам, безповоротно принять диктуемую им тактику и т. д., то по формальному вопросу раскалываться нецелесообразно. Перефразируя это решение большевиков словами Владимира Ильича, можно было бы сказать: «Большевики, уступив на малом, выиграли на большом, основном».

Мы хорошо знали, прекрасно помнили основное и главное из Коммунистического Манифеста, что «коммунисты считают позором скрывать свои воззрения и стремления. Они открыто об'являют, что их цели могут быть достигнуты лишь посредством ниспровержения всего современного общественного строя...».

Раз коммунистическое мировоззрение, стремление и тактика безоговорочно приняты нашими союзниками, в тезисах зафиксированы, публично выявлены, тогда небольшим грехом будет временная уступка [1]) им по формальному вопросу об одном только названии.

Наконец совещание кончилось. Вновь все вместе в большом зале. От имени большевистской части об'является мотивированное согласие принять предложение об'единенцев и м-ков интернационалистов.

Таким образом, родившаяся большевистская организация при своем крещении получила название: «Витебская организация Российской Социал-демократической Рабочей Партии (Интернационалистов).

Призрак раскола, поднявшийся над головами собравшихся и грозивший с самого начала сорвать создание большевистского центра в городе и губернии—исчез окончательно.

Мы стояли перед радостным фактом. Организация создалась. Взятый политический курс правилен. Отныне в бой не распыленными одиночками, а стройными рядами под старым большевистским знаменем.

---

[1]) Разумеется, что приближаясь к октябрю наши об'единенцы и м-ки интернационалисты сами уже отказались от пресловутого названия «интернационалисты», везде и всюду называя себя большевиками. Тогда и организация переименовалась в Р.С.Д Р.П. (большевиков).

Первые шаги нашей организации.

На другой день заседал партийный комитет. На этом первом заседании намечался план работы на ближайшее время. Было решено: 1) немедленно приступить к созданию фракции в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, подчинив всех членов ее партийной дисциплине, 2) войти в президиум Совета и 3) на всех пленарных заседаниях Совета раскрывать перед лицом представителей рабочих и солдат мелкобуржуазную и буржуазную политику соглашательских партий.

Что же касается работы в частях гарнизона, то в этом отношении было постановлено: 1) углубить и расширить нашу агитацию путем распространения наших газет, нашей литературы, устройством митингов и собраний созданием ударных агитаторских групп, организацией большевистских ячеек и фракций, руководимых непосредственно членами Комитета; 2) по мере того, как наша агитация войдет вглубь солдатской массы, начать кампанию за перевыборы Совета и 3) комитету путем организации денежных сборов и самообложения членов организаций создать фонд для оказания материальной помощи товарищам большевикам, заключенным в тюрьме «прославленной демократии».

В отношении рабочих организаций, как-то: профсоюзы, культурные организации, отдельные предприятия и т. д.,—принято: 1) начать работу в профсоюзах таким образом, чтобы, завоевывая симпатии рабочих масс, постепенно вытеснить соглашателей из правлений союзов, заменив их нашими товарищами; 2) в тех случаях, когда в правлениях уже представлены наши товарищи, предложить последним на общих собраниях членов союзов раскрывать анти-рабочую и компромиссную политику соглашательского большинства правления; 3) начать работу на предприятиях путем распространения большевистской литературы, устройства собраний, агитации за вступление в члены нашей организации и т. д.

Таким образом наметив план, комитет приступил к работе.

Прежде всего была организована фракция Совета. Она первоначально насчитывала от 10 до 15 товарищей, а в президиум Совета от нашей организации вошел председатель партийного комитета. Фракция Совета созывалась, еженедельно и даже чаще, обсуждала все вопросы, намечавшиеся соглашательским президиумом, с своей стороны намечала вопросы порядка дня, вопросы революционные и боевые, которые, разумеется, отвергались соглашательским большинством, что служило прекрасным материалом для дискредитирования меньшевиков и эс-эров в глазах рабочих и солдат.

Быстро развившаяся деятельность нашей организации, давшая в первые же дни положительные результаты, временно задержалась отголосками петроградских событий 3—5 июля.

Контр-разведка, засучив рукава, с благословения м-ков и эс-эров, направо и налево, вернее на лево, хватала и арестовывала наших товарищей.

Наши газеты, наша партийная печать еще долго спустя буквально не допускалась в воинские части, рассматривалась, как при царизме нелегальщина. Наши агитаторы зачастую совершенно не допускались к трибунам и т. д.

7-го июля состоялось об'единенное заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с Губернским Исполнительным Комитетом Крестьянских Депутатов. На этом заседании был заслушан доклад о событиях в Петрограде. Докладчиком выступил меньшевик Квасман [1]).

В своем слове, длившемся почти 2 часа, докладчик нападал на «безответственных» большевиков, обвинял их в авантюризме и пр. политических преступлениях... Характеризовал Петроградское выступление, как наглую попытку, чуть ли не одного пулеметного полка, навязать стране Советскую Власть ..

В том же духе выступили и представители других соглашательских партий.

От нашей фракции выступили: т. Тайнов и Пинсон. Оба оратора, отвергая все обвинения, брошенные по адресу большевиков, подвергли самой резкой критике политику Петроградского Совета, допустившего наступление на фронте в тот момент, когда империализм внутри страны не изжит, когда в тесном союзе с французским и английским буржуазными правительствами выступает коалиционное правительство России. Было также отмечено, что российский рабочий класс и российская революция получили жестокий удар от вступления в буржуазное правительство так называемых «социалистов»: Скобелева, Чернова, Церетелли и других. Что же касается самого выступления в Петрограде революционных матросов, солдат и рабочих, то с нашей стороны оно характеризовалось, как протест против сотрудничества с буржуазией, протест, долженствующий, наконец, устранить все колебания Петроградского Совета в основном вопросе о государственной власти.

Не буржуазное, не коалиционное правительства спасут страну от всех трудностей, переживаемых ею, а только Власть Советов единственно сможет разрешить все колоссальной трудности задачи, перед которыми очутилась революционная демократия.

Последние слова ораторов большевиков были прерваны шумом, криками «долой», «вон», свистом и т. д.

Долго в воздухе стоял чудовищный шум; казалось, что большевиков возьмут в палки, трости, кулаки, будут рвать зубами и ногтями, но постепенно публика успокоилась.

Предложенная нами резолюция была, разумеется, отвергнута, Внешне мы, как будто, были побежденны, но на деле, под влиянием июньских

---

[1]) Квасман впоследствии ушел из меньшевистской организации и ныне является членом нашей партии.

и июльских событий, вскрытых и раз'ясненных нашими выступлениями на пленумах Совета, собраниях, митингах, партийных собраниях и т. д., начался в гуще рабоче-солдатской массы глубоко-прогрессивный процесс переоценки ценностей. Этот процесс рос и его благотворное влияние постепенно стало сказываться. Оно с особой силой выявилось при выборах в Городскую Думу.

Наша победа при выборах в Городскую думу.

Первой большой кампанией, которую пришлось провести нашей, едва оперившейся организации были выборы в Городскую Думу.

К этой большой борьбе мы основательным образом предварительно сорганизовались.

Кампанию мы начали во второй половине июля с расчетом успеть предварительно проделать внутри-партийную работу с тем, чтобы после освободить все силы на агитацию за наш список.

Против большевистского списка во всеоружии стояли 20 буржуазных, клерикальных, соглашательских и прочих списков.

Для каждого члена партии, для каждого революционного солдата, рабочего и работницы было ясно, что бой предстоит горячий, что силы далеко неравные, что средства денежные и материальные в руках врагов, что в этой борьбе необходимо выявить максимум активности, инициативы, преданности и т. д.

Еще задолго до начала агитационной кампании, состоялось несколько партийных собраний, на которых вопрос о выборах широко обсуждался, производился приблизительный подсчет сил, записывались агитаторы, намечались докладчики, товарищи для простых технических поручений, составлялись ударные группы, давались директивы ячейкам воинских частей, фабрик, заводов, железной дороги, профсоюзов и т. д.

На заседании общегородского комитета Р.С.Д.Р.П. (интернационалистов) с латышским районным комитетом в присутствии и при участии представителей воинских частей и фракции Совета был намечен и утвержден следующий список кандидатов в гласные Городской Думы: 1) Аболин, 2) Баранов, 3) Битте, 4) Бородавский, 5) Дирик, 6) Крюков, 7) Летошко, 8) Лейланд, 9) Марцинкевич, 10) Пинсон, 11) Петерсон, 12) Петров, 13) Рабкин, 14) Рубин, 15 Туфрин, 16) Чунчин и другие.

К этому основному списку был добавлен список кандидатов на случай выбытия кого-либо.

При этом необходимо пояснить, что наша организация совершенно не рассчитывала отвоевать много мест у «социалистического блока» и у буржуазных партий и тем не менее мы наметили большой список «на всякий случай».

К этому остается добавить, что несмотря на то, что в нашем списке было до 10-ти солдат, все же он должен был быть отнесен к исключи-

тельно рабочим спискам, так как за исключением 2—3 интеллигентов, все остальные солдаты были исключительно квалифицированными рабочими.

Не будет преувеличением, если мы здесь отметим, что солдаты, имевшиеся в нашем списке, были наиболее квалифицированными и наиболее сознательными рабочими металлистами рижских, харьковских, питерских и других заводов.

Большей частью они были выдвинуты ремонтно-починочными военными мастерскими, как-то: 5-ой тыловой починочной артиллерийской мастерской, 4-ым авио-парком, рабочими дружинами, военными хлебопекарнями и т. д.

В конце июля начались митинги, собрания, началась и вскоре во всю ширь развернулась агитационная борьба.

В этих боях приходилось, понятно, большей частью сталкиваться с представителями желтых, социалистических мелкобуржуазных партий, так как остальные социально-политические группировки, за исключением кадетов и еврейского общественного блока, ничего серьезного и опасного собой не представляли.

Не имея помещений для устройства митингов, мы созывали граждан под открытым небом и здесь раз'ясняли им задачи, стоявшие перед городским самоуправлением, приглашая их голосовать за наш список и растолковывая им, почему партия большевиков является единственной защитницей городской трудящейся бедноты.

Такие летучии митинги устраивались нами в день по несколько раз и почти во всех частях города. Преимущественно мы уделяли внимание рабочим окраинам, что в конечном счете принесло нам большую пользу. Симпатии бедноты оказались на нашей стороне, и в дни выборов она много своих голосов отдала нашей партии.

Правильное распределение агитаторов по воинским частям и рабочим организациям чрезвычайно облегчало нам борьбу с «социалистическим блоком».

Не было буквально ни одного митинга, ни одного рабочего собрания, где бы большевики не выступали, как оппоненты. Везде и всюду мы перед трудящимися массами ставили соглашателям в упор роковые вопросы: как они полагают улучшить положение городской бедноты, не прибегая к экспроприации разжиревших богачей-капиталистов, как они рассчитывают возродить городское хозяйство, одновременно все материальные ценности и все народное богатство бросая на войну, затеянную имущими классами и в интересах последних... Ставя эти проклятые для них вопросы, мы развивали перед рабочими и солдатами нашу программу, прямо указывая и подчеркивая, что наилучшие программы останутся на бумаге до тех пор, покуда вековая тяжба между трудом и капиталом, эксплоатируемыми и эксплоататорами не будет разрешена, пока социальная революция не смоет до основания все противоречия классового буржуазного общества.

Так обходя все воинские части, рабочие собрания, мы постепенно и неуклонно привлекали их на нашу сторону, вырывали из-под идейного разлагающего влияния желтых социалистов, организовывали под новыми революционно-боевыми лозунгами, наполненными жизненным, бодрящим содержанием.

Из всех митингов, проведенных нами за это время, особенно ярко запомнились: один, проведенный в бывшим дворянском саду, и другой—в помещении 5-ой артиллерийской мастерской.

Первый, начавшись с маленькой горсточки солдат, в дальнейшем собрал до 5 ти тысяч человек.

Митинг, собранный впервые после июльских дней, привлек буквально всех интересовавшихся политическим моментом. Притаив дыхание, масса не отрывала глаз от ораторов большевиков, не пропускала ни одного слова, а схваченное на лету передние ряды передавали задним и не успокаивались до тех пор, пока последние из присутствовавших не узнавали подлинную правду о положении страны, о событиях, имевших место на фронте, в Петрограде, о политике соглашательских партий, буржуазного правительства и о том, за кого надлежит голосовать при выборах в городскую думу.

В страшное негодавание пришли собравшиеся, когда агенты «социалистического блока», пригрозив казаками, предложили немедленно разойтись. Тысячи кулаков, мозолистых, крепких, угрожающе поднялись по адресу тех, кто позволил себе свободную революционную демократию пугать обманутыми донцами и кубанцами. «Не разойдемся, не страшны нам казаки», кричали революционные солдаты и рабочие и остались до конца, до темной ночи. Осмелившийся выступить представитель партии эс-эров вынужден был быстро ретироваться. С этого митинга масса ушла с ясным сознанием и твердым решением отдать свои голоса при выборах единственной партии—социал демократам—Интернационалистам.

Другой митинг состоялся ночью в стенах красных казарм. Здесь собрались все солдаты починочной артиллерийской мастерской со своим командным составом. Наша ячейка к этому времени был уже здесь достаточно крепка и влиятельна среди остальной солдатской массы.

Не мешает, пожалуй, тут-же отметить что солдаты этой воинской части, насчитывавшей до 800 и больше человек, почти целиком состояли из обученных рабочих металлистов, были весьма сознательны и чрезвычайно чутко прислушивались ко всему совершавшемуся в стране. Поэтому «социалистический блок» для борьбы с большевиками в этом месте мобилизовал свои лучшие силы из партии и совета. С нашей стороны присутствовали члены ячейки и партийного комитета.

Политический бой открылся выступлением меньшевистского лидера Тарле, вслед за ним выступил председатель Совета Солдатских Депутатов народный социалист Лихницкий, выступили и другие, но успехом не поль-

зовались, более сознательные солдаты ждали большевиков, и последние появились на трибуне.

Бурными аплодисментами встретили солдаты своего любимца—члена комитета тов. Шифреса. В получасовой речи он подверг уничтожающей критике докладчиков оппортунистов, до конца выявив всю их соглашательскую мелкобуржуазную природу и доказав, что они своей двойственной, лицемерной политикой никогда не дадут рабочему классу и крестьянству ничего положительного, кроме жестоких разочарований, продолжения войны и углубления хозяйственной разрухи. Он закончил призывом к сознательным солдатам-металлистам дружно голосовать за список социал-демократов-интернационалистов. Настроение особенно приподнялось, когда сверху были брошены отпечатанные бюллетени со списком кандидатов, выдвинутых в думу нашей партией.

Солдаты все, как один человек, ловили эти списки, осторожно, боясь порвать, складывали, чтобы на другой день опустить их в избирательную урну.

Таким образом были проведены митинги во всех частях и везде большевистское знамя было дружно поддержано солдатами и рабочими.

Наконец прошла избирательная кампания. Выделенная для подсчета голосов комиссия, куда вошли и наши товарищи, подводила политические итоги. Результаты оказались неожиданными, для «социалистического блока» в первую очередь.

Соглашательские партии получили 30 с лишним мест; остальные 18 списков получили по несколько мест. Наша, едва начавшая жить, затравленная и загнанная организация получила 16 мест.

Как партия мы победили, ибо «социалистический блок», об'единивший четыре самые сильные организации (с.-д., «бунд», эс-эры и эн-эсы) и надеявшийся получить 4/5 всех мест, едва получил на каждую политическую организацию по 12 мест.

С этой победы мы почувствовали прилив новых сил. На нас смотрели с надеждой рабочие и солдатские массы. Они нас на деле укрепили своим доверием, поручив нам отстаивать их рабочие и солдатские интересы в городском самоуправлении.

На другой день состоялось заседание комитета, на котором было постановлено немедленно организовать фракцию гласных городского самоуправления и в срочном порядке разработать декларацию с изложением отношения фракции с.-д. интернационалистов к Городской Думе и совместной работе с представителями других партий, общественных и национальных организаций.

Торжественное заседание вновь избранной Городской Думы открылось 10 сентября в помещении зимнего городского театра.

Помещение театра залито огнями, переполнено народом, оркестр играет «Интернационал», настроение приподнято. В глубине сцены расселись гласные, имея в центре «социалистический блок», на правом крыле— все правые политические группировки, а на левом—социал-демократов-интернационалистов.

Наконец приступают к самой главной и существенной части заседания.—Оглашаются декларации.

Первой зачитывается декларация «социалистического блока». С большим под'емом от имени гласных «бунда», с.-д., эс-эров и эн-эсов выступает гр-н Аронсон[1]).

Прекрасно обработана его речь и, пожалуй, мастерски написана декларация, но главное отсутствует: нет революционного марксизма, нет пролетарской правды... Но зато иллюзий, противоречий, скользких мест хоть отбавляй.

После речи и зачтения декларации «социалистического блока» от фракции с.-д.—Интернационалистов выступил тов. Петров.

Его все окружили вниманием, даже несколько большим, чем представителя «социалистического блока», но это внимание было отличным по содержанию от первого... То было внимание, целиком пропитанное классовой ненавистью, или, вернее, это была одна голая, неприкрытая ненависть

Тов. Петров это, очевидно, почувствовал и несколько побледнел, но вся фракция во время дружно и тепло поддержала его аплодисментами. Он почувствовал прилив бодрости, новой энергии, как-бы переданной ему всеми недалеко от него находившимися 15-ю товарищами большевиками, и обратился к думе с краткой речью, после которой при гробовом молчании зала приступил к зачтению декларации.

Во время чтения один только гражданин Гнилорыбов ерзал на стуле.— Ему не сиделось. Его, очевидно, сильно возмущало, что фракция большевиков—на сцене театра и декларирует волю рабочих, солдат и городской бедноты вместо того, чтобы сидеть за решеткой с остальными заключенными большевиками, поднявшими голос против войны, смертной казни и за подлинные права рабочих, солдат и крестьян...

Мы приводим здесь этот исторический и революционный документ, хорошо зная, что он изобилует самыми грубыми ошибками, марксистскими неточностями и прочими дефектами, неизбежными в тех условиях нашей тяжелой работы.

«Мы, гласные, революционные социал-демократы, представители 4212 Витебских избирателей, считаем необходимым об'явить гласным других соци-

---

[1]) Аронсон—лидер левых меньшевиков. Впоследствии он примкнул к правому крылу и за ряд контр-революционных выступлений выслан Советской Властью в буржуазную Европу.

алистических партий наше мнение по поводу предстоящей совместной работы в городском самоуправлении с точки зрении нашей партии.

1. Наша партия называется Российской Социал-Демократической Рабочей Партией—Интернационалистов. Она является партией пролетариата и беднейших слоев городского и крестьянского населения.—Как таковая она везде и всюду будет бороться со всеми глубоко-отрицательными тенденциями и контр-революционными попытками провести в жизнь такие мероприятия, которые могли бы плачевно отразиться на положении наших избирателей.

2. Мы заранее знаем и твердо убеждены, что об'ективная классовая природа того или другого гласного будет ему диктовать содержание и направление творчества в новой Думе, а потому мы заранее становимся в весьма определенные отношения ко всем остальным гласным, представляющим собой выразителей интересов остальных групп и классов населения.

3. Наша партийная программа определяет и наши отношения ко всем остальным гласным, являющимися столь же верными, как и мы, выразителями других политических групп, интересы коих диаметрально противоположны интересам наших избирателей—рабочих и беднейших слоев населения, измученных финансовой, экономической и продовольственной разрухой, являющейся прямым следствием преступной войны, сознательно 4-ый год затягиваемой имущими классами и правящей кликой при сознательной и добровольной поддержке со стороны идеологов мелкой буржуазии.

4. Поэтому, как условие нашей совместной работы, взаимной поддержки и сотрудничества с гласными, представителями других течений социалистической мысли, мы ставим прежде всего твердую, искреннюю и решительную борьбу за мир. Мы открыто заявляем, что все радикальные мероприятия, изложенные в программах всех социалистических партий, останутся на бумаге, не будут проведены в жизнь до тех пор, пока на пороге здорового социального творчества и планомерного ведения городского хозяйства стоит кровавый кошмар войны. Последний далеко отбрасывает все благие порывы и блестящие программы революционных и демократических элементов.

5. По отношению же к гласным, прошедшим под флагом контр-революционной партии «Народной Свободы» и являющимся защитниками плутократии, стремящимся всеми силами продлить войну во имя узко-классовых материальных интересов, добивающимся переложения всех налогов на бедную и обездоленную часть населения, а также по отношению к гласным консервативных, реакционных и национально-шовинистических групп, прошедшим по спискам «Белорусского Народного Союза», «Польского Коло», «Ахдус-Исроэл» и другим принимаем боевой порядок и заявляем, что будем бороться всеми силами против них, как явных и тайных врагов рабочего класса и революции, везде и всюду разоблачая их классовую природу.

6. Хорошо понимая, что классовая борьба пролетариата едина и в своем развитии, углублении и расширении должна опираться исключительно на революционно-демократичекие и пролетарские органы, завоеванные историческим процессом классовой борьбы и русской революцией, мы считаем необходимым тесно связаться в вопросе рабочей политики—с профессиональными союзами; в вопросе продовольственном—с рабочими кооперативами, по всем остальным вопросам—с революционными Советами.

7. Сознавая при этом, что по пути разрешения всех хозяйственных задач в интересах беднейшего населения в лице ныне существующего Совета не найдем поддержки, поскольку последний окончательно погряз в соглашательстве с буржуазией,—мы столь-же открыто заявляем, что никакие задачи не смогут быть разрешены впредь до перехода полноты власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, за каковую цель мы с нашими избирателями будем бороться до полного революционного достижения.

После оглашения декларации докладчик изложил конкретные практические меры, которые по мнению фракции надо было поставить в программу работы новой Думе.

После товарища Петрова выступали гласные других партий. В своих речах и декларациях они, разумеется, ответили нашей фракции, не остались в долгу, но мы, перешедшие с первого же вечера в наступление на центр и правый фланг Думы, данное публичное обещание выполнили. Впоследствии мы революционным путем разогнали Думу, установив твердую власть Советов.

В дни Корниловского заговора.

Ко времени государственного совещания и появления знаменитого белого генерала Корнилова—этого организатора и сигнальщика контрреволюции—наша организация уже успела довольно основательно вырасти и организационно окрепнуть.

Прежде всего часто созывавшиеся общие партийные собрания крепкой, неразрывной и живой связью соединили партийный комитет со всеми членами партии, а через последних—со всеми солдатами и рабочими города.

Не было буквально ни одного собрания, на котором не присутствовали-бы представители всех воинских частей, на которое не пришли-бы в большом количестве беспартийные рабочие и солдаты.

По существу мы в то время имели такую прекрасную связь со всеми частями и рабочими организациями (союз металлистов, трамвайщиков, льнопрядильной ф-ки «Двина» и т. д.), что при надобности могли собрать несколько тысяч человек, готовых по первому зову выступить и отдать свои жизни во имя защиты нашей организации и революционных завоеваний.

Этим, разумеется, не ограничился наш успех. Мы прежде всего не были уже одинокими в губернии. Нашему организационному примеру

быстро последовали сначала двинские, затем невельские, а после полоцкие и режицкие товарищи. Вскоре почти все уездные города Витебской губ. имели большевистские ячейки, после развернувшиеся в организации.

Правда, не было губернского, конференцией избранного, партийного центра, но и он после первой же конференции (1-е октября) был создан. Временно же, до проведения губернской конференции, городской комитет одно время фактически выполнял обязанности губернского партийного комитета, будучи связан, правда, живой только связью с самыми отдаленными уездами.

Связь с Центральным Комитетом партии была установлена еще задолго до второго организационного собрания, но она была связью личной, персональной, а не массовой, организационной.

С созданием же организации установилась нормальная, обычная связь, непрерывавшаяся уже после этого. Наоборот, она возросла, окрепла, расширилась и развилась.

Из Петрограда мы получали в большом количестве газеты: «Правда», «Солдатская Правда» и другие, а также листовки в огромном количестве, агитационную литературу и прочее. Из Москвы мы получали: «Социал-Демократ» и другие большевистские издания.

Между прочим нам удалось при помощи железнодорожного машиниста, кажется, тов. Ильина, наладить транспортировку конфискованных правительством Керенского газет.

Наряду с этим у нас установилась живая связь с Минской, Смоленской и Псковской большевистскими организациями.

Эта связь принесла нам большую пользу. В нужную минуту, как-то: во время нашей широкой агитации, затем при выборах в Городскую Думу и Учредительное Собрание, мы широко воспользовались литературой, листовками, трафаретами, предоставленными нам перечисленными организациями.

Созыв государственного контр-революционного совещания в Москве не захватил нашу организацию врасплох. Мы развили широкую и чрезвычайно успешную агитацию, раз'ясняя солдатским массам, что представляет собой «правительство спасения революции» во главе с Керенским, собравшееся совещание, и как наша партия относится к этому политическому явлению.

В том же духе наши товарищи выступали перед рабочими массами. Последние уже более внимательно прислушивались к большевикам и даже зачастую искали представителей нашей организации для того, чтобы лучше и об'ективнее информироваться у них о действительном положении страны.

Измена Корнилова на фронте и восстание, поднятое им при помощи самых подлых царских генералов, сохранившихся в армиях, и темных казаков, поднятых им против революции, широко открыли глаза рабочим и солдатам, полностью подтвердив справедливость всего высказанного, в свое время, большевиками.

В дни непосредственной корниловской авантюры при активном участии нашего комитета, фракции Совета, Думы и всей организации, было создано для борьбы с белым генералом военно-революционное бюро при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. В это бюро от нашей организации вошли товарищи: Демин, Ахов, Тайнов[1]), как военные специалисты и большевики, больше всех связанные с местным гарнизоном и любимые им, а также председатель комитета.

Можно с полной уверенностью сказать, что только энергичной деятельностью нашей группы в военно-революционном бюро удалось сохранить в губернии революционный порядок, выловить Корниловских и Савинковских агентов, а своевременной переброской войск к ставке предупредить и, пожалуй, остановить дальнейшее развитие преступного корниловского восстания.

С особой ясностью вспоминается, как зашевелились тогда члены Совета из состава «социалистического блока»; как беспомощно забегали, засуетились они, совершенно не зная, что и как делать в эту тревожную минуту.

Надо было мобилизовать против Корнилова солдатское и рабочее мнение, а последнее не под силу было сделать соглашательским партиям.

Ведь они так презрительно относились к солдатам, ругая их деклассированной массой, серой стихией и прочими нехорошими словами; ведь они с таким недоверием за последнее время относились к рабочим, неперестававшим напирать на предпринимателей и взрывающим этим межклассовый мир, который без отдыха и перерыва со времени февраля тщетно штопали и чинили меньшевики и эс-эры...

В это время только большевики умели действовать и фактически действовали, появляясь во всех частях гарнизона, выезжая на места, выступая на солдатских и рабочих собраниях, везде и всюду раз'ясняя широким массам сущность происходящих событий и призывая к дружному отпору зарвавшемуся белому генералу, вздумавшему вновь одеть оковы на рабочих, солдат и крестьян, превратить в покорных рабов иностранного и российского капитала освободившийся русский народ.

---

[1]). Поименованные выше товарищи состояли членами комитета 2-го состава. Они, за исключением товарища Тайнова, были опытными, боевыми офицерами и были удалены из частей в запас чинов за агитацию большевизма на фронте. Тов. Тайнов старый революционер, был чиновником военного времени.

Кипучая деятельность большевистской группы в Военно-Революционном Бюро соответствующим образом влияла на оппортунистические партии. В то время меньшевики и эс-эры оказались увлеченными нашими товарищами и по мнению их правого лидера, гр-на Брауна, очутились на поводу у большевиков.

Во время разгара корниловского мятежа проездом на фронт прибыл на станцию Витебск другой царский генерал Алексеев, впоследствии соратник Корнилова по активной борьбе с Советской Республикой на Юге России.

Его посетили представители Военно-Революционного Бюро, пытались узнать от него, как он относится к корниловскому заговору, как он смотрит на развитие военных операций, как он рассматривает и расценивает создавшуюся политическую ситуацию и т. д.

Генерал прекрасно учел обстановку и не болтал лишнего, торопясь отделаться пустыми замечаниями успокоительного характера, но не успокоил, не убаюкал он наших товарищей, бывших в этой делегации.

Последние пришли и сразу же заявили членам комитета, что по их глубокому убеждению Военно-Революционное Бюро после подавления корниловской авантюры должно функционировать дальше,—так как под маской ликвидации мятежа и наступающего внешнего спокойствия фактически задумываются новые, более организованные, выступления контр-революционных сил.

После ликвидации корниловского выступления было заседание партийного комитета, на котором, между прочим, по вопросу о Военно-Революционном Бюро, было постановлено: 1) настаивать на дальнейшем сохранении этого органа борьбы с контр-революцией и 2) категорически требовать освобождения наших товарищей фронтовиков, осужденных за выступления против смертной казни для солдат, за агитацию против наступления и других контр-революционных распоряжений правительства Керенского и заключенных в местные общие и военные тюрьмы.

На расширенном заседании Военно-Революционного Бюро товарищи Шейдлина, Ахов и Пинсон по поручению комитета внесли принятые почти накануне предложения.

Поднятый вопрос вызвал страшную дискуссию. Лидер меньшевиков перед дряблой аудиторией буквально во всех разрезах и со всех сторон рассматривал наши, по его мнению, «удивительные» предложения, высказавшись, наконец, самым решительным образом против них.

За ним выступали и пели в унисон его единомышленники, прекрасно и умело скрывая внутренние разногласия, имевшие, так недавно, место в их собственной среде при предварительном рассмотрении и обсуждении тех же двух «удивительных» предложений, внесенных большевиками.

По окончании прений были внесены две резолюции. Одна нашей группой, другая «социалистическим блоком». Первая категорически требовала и отстаивала сохранения на дальнейшее время Военно-Революционного Бюро и немедленного освобождения заключенных большевиков; вторая — наоборот—роспуска Военно-Революционного Бюро и отклонения поднятого «ни к чему» вопроса об освобождении заключенных большевиков.

Наши предложения соглашательским большинством были отклонены, но даже из данного поражения мы извлекли для себя большую пользу.

Массы отходили от мелкобуржуазных болтунов и переходили к нам. Отклоненные ими большевистские предложения на деле еще больше спаяли революционной спайкой наши ряды, а нас со всей остальной рабочей, солдатской и крестьянской массой.

Перед лицом приближавшихся боев, перед зарницами гражданской войны массы собирались вокруг интернационалистов, вокруг большевиков.

Внутрипартийная деятельность накануне рабочего Октября.

Жизнь и деятельность рабочей партии во время революции почти всегда является массовой, открытой. Отсюда и вполне естественно, что описывать эту деятельность—значит описать всю открытую кипучую революционную борьбу, которую приходится вести передовой части революционной демократии.

Но параллельно с этим идет и внутренняя работа, совершаются глубокие, скрытые от внешнего наблюдения, процессы.—По ним можно видеть, как нарастают силы перед назревающими событиями.

Наша организация до рабочего Октября проделала внутреннюю большую работу.

Последняя перед лицом истории целиком оправдала себя. Мы в трудные и решающие дни не растерялись, а овладели событиями, не остались в хвосте, а сознательно, твердо и без колебаний направили революционные силы и волю по Октябрьскому руслу.

В сентябре наша организация настолько выросла, что перед ней во всю ширь стал вопрос об издании местной газеты. Нам необходим был наш рупор в виде печатного слова. Надо было обслуживать громадную солдатскую массу, необходимо было организовать общественное мнение рабочих масс и крестьянства.

По проверке оказалось, что для нас это предприятие почти невозможное, безнадежное. Отсутствовали материальные и денежные средства. В это трудное время к нам пришли на помощь товарищи из области. Минск начал регулярно присылать нам свою большевистскую популярную газету «Молот»[1] и мы ее, не задерживая, направляли в воинские части и

---

[1]) Газета «Молот» вскоре распоряжением правительства Керенского была закрыта. Ей на смену большевики стали издавать ту-же газету под новым названием «Буревестник».

через нарочных в деревню. Впоследствии газета «Молот» отвела нам на своих страницах небольшое место, обогатившись зато новыми сотрудниками и корреспондентами.

Минская газета, разумеется, не могла нас целиком обслужить. Пришлось через делегата, посланного в Питер и Москву, просить об увеличении количества присылаемых газет. Таким образом мы начали получать по несколько тысяч экземпляров «Правды», «Солдатской Правды» и «Социал-демократа».

Постепенно и у нас наладилась кое-какая издательская деятельность, на первое время выразившаяся в перепечатании воззваний, листовок и лозунгов для обслуживания солдат и крестьян.

Техника распространения печатных изданий была организована у нас почти недурно. Каждый день в определенные часы приходили представители ячеек частей гарнизона, делегаты воинских частей, расположенных за пределами города и даже, зачастую, солдаты ближайших уездов. Они приходили с мандатами, получали полагающиеся им количество экземпляров от товарища Гельфер[1]), забирали газеты и листовки, отложенные для крестьянства, и немедленно отправлялись в обратный путь.

Товарищ Гельфер была совершенно спокойна за участь газет. Она прекрасно знала, что ни один клочек бумаги не останется непрочитанным; она знала, что газеты и листовки, приготовленные для деревни незамедлительно будут отправлены туда и что к большевистской правде будет чутко прислушиваться сын земли, хлебороб—крестьянин глухой заброшенной деревни...

Но солдаты умели не только отвозить и зачитываться газетой. Нет. Они прекрасно знали, что большевики средств не имеют, что все это рабочая публика и газета может существовать только на средства рабочих и солдат

И они на полдороге не останавливались. Свое мизерное жалованье они умели делить, отдавая известную часть газете. Та же Гельфер ежедневно передавала довольно приличные суммы казначею комитета от воинских частей в виде отдельных сборов, отчислений и т. п.

Касаясь общих собраний, приходится отметить, что в сентябре и октябре они были особенно многолюдными и частыми. Один, а иногда и два раза в неделю созывались общие собрания и каждый раз они собирали по пятьсот и больше человек.

Сведения, приходившие из уездов, отмечали то же явление. Силы наростали перед лицом назревавших событий.

---

[1]) Товарищ Гельфер, молодой тогда член партии, работница, сама возложила на себя всю работу по распространению печати. Она в крайне тяжелых условиях выполняла безропотно эту черную работу и даже была первой продавщицей газет в первом киоске, построенном после Октябрьских дней на вокзале.

8-го сентября общее партийное собрание привлекло огромное количество солдат, демократическую часть офицерства, рабочих и работниц. На очереди стояли: 1) доклад по текущему моменту, 2) перевыборы комитета и 3) текущие дела.

Товарищ Чунчин сделал обзор текущих событий. Он долго задержался на политике коалиционного правительства, доказав, что результатом ее должно было явиться и явилось корниловское восстание, что Корнилов нисколько не хуже всего правительства в целом, что прекрасно доказано всей предшествововшей деятельностью, как-то: разгоном и арестом земельных комитетов, арестом вождей революционной демократии, закрытием рабочей и солдатской печати, введением смертной казни для революционных солдат, каторжными приговорами по отношению к лучшим вожакам самых революционных частей и т. д.

Затем докладчик остановился на хозяйственной разрухе, все более и более углубляющейся, пояснив, почему правительство не допускает фабрично-заводские комитеты к контролю над производством и распределением, уделил особое внимание затягиванию войны и закончил тем, что высказал твердое убеждение в неминуемости революционного взрыва в стране, неизбежным следствием которого явится Власть Советов.

Доклад вызвал широкий обмен мнений. Выступили товарищи: Жук, Тайнов, Туфрин, Летошко, Баранов, Рабкин, Шейдлина, Саркисьянц [1]) и другие.

По докладу была единогласно принята резолюция, которую мы здесь приводим для характеристики того, как наша организация рассматривала и оценивала тогда события:

«Общее собрание Р. С. Д. Р. П. (интернационалистов), заслушав доклад по текушему моменту и о задачах революционной демократии, пришло к заключению, что политика правительства привела:

1) в области борьбы за мир к полному забвению провозглашенной 14-го марта Петроградским Советом декларации и сдаче в этом отношении всех революционных позиций национальной империалистической буржуазии и финансовой плутократии союзников, основательно поколебав веру западно-европейского пролетариата и демократии в мощь русской революции и искренность стремлений к восстановлению интернациональной социалистической связи;

[1]) Поручик Саркисьянц был за революционную агитацию на фронте удален из артиллерийской батареи, в которой служил. Он примкнул к большевикам и быстро выделился, как образованный человек и хороший оратор. Впоследствии он был членом и товарищем председателя комитета. В октябрьские дни он состоял членом Ревкома, но был снят за резкие бонапартистские уклоны. Он состоял членом редакционной коллегии «Известий Военревкома»; по нашему списку прошел в Учредительное Собрание.

2) в области рабочей политики—к бесчисленным гонениям и репрессиям на рабочий класс и его организации, закрытию его органов печати, арестам и избиению его вождей, гнусной клевете, брошенной пролетариату в лице вождей социал-демократии;

3) в области решения земельного вопроса, смягчения продовольственного кризиса—к сохранению за помещиками их земель при издании закона, запрещающего под страхом тюрьмы и других репрессий обездоленному крестьянству обрабатывать лежащую под спудом землю помещиков, высказывая при этом полное недоверие революционным крестьянским комитетам;

4) в области проведения рабочего контроля над производством и распределением в целях прекращения анархии и саботажа со стороны промышленников и капиталистов—к заявлению устами министров-социалистов, что рабочий контроль невозможен, вреден и допущен не будет;

5) вместо перехода власти к единственно-революционному и авторитетному перед всей страной органу—Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов—в июльские дни к избиению пролетариата, аресту его вождей и вынуждению под страхом контр-революционных репрессий перехода громаднейшей в России революционной партии на нелегальное существование;

6) вместо немедленного созыва Учредительного Собрания—к Московскому Совещанию—открытому смотру контр-революционных сил и организации заговора против революции и ее завоеваний;

7) вместо демократизации армии—к введению смертной казни на фронте, разгону и урезыванию всех прав революционных армейских комитетов, преданию под различными предлогами военному суду лучших представителей, избранных воинскими частями, и передаче всей армии в полное распоряжение контр-революционного генералитета.

Таким образом под крылом соглашательской политики ярким цветом выросла контр-революция и, избрав удобный момент, вместе с изменником (ставленником партии каде и союзных империалистов) генералом Корниловым вступила в открытую борьбу с революционной демократией и выдвинутыми ею лозунгами.

В этой борьбе победила революционная демократия, но контр-революция еще подымается, она еще сильна, хотя ей не победить рабочих, солдат и крестьян.

Буржуазное правительство дискредитируется, контр-революция наглеет, революционная демократия в лице рабочих и солдат во главе с революционной социал-демократией готовится к бою, а потому задача нашей организации и всей революционной демократии подготовиться к этому великому бою, который утвердит Власть Советов.»

По вопросу о выборах собрание информировалось докладчиком о времени, прошедшем со дня избрания первого комитета, о росте организации, задачах, стоящих перед нею, и т. д. После чего приступили к намечению кандидатов.

Собрание наметило следующих кандидатов: т.т. Пинсон, Демин, Чунчин, Долгашов, Жук, Шейдлина, Левинтов, Петров, Бородавский, Битте, Туфрин, Ахов, Саркисьянц, Мельникова, Аболин, Федоренко, Васильев, Марцинкевич, Мартынов, Ячко, Филатенко, Баранов, Рабкин, Паршенков, Шельников, Вовадский, Летошко и другие [1].

Избранными оказались следующие товарищи: 1) Баранов, 2) Битте, 3) Бородавский, 4) Демин, 5) Жук, 6) Левинтов, 7) Летошко, 8) Мартынов, 9) Петров, 10) Пинсон, 11) Филатенко, 12) Чунчин и 13) Шейдлина.

Этот комитет функционировал до Октябрьской революции. Изменения, которые он претерпел, свелись лишь к нескольким кооптациям; так, например, были кооптированы в члены комитета товарищи: Саркисьянц, Ахов и другие, а некоторые товарищи выбыли из первичного списка членов.

Комитет внутри себя правильно распределил обязанности, создал секции и привлек к активной работе всех способных товарищей из солдат и рабочих.

Организовывая солдатское революционное мнение, партийный комитет не удовлетворялся созданием ячеек и фракций в воинских частях. Он принял постановление о проверке всей деятельности наших товарищей и учете проделанной работы. Таким образом были правильно распределены и прикреплены к частям лучшие организаторы и агитаторы, были заслушаны доклады представителей от всех частей.

Последняя работа показала, что наличие оппортунистического солдатского Совета отнюдь не говорит за то, что масса является соглашательски настроенной. Наоборот,—последняя на девять десятых была на нашей стороне.

К такому убеждению комитет пришел по заслушании представителей: 4-го авиационного парка, 5-ой тыловой починочной артиллерийской мастерской, 116, 117, 120 и 121 рабочих дружин, 393 Могилевской дружины, Виленской караульной команды, Приморского уланского полка, минобомбометчиков, батарей всех частей артиллерии и т. д.

Сравнительно слабо были обработаны казачьи части; правда, и среди них были большевиствующие, но настроение не было еще точно учтено.

Партийный комитет, как и следовало ожидать, обратил тогда сугубое внимание на казачьи части и туда были направлены лучшие агитаторские силы из руководителей агитационно-организационной секции.

---

[1] Мы приводим здесь весь кандидатский список во второй комитет постольку, поскольку в нем были представлены наиболее активные члены нашей организации, беззаветно поработавшие в Октябрьские дни и после. Многие из приведенных здесь товарищей погибли в кровавой борьбе за утверждение власти трудящихся масс.

За сравнительно небольшой период времени товарищи Явич [1]), Афонский и другие помогли казачьим частям освободить свои кудрявые, красивые и свободолюбивые головы от старых консервативных понятий и представлений. Эта работа была окончательно завершена после при активном участии товарищей Костерина, Шигалина и других.

Так шаг за шагом вступая в бессмертные Октябрьские дни, мы имели уже большие силы не темных, а сознательных, и главное, революционных и вооруженных рабоче-крестьянских сынов, готовых по первому зову выступить под большевистскими знаменами и за установление власти Советов.

Наша организация и ее широкая деятельность в описываемое время уже не представляли собой нечто замкнутое в губернские или городские рамки. Наоборот,—мы живой связью успели связаться с областью, делегировав на областную конференцию в г. Минск двух товарищей: Шифреса и Летошко, со всей нашей партией, послав, в свое время, на Всероссийский с'езд товарища И. Берестеня.

Помимо этого на Всероссийское Демократическое Совещание, имевшее место в Питере в первой половине сентября месяца, был делегирован фракцией думы товарищ Пинсон и он-же в Октябрьские дни был послан городским самоуправлением на Всероссийский С'езд Союза Городов, состоявшийся в Москве.

А в это время соглашательский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, давно уже не переизбиравшийся и почти столь же давно не выражавший политических настроений рабочих и солдат, продолжал прозябать, шантажировать революционную демократию, без ее воли и согласия выступая от ее имени и направляя делегатов-оппортунистов на Всероссийские конференции, совещания и с'езды.

То же самое было с Центральным Бюро Профсоюзов и с отдельными союзами. На поверхности профессиональной жизни, за исключением 2—3 союзов, выступали отвратительные и жалкие меньшевики и эс-эры соглашательского большинства союзных правлений, а внизу, в самой трудовой гуще, бился большевистский пульс, бился сильно, красноречиво и внятно говоря о народившихся новых силах с новыми задачами и устремлениями.

Первая Губернская Конференция и предварительная подготовка к выборам в Учредительное Собрание.

К выборам в Учредительное Собрание наша организация начала готовиться с конца августа месяца. Сначала товарищ Левинтов, а затем Сар-

[1]) Тов. Явич — студент. Был весьма способным агитатором и пропагандистом. Его отличительной чертой была редкая работоспособность при, казалось, полной неутомимости. Казаки и солдаты его полюбили за уменье подойти просто держаться свободно и всегда говорить правду. Он проработал до Октябрьского переворота и особенно выделился в дни социальной революции. Впоследствии он пал героем в борьбе с белой гвардией.

кисьянц, в бытность в Петрограде, по поручению комитета партии беседовали с членами цекистской комиссии, выделенной для проведения кампании по выборам в Учредительное Собрание, и в частности вели переговоры с товарищем Урицким [1]).

На этих переговорах наши товарищи, обычно, знакомили цекистскую комиссию с соотношением сил, с настроением рабочих, солдатских и крестьянских масс губернии, политическими симпатиями последних и нашими надеждами на исход выборов.

Опыт, полученный и основательно учтенный после выборов в городскую думу, вселял в нас надежду, что и при выборах в Учредительное Собрание мы в городах победим другие партии с их списками. Что же касается деревни, то сведения, приходившие оттуда, резолюции, принимавшиеся крестьянскими сходами по докладам наших товарищей солдат, говорили, что настроения и симпатии крестьянства явно переходят на сторону нашей партии и что на выборах нам, пожалуй, удастся побить недавно столь чтимую деревней партию эс-эров.

Окрыленный подобными политическими перспективами, проникнутый глубокой надеждой победить, надеждой, переходящей в твердую уверенность, партийный комитет на одном из своих заседаний принял решение созвать губернскую партийную конференцию на 1-ое октября.

На том-же заседании комитет разработал и утвердил порядок дня и модус представительства. Об'явление, сданное на другой день в газету, гласило:

К сведению товарищей большевиков и интернационалистов!

1-го октября 1917 года созывается губернская конференция Р.С.Д.Р.П. (большевиков) [2]).

Норма представительства: каждые 50 членов партии посылают одного представителя.

Повестка дня: 1) Текущий момент.
2) Доклады с мест.
3) О выборах в Учредительное Собрание.
4) Организационные вопросы.

За справками обращаться: б. дом губернатора, Дворцовая ул., помещение союза металлистов, от 5-ти до 9-ти час. вечера.

Комитет Р.С.Д.Р.П. (б-ков).

---

[1]) Товарищ Урицкий—старейший член партии, проработавший в ней без малого два десятка лет. После Октябрьского переворота был назначен комиссаром по созыву Учредительного Собрания. После разгона Учредительного Собрания он состоял председателем Петроградской Чрезвычайной Комиссии. На последнем революционном посту был убит контр-революционерами.

[2]) К этому времени организация была переименована в Р.С.Д.Р.П. (большевиков)

1-го октября в помещении быв. Талмуд-Торы открылась первая губернская конференция Витебской организации Р.С.Д.Р.П. (б-ков).

Она собралась и открылась в крайне ответственный и тревожный момент. В воздухе было душно. Политические горизонты были покрыты тяжелыми грозовыми октябрьскими тучами. Рабочие, солдаты и крестьяне окончательно изверились и, потеряв надежды и терпение, уже больше не соглашались мирно ждать разрешения социально-экономических конфликтов перед лицом организовавшейся и окрепшей контр-революции. Красные зарницы—предвестники гражданской войны—уже появились над необ'ятной рабоче-крестьянской Россией.

Губернская конференция имела всего 30 представителей, кои представляли собой три тысячи организованных членов партии.

К сожалению, на ней не были представлены партийные ячейки всех уездных городов, равным образом не прибыли делегаты местечковых организаций, насчитывавших, по тому времени, довольно приличное количество членов партии. Не будет, пожалуй, ошибкой общее количество членов партии по губернии в то время считать круглой цифрой в 5 тысяч.

Были делегаты: от Режицкой, Витебской, Городокской, Невельской, Велижской, и Полоцкой организаций; от Двинской—вместо представителя прибыло с нарочным письмо, в котором Двинская организация кратко знакомила конференцию и комитет партии с силами, коими она располагала и на которые рассчитывала в решающий момент революционной схватки. Наряду с этим Двинская организация пересылала список намеченных ею кандидатов в члены Учредительного Собрания, прося включить его в общий список при разрешении губпартконференцией вопроса о выборах

Из товарищей, ныне здравствующих, на первой конференции, между прочим, были: от Режицы—Песковский [1]), от Невеля—Гутман, от Велижа—Ривкин, от Витебска—Шейдлина, Туфрин и другие.

По текущему моменту был заслушан доклад комитета. Доклад не вызвал больших прений. Конференты прекрасно знали, перед какими событиями стояла партия и вся страна.

---

[1]) Песковский, Николай Титыч—старый член партии, много проработавший в ее славных рядах. Екатеринославский рабочий, металлист. Во время февральского переворота был в армии на западном фронте. Здесь он вместе с другими единомышленниками создал большевистскую организацию, в которой весьма полезно и много работал. На 1-й губернской конференции выдвигают его кандидатуру в список членов Учредительного Собрания. После Октябрьской Революции он занимал ответственные советские и партийные посты; одно время был даже председателем Витебского Губернского партийного комитета и руководителем профсоюза металлистов; стоял во главе многих хозяйственных учреждений и ныне поставлен организацией во главе крайне крупного хозяйственного органа.

Доклады с мест развернули картину непрекращающегося роста наших сил. Под знамена нашей партии собирались самые революционные и самые надежные массы. Не хватало только организаторских сил. Чувствовался недостаток в политических руководителях, не было опыта в прошлом и несколько неясно было ближайшее будущее...

Вопрос о выборах в Учредительное Собрание занял у конференции много времени. По этому вопросу был заслушан информационный доклад комитета, после чего был намечен и утвержден список кандидатов в члены Учредительного Собрания из 13-ти человек. Намечая и утверждая его, конференция руководствовалась директивами Ц. К. партии, учетом местного соотношения сил и политических настроений масс. В законченной форме список представлялся в следующем виде:

Список № 5.

Российской Социалдемократической рабочей партии (большевиков).

1. Розенфельд (он же Каменев), Лев Борисович,
2. Дзержинский, Феликс Эдмундович,
3. Саркисьянц, Саркис Мнацаканович,
4. Чешейко-Сохацкий, Стефан Вацлавов,
5. Пинсон, Борис Давидович,
6. Ривкин, Залман Озерович,
7. Чунчин, Вилис Янович,
8. Филипповский, Зиновий Павлович,
9. Лаговиер, Наум Осипович,
10. Литвин, Иван Васильевич,
11. Склянский, Эфроим Маркович,
12. Песковский, Николай Титович,
13. Бадаев, Алексей Егорович.

Губернская конференция уделила много внимания технике самих выборов и лучшей постановке агитации за большевистский список. Выяснилось, что удастся использовать средства и силы воинских частей, что последние, не обременяя комитет партии, сумеют самостоятельно основательным образом обслужить деревню. Последнее обстоятельство освобождало силы для агитационной кампании среди рабочей и солдатской массы.

Организационным вопросом была исчерпана повестка дня. В губернский партийный комитет из уездных представителей никто не вошел в интересах сохранения в нужную минуту активных работников на местах. Таким образом, Губком был избран исключительно из членов

городской организации. Персонально он не изменился. Только на первом заседании комитета были привлечены к ответственной работе т.т. Королев[1]) и Фейгин[2]).

Делегаты раз'ехались на места, удовлетворенные разрешением всех вопросов. Они были твердо убеждены, что вновь избранный губернский партийный орган возложенные на него революционно-боевые задачи выполнит, в час революционного сигнала из Питера он окажется на своем посту.

Профессиональные союзы в дни рабочей революции.

Перейдя к профсоюзам и к вопросу об их роли и значении в октябрьском перевороте, мы должны прежде всего остановиться на союзе металлистов, как на более революционном, принявшем активное участие в октябрьской революции.

Профсоюз металлистов, насчитывавший в конце 1917 года до 400 членов, был в свое время организационно слит из двух союзов—трамвайщиков и металлистов.

Рядовые члены союза и правление первого союзного об'единения, за исключением одного только члена, не задумываясь, примкнули к большевизму, как только последний организовался в городе, но в организацию вступил лишь председатель его, а после и некоторые члены правления.

Что же касается членов правления и рядовых членов союза металлистов, то прежде всего приходится установить исторически-непреложный факт, что союз металлистов был создан упорными усилиями исключительно небольшой группы большевиков и сочувствующих. Сюда приходится отне-

---

1) Товарищ Королев—интеллигент. Отличался редкой вдумчивостью, большой преданностью революции и каким-то особым умением привлекать к себе людей. Он был образованным и политически развитым человеком. В партию он вошел после выявления и оформления тактических и принципиальных разногласий с интернационалистами. К нам он пришел из армии, где служил прапорщиком и откуда был из'ят агентами Керенского, как «вредный большевистский агитатор»... В октябрьские и пооктябрьские дни он состоял членом комитета партии, Военно-Революционного Комитета и председателем Революционного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Он был на ответственных советских постах, а после, с организацией Красной Армии, много поработал в ее рядах. На последнем посту он пал за Советскую Власть.

2) Товарищ Фейгин—молодой рабочий. Февральская революция застает его простым рабочим на трубном заводе в г. Самаре. Здесь он порывает с партией эс-эров и, перейдя к Р. С. Д. Р. П. (б-в), ведет большевистскую агитацию среди своих ближайших друзей по станку, по работе. Он был сангвиником и активной натурой. В Витебске он появляется почти накануне Октября и успевает на работе быстро заслужить уважение, доверие и любовь окружающих товарищей и единомышленников. В октябрьские дни и после он занимает ответственные партийные и другие посты, удивляя своей неутомимостью, умением работать с тем внутренним прекрасным огоньком, который столь выгодно отличает рабочего от интеллигента. В дни борьбы с белополяками он погиб на западном фронте. Наша организация в его лице потеряла прекрасного товарища и редкого революционера-рабочего.

сти: Эрдмана, Катковскую, Лепина, Арндта, Крюкова, Пинсона, Дипольда и других товарищей, выделявшихся большой энергией. Подобно тому как бисер собирают по одиночке, постепенно и осторожно нанизывают на шелковую крепкую нитку, чтобы затем создать прекрасное ожерелье, так и только так неустанно, кропотливо и терпеливо работали большевики над созданием профессионального союза металлистов.

Поодиночке приходилось собирать рабочих, долженствовавших составить этот профсоюз; приходилось с каждым беседовать, рассуждать и растолковывать преимущество организованности над распыленностью, постепенно закрепляя все рассуждения и агитацию введением того или другого товарища в союзные ряды и т. д.

Так, шаг за шагом, был действительно создан самый революционный профсоюз в городе и губернии. Заслуга большевиков состоит в том, что с самого начала они стали работать на предприятиях, рабочие коих впоследствии об'единились профсоюзом металлистов.

Поэтому профессиональный союз металлистов приютил и согрел в своей, сравнительно, небольшой и единственной комнате гонимый и затравленный большевистский комитет, этим об'ясняется, почему так охотно рядовые беспартийные члены союза брали большевистскую литературу и добросовестно распространяли ее не только среди своих коллег по союзу и производству, но и среди рабочих других союзов, других производств; по той же причине союз металлистов принял прекрасное решение в средних числах сентября—«45% валового сбора с устраиваемого союзом вечера отдать организации большевиков»—и наконец, тот же союз в силу тех же причин в ноябрьские дни 99% своих рабочих голосов на выборах в Учредительное Собрание отдал партии большевиков, не говоря уже о том, что металлисты приняли активное участие непосредственно в самом революционном действии незабвенных октябрьских дней.

Вторым союзом, оказавшимся, в решающие дни выборов в Учредительное Собрание, казалось, совершенно неожиданно, на стороне нашей партии,—был союз рабочих фабрики «Двина».

В нем работали самые заядлые меньшевики, а большевизм был там чрезвычайно редким явлением, но над рабочим мнением много и усердно поработали политически воспитанные товарищи солдаты из рабочих дружин и технической команды, расположенных в районе «Марковщины»,—партийные работники, надо отметить, не плохие.

В результате, несмотря на ряд выступлений среди рабочих и работниц фабрики «Двина», меньшевисткого лидера Абрамовича-Рейна и других, труженики-текстильщики в количестве 1500 человек отдали свои голоса большевикам и так дружно, сознательно-революционно и демонстративно проделали это, что привели в негодование меньшевиков и эс-эров.

Третье место, как это ни странно, приходится отвести профессиональному союзу кожевников. Правда, меньшевистское правление в нем держалось вплоть до Октябрьской революции и даже немного спустя, но все же, сам по себе союз был революционным, его рядовые члены в наших партийных колоннах занимали не последное место...

Здесь можно отметить из молодых товарищей: Лурье [1]), Литвинова [2]), Рубина и других, а из более старых: Исьянова, Цемаха, Айзенберга, после—Яна Ольковского [3]) и т. д.

Смежная работа двух союзов — кожевников и металлистов —имела свое благотворное политическое влияние.

Большевистская литература очень часто, впоследствии даже регулярно, закупалась в стенах помещения союза металлистов рабочими кожевниками, распространяясь затем по предприятиям и мастерским. Так, при товарищеском содействии союза металлистов, большевизм все глубже и глубже проникал в недра рабочих масс, занятых в кожевенной промышленности губернии.

Накануне Октябрьской Революции профсоюз, насчитывавший тогда тысячу членов, далеко ушел влево от своего соглашательского правления [4]). Образовалась политическая брешь, в которую немедленно проникли большевики, чтобы уже окончательно избавить союз от оппортунистического руководства.

Через некоторое время после Октябрьского переворота по инициативе большевистской части членов профсоюза и под руководством товарищей: Бреслава («Захара»), Литвинова, Айзенберга, Пинсона и других активных членов партии состоялосьпервое революционное, чрезвычайно бурное, общее собрание

---

[1]) Товарищ Лурье—молодой рабочий — оказался впоследствии прекрасным работником, одним из самых сознательных и активных членов партии. Он состоял членом губкомпартии нескольких выборов и даже одно время был секретаром его. Ныне он работает в Марийской областной организации РКП (б.).

[2]) Чрезвычайно ценным членом партии оказался товарищ Литвинов. Хороший профессионалист, - он весьма плодотворно поработал в первом революционном правлении, избранном вскоре после Октябрьской Революции. Своей редкой чистотой и преданностью делу партии и революции он заслужил безусловное доверие окружающих, оставив после своего от'езда на фронт самую светлую и лучшую память. Ныне он работает в Воронеже и по поручению организации руководит губернской кожевенной промышленностью.

[3]) Ян Ольковский с 1905 года в рядах С.-Д. Польши и Литвы. Будучи арестован 25 июня 1907 года на конференции в Варшаве, он просидел до ноября 1908 г. и чудом спасся от каторги и ссылки. В Витебске он работает в 1903 г., как высланный из Варшавы. За участие в забастовке, совпавшей с заграничным 1-е мая, его в 1916 году арестовывают и, после трехмесячного содержания под стражей, отправляют в армию, откуда он возвращается в июле 1917 года и приступает вновь к революционной, союзной и общественной деятельности. Старый рабочий, сапожник, и сознательный ученик покойной Розы Люксембург, он оказался весьма полезным в наших рядах хозяйственником, партейцем и профессионалистом. Таким же застает его октябрьский юбилей.

[4]) Большинство членов прежнего соглашательского правления ныне является активными членами РКП (б-в).

членов союза, на котором были заслушаны доклады по текущему моменту и информационные сообщения о движении и развитии революции, о ее победах и о настроениях широких масс.

На этом знаменитом общем собрании старое правление демонстративно не присутствовало, выражая этим свое недовольство октябрьским переворотом..

Здесь, под песни революции было единодушно избрано революционное правление, куда, между прочим, вошли товарищи Литвинов и Айзенберг. Этим глубоко революционным актом был нанесен непоправимый удар меньшевизму губернии и союз кожевников фактически с того времени начал развиваться, расцветать... В дни выборов в Учредительное Собрание рабочие кожевенной промышленности больше половины своих голосов отдали нашей партии.

В союзе строительных рабочих, насчитывавшем до 350-ти человек всех специальностей строительного дела, большевизмом были проникнуты только молодые члены союза.

Приблизительно в сентябре месяце 1917 года доклад, сделанный членом партии—строителем—товарищем Хасиным на заседании партийного комитета, рисовал следующее состояние союза: «Правление, имея соглашательское большинство, окончательно потеряло авторитет в массе членов союза, которые самым активным крылом своим примыкают к большевикам; на ближайшем собрании, возможно, удастся сбросить оппортунистическое большинство правления и выбрать большевиков».

К этому можно прибавить, что строители, после октябрьского переворота, прекрасно работали с рабочей секцией, выделенной революционным советом, во главе которой стоял один из лучших товарищей—Михаил Костерин. Последний, под всеобщее одобрение членов союза и даже старого правления, прекрасно дресировал господ подрядчиков, заставляя их точно исполнять постановления союза и прекращать саботаж, к которому они вначале довольно часто и упорно прибегали...

Революционная тактика, очевидно, понравилась членам союза и они, однажды связав свою судьбу с судьбой всей социалистической борьбы всего рабочего класса, горячо и активно поддержали при выборах в Учредительное Собрание большевистский список.

Политически отсталым оказался союз швейников. Правда, среди членов правления находился молодой рабочий, член партии, тов. Гуревич [1]), который с самого начала довольно энергично приступил к работе, реши-

[1]) Товарищ Гуревич вступил в партию в начале 1917 года и за короткое время заслужил уважение и доверие рабочих масс. Он много поработал, энергично и честно, в родном союзе швейников, после в Красной армии. Неоднократно он выбирался в члены комитета и даже был ответственным секретарем районного комитета партии. Ныне он продолжает работать в партии и союзе.

тельно и непрестанно ратуя за большевиков, но будучи в печальном одиночестве, он, разумеется, не сумел добиться серьезных деловых результатов.

Впоследствии союз обогатился двумя крупными работниками, старыми партийцами Хасманом [1]) и Чернухиным [2]), но вплоть до Октября так и не удалось растолкать, разбудить массу и как следует поставить союз на большевистские ноги.

Об'ясняется это тем, что до трестирования швейной промышленности, т. е. до наших дней, профсоюз, хотя и об'единявший свыше 500 человек рабочих и работниц, по существу однако представлял самую, что ни есть, отсталую, пропитанную мелкобуржуазным духом организацию, включавшую десятками предприятия, едва насчитывавшие 2—3 рабочих, больше связанных общими интересами с предпринимателем-ремесленником, нежели с политическими партиями и профсоюзом.

Союз швейников можно даже, не впадая в большую ошибку, назвать, на всем протяжении до Октября, аполитичным, ибо он за шумом мелких экономических забастовок и жалких крохотных побед почти не заметил приблизившейся великой Октябрьской бури.

Нельзя перед лицом истории обойти молчанием крупный союз торгово-промышленных служащих (старое наименование [3]), насчитывавший свыше 700 членов. На всем протяжении революции он находился под идейным разлагающим влиянием меньшевиков и бундистов. До Октябрьской революции он являлся резервуаром, из которого оппортунисты в любое время брали себе помощь всех видов.

После Октябрьской революции и долго спустя этот союз, руководимый и возглавляемый меньшевиками, являлся оплотом желтых социалистов, а следовательно, и контр-революции.

Нельзя, разумеется, обойти молчанием нашу работу и наше влияние в нем. Были безусловно в 1917 году и в данном союзе большевики и сочувствующие, но среди огромного большинства соглашательски-настроенной массы они терялись и их работа не поддавалась учету.

Политические симпатии и антиреволюционные настроения союза в 1917 году об'ясняются исключительно тем, что союз не был производ-

[1]) Товарищ Хасман—старый рабочий и старый заслуженный революционер. В свое время он отбывал административную ссылку в Западной Сибири и, вернувшись, продолжал начатое дело. За время революции он неизменно выбирался в Губком, был председателем Губчека, Губсовнархоза и т. д. Ныне работает в Ростове.

[2]) Товарищ Чернухин—рабочий эмигрант и старый член партии. Был членом Губкома нескольких выборов, оказался хорошим хозяйственником и профессионалистом.

[3]) В настоящее время он именуется: «союз советских работников» и об'единяет также работников кредитных и финансовых учреждений, которые раньше, в 1917 году, имели свои отдельные союзы: «Финкотруд» и «Банк. Труд». Не приходится, разумеется, говорить о том, что теперь политические симпатии союза на стороне Советской власти, что правление большевистское.

ственным, а об'единяя только распыленную мелкобуржуазную массу и частично служилую интеллигенцию. Последняя по всей России во время и после Октября прославилась своим саботажем, а в Витебске она, понятно, исключения не представляла.

В дни выборов в Учредительное Собрание из членов данного союза только маленькая горсточка—друзей рабочего класса и его партии—голосовала за список № 5.

По своим настроениям и политическим симпатиям профсоюз печатников в 1917 году недалеко, разумеется, ушел влево от своего идейного собрата—союза торгово-промышленных служащих. На всем протяжении от февральского переворота до Октябрьской Революции и после правление [1]) большинством своим примыкало к соглашательским партиям.

Правда, наша организация имела в нем в качестве члена правления товарища Туфрина и последний в союзе много и весьма полезно поработал, но огромное большинство членов союза всегда было и оставалось на стороне оппозиции большевизму, независимо от того, откуда бы оппозиционный дух ни исходил.

Приближаясь к рабочему Октябрю, союз своим молодым свежим составом немного передвинулся влево, хотя не всерьез и не надолго... Впоследствии он вновь с полным правом заслуженно нес свое «высокое» звание желтого союза, без толку фрондируя против Власти Советов.

Насчитывая в своих рядах почти до 300 рабочих, он только одной пятой частью примыкал к партии большевиков, оказывая в нужную минуту активную, действенную, революционную поддержку.

Последнее обстоятельство об'ясняется тем, что рабочие полиграфического производства по существу не являются производственниками в полном смысле этого слова, поэтому им не свойственна, чужда и даже непонятна психо-идеология фабрично-заводского рабочего.

Помимо того, меньшевизм полиграф-рабочих, кажется, является всероссийской болезнью, хотя, по нашему мнению, не безнадежной.

Союз печатников на выборах в Учредительное Собрание голосовал небольшой своей частью за список С.-Д. (большевиков), отдав большинство голосов оппортунистическим партиям.

Как это ни странно, но союз трактирных рабочих и служащих [2]) в дни рабочей революции, несмотря на меньшевистско-эс-эровское правление, большинством своим оказался на стороне нашей организации.

Этот союз[3]) насчитывал до 300 человек и провел забастовку, много нашумевшую в свое время. Среди активных участников и участниц забастовки,

---

[1]) Члены правления прежнего состава в большинстве своем теперь являются членами Р. К. П. (б-в).

[2]) Союз также об'единял домашнюю прислугу.

[3]) Ныне союз вырос и называется: «Союз народного питания и общежитий».

длившейся целый месяц, немалую роль играли домашние прислуги. Последних было крайне трудно, вследствие их распыленности, собрать и сорганизовать, но однажды собравшись, сгрудившись вместе, они уже не сдавались вплоть до полного поражения хозяев и предпринимателей.

В руководстве этой забастовкой наша организация принимала довольно активное участие через одного члена правления и трех членов партии, отдавшихся этому делу.

Весьма интересно отметить, что рабочие и служащие отдельных предприятий этого союза, как-то: столовой и буфета Р.О.Ж.Д. и других, не входя в ряды партии, тесно примыкали к последней. Это об'ясняется тем, что им, подвергавшимся многим издевательствам и нечеловеческой эксплоатации со стороны различных самодуров, чрезвычайно импонировала революционная тактика, которую во время забастовки и в особенности в дни Октября выдвигала и применяла наша партия по отношению к угнетателям, эксплоататорам и прочим выродкам рода человеческого.

В дни выборов в Учредительное Собрание члены союза добрых $^2/_3$ своих голосов отдали нашей партии.

Под руководством меньшевиков и эс-эров находился союз щетинщиков вплоть до Октября и даже долго после установления Власти Советов. Нельзя сказать, что наша партия совершенно не была представлена в правлении союза. В нем был один член партии; в самой рабочей гуще в то время были большевики и сочувствующие до и после социалистического переворота, но большим влиянием они не пользовались, находясь в ничтожном меньшинстве; им трудно, да и невозможно было конкурировать с соглашательскими партиями.

Союз насчитывал до 200 с лишним рабочих и за 1917 год провел, довольно удачно, три экономические забастовки, в которых наши товарищи приняли активное участие, заслужив этим любовь и доверие рабочей массы.

Во время Октябрьского переворота и после союз тяжело изживал глубоко в'евшиеся в союзные поры оппортунизм и в дни выборов в Учредительное Собрание, в ноябре месяце, только ничтожной своей частью голосовал за список № 5.

В союзе работников искусств большевизм пользовался несколько большим вниманием, чем в союзе печатников.

Трудно об'яснить причину этого политического явления, но несомненно, что оно имело место. Среди членов правления мы в 1917 году находим довольно влиятельную большевистскую группу, направлявшую политическую линию союза. В Совет Рабочих Депутатов общее собрание союза послало большевика, а проводившиеся забастовки носили на себе печать революционной партии пролетариата.

Союз насчитывал до 350 работников: кинотеатров, фотографий, сцены, оркестров, театральных служащих и т. д.

На выборах в Учредительное Собрание часть из них голосовала за большевистский список.

Союз служащих формацевтов, организованный 1-го апреля 1917 года кадетствующими элементами из провизоров, сильно сопротивлялся вхождению в правление союза представителя революционно-настроенного ученичества т-ща Л. Каган [1]).

Понятно, что большевизм долго не пользовался фавором среди этой мелкобуржуазной публики. Более того, даже оппортунистические течения социалистической мысли не получили широкого развития среди членов союза.

Над коллективной мыслью и общественностью властвовала индивидуальность, господствовали сомнительный авторитет и личная популярность...

Но постепенно преодолевая консерватизм и кастовый дух правленцев, в союз проникли демократические и рабочие элементы аптек.

Под давлением последних часто устраивались забастовки, но даже экономическая борьба пугала жалких правленцев.

В правлении союза вплоть до Октября единственным большевиком был товарищ Писманик [2]).

После Октябрьской революции удалось освободить правление от антибольшевистских элементов и привлечь на свою сторону левых бундистов.

Как большую заслугу большевистской части союза, надо отметить успешно проведенную и давшую положительные результаты национализацию аптек.

В дни выборов в Учредительное Собрание более революционная часть фармацевтов и рабочие союза голосовали за список, выставленный нашей партией, за № 5.

Профсоюз и партия на железной дороге.

Совершенно обособленное и крупное место занимал союз мастеровых и рабочих железной дороги. На нем, как и на его истории, придется дольше задержаться. Но прежде несколько слов, характеризующих партийную работу на железной дороге.

---

[1]) Т-щ Лиза Каган с 1917 года начала работать в союзе и активно участвовала в революционном движении. Под влиянием ее энергичной и преданной деятельности союз окреп и развился. Ныне она много и плодотворно работает по поручению партийного комитета среди работниц города, не порывая, в то же время, связи с близким ей союзом «всемедикосантруд».

[2]) Т-щ Писманик много и полезно поработал в партии с первых дней создания организации в Витебске и еще больше в профсоюзе, организуя его рабочие низы. После Октября он совместно с другими весма успешно провел национализацию аптек. Продолжая работать в партии и союзе, он был в опасные для Советской Республики дни мобилизован на фронт и с тех пор энергично работает в рядах Красной Армии, состоя в последнее время военным комиссаром дивизии.

В низах мастеровых и рабочих Р.-О. ж. д. большевизм появился рано, но на поверхности рабочей общественности он заявил о своем существовании довольно поздно.

Его появлению на железной дороге много содействовал латышский район, члены которого входили даже в партийный комитет первого состава.

Первый комитет социал-демократов (большевиков) на ст. Витебск Р.-О. ж. д. был организован 3 сентября 1917 года. В его состав первоначально входили: Беме, Трейман, Биге, Мазевич и Бардайн.

В дальнейшем, приближаясь к октябрю, на всем протяжении до 1 января 1918 года железно-дорожный районный партийный комитет изменился персонально следующим образом: из старого состава сохранились только двое—Мазевич и Барздайн, из новых-же в него вошли т.т. Коляда, Вауман и Ремович.

Для полноты списка в него следует включить еще несколько членов партии, славно поработавших в исторические Октябрьские дни и после.

Мы имеем в виду передовых рабочих с мужественным сердцем, редкой выдержкой и железной волей—т.т. Кунцевича, Иванова, Берестеня и других.

Вышеприведенные т.т. вели свою работу исключительно среди мастеровых и рабочих. Здесь их агитация и пропаганда идей большевизма находила благодарную почву; здесь во время переданная листовка, воззвание, большевистская газета, огненный лозунг—подхватывались чуткой, живой, восприимчивой, трудовой массой, распространяясь затем вширь и вглубь, подымая целые социальные пласты.

В Октябрьские дни особенно смело, живо и революционно действовала эта небольшая, но безусловно боевая группа, сумевшая вовлечь в свои скромные, но организованные ряды еще десятка два лучших рабочих и увлекшая за собой на сторону социалистических баррикад всех честных, сознательных и преданных рабочих и работниц.

Не безынтересно будет отметить, что в дни переворота усилиями этого большевистского коллектива на хорошо вспаханной социальной революцией почве был создан один из первых красногвардейских отрядов, во главе которого стали активные товарищи: Прусс, Мазевич и их два соратника—Кунцевич и Барздайн.

Этот небольшой отряд в тревожные и боевые дни разоружал целые солдатские эшелоны, направлявшиеся по вызову Керенского на Петроград. Оружием, отнятым этим красногвардейским отрядом (25 пулеметов, масса винтовок, револьверов и патронов), были потом вооружены т.т. латыши, составившие латышский кавалерийский полк.

Эта железнодорожная добровольная Красная Гвардия принимала участие во многих операциях в городе и довольно активно участвовала в разоружении польских легионеров.

Надо отметить, что большинство из них несли обязанности красногвардейцев, не будучи освобождены от прямых своих занятий мастеровых и рабочих; даже занятые в депо и мастерских приходили на ночные дежурства и операции, понятно, за исключением тех случаев, когда красногвардейскому отряду приходилось действовать днем в часы важной работы.

Штаб Красной Гвардии состоял из т.т. Прусса, Мазевича, Барздайна, Кунцевича и Коляды. Он находился в одном помещении с районным комитетом партии и союзом мастеровых и рабочих Р.-О. ж. д., секретарем котораго состоял тов. Мазевич, он-же был помощник начальника Красной Гвардии при начальнике—тов. Пруссе.

Рассказывают, что революционная работа проходила в невероятно тяжелых условиях. Кроме союза мастеровых и рабочих, остальные служащие дороги относились к Красной Гвардии враждебно, а некоторые служащие, из самых жалких и идеологически окончательно испорченных буржуазией, относились с ненавистью и страхом при напускном наружном презрении.

То-же отношение со стороны испорченных буржуазной идеологией части служащих ж. д. встречал союз мастеровых и рабочих и главное правление его, ставшее на сторону социалистической революции.

За время революции наши друзья и братья железнодорожники потеряли следующих товарищей-героев: Макиенко, Каузе, Федорова—Затравкина, Бараде, Балмана и других.

Что-же касается Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, то в описываемый период там фактически никакой серьезной партийной работы не велось, да и членов партии, за исключением некоторых сочувствующих, не было.

Правда, здесь были т.т. Кудрявцев и Кривенков, но оне в партию в то время еще не входили. Их работа довольно сильно чувствовалась среди железнодорожников М.-В.-Р. ж. д., и революционное настроение мастеровых и рабочих заметно возрастало с наклоном в сторону нашей партии.

Впоследствии, с приездом из Питера тов. Куракина, последним совместно с Кудрявцевым, Шемякиным и другими была организована ячейка. Она затем развилась в целую организацию и вовлекла в свои ряды много преданных и энергичных рабочих.

Тов. Кудрявцев Владимир, один из основателей ячейки нашей партии на М.-В.-Р. ж. д., в бытность комиссаром 2-ой Батайской дивизии, пал под Ямбургом в борьбе за укрепление диктатуры трудящихся масс.

Переходя к союзной работе, мы должны предпослать небольшое замечание фактического характера. Железная дорога в течение почти всего 1917 года имела два союза: один всероссийский под названием «Викжель» [1]), организованный в мае 1917 года с'ездом представителей главных

[1]) «Викжель» иначе назывался Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожников.

комитетов дорог и фактически представлявший оплот меньшевизма и штаб контр-революции, другой—революционный, созданный мастеровыми и рабочими под руководством большевиков в противовес «Викжелю» под названием «Союз мастеровых и рабочих». Его главное правление было в Петроградс.

На всем протяжении их параллельного существования они боролись за овладение массами, пока «Викжель» не был окончательно смыт революционными октябрьскими волнами.

После этого главное правление союза мастеровых и рабочих железной дороги, завершив свою большую, революционную, боевую и организационную работу, ликвидировалось, сдав дальнейшую деятельность по профессиональному воспитанию и организации масс первому революционному союзу работников транспорта, созданному всероссийским с'ездом и впоследствии много поработавшему под названием «Викжедор».

3-го марта 1917 года на ст. Витебск, Р.-О. ж. д. состоялось общее собрание, на котором вместо полагавшихся 7000 человек присутствовало только 3000.

На нем было избрано правление и заложена организационная основа союза, причем правление его называлось: «Главный Комитет Р.-О. ж. д.»

Ему-же было поручено созвать первый обще-дорожный с'езд. В первое правление вошли 10 человек, разбившихся на следующие политические группировки: 1 большевик, 3 меньшевика и 6 беспартийных, совершенно диких.

В конце апреля состоялся общий дорожный с'езд, на котором присутствовало 70 делегатов, представлявших 35 тысяч человек, причем доминировал на с'езде меньшевизм и даже кадетизм. Избранный комитет состоял из меньшевиков и беспартийных—диких.

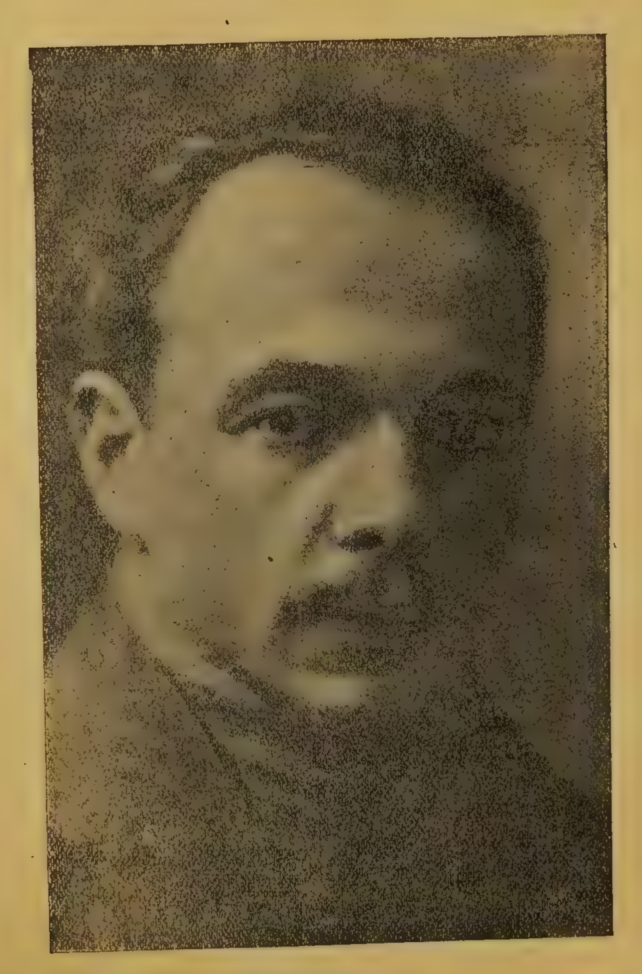
Последний комитет поработал вплоть до середины августа 1917 года. Как раз в это время истекли его полномочия и был созван второй с'езд, на котором присутствовало до 80 делегатов от 35 тысяч избирателей.

Этот с'езд проходил очень бурно. На нем был организован левый блок, численно почти не уступавший правому течению с'езда. С'ездовская работа левого блока протекала под руководством своего президиума в составе: т.т. Мазевича, Карьера, Добрика и других.

В комитет были избраны меньшевики и левые беспартийные; а в ревизионную комиссию 1 большевик и остальные сочувствующие.

С'ездовские настроения уже говорили о большой работе, проделанной в железнодорожной трудовой среде условиями жизни и еще более углубленной активной агитацией и пропагандой наших товарищей.

Кадетские и меньшевистские устои оказались уже наполовину подмытыми революционными большевистскими волнами.



Б. Пипсон.

Октябрьский переворот постепенно производит свое животворящее действие над умами железнодорожников. Его влияние сказывается к середине ноября месяца, т. е. после общего дорожного с'езда союза мастеровых и рабочих.

На с'езде присутствовало 60 делегатов, представлявших 12 тысяч членов союза. Избранное правление всем своим рабочим представительством говорило не только о благословении красного Октября, но и о всемерной поддержке революционных завоеваний пролетариата.

В нем уже не видно было меньшевиствующих кадетов и кадетствующих меньшевиков. Были избраны большевики и такие беспартийные, которые уже не ставили палки в гиганские маховики Октябрьской революции.

В правление вошли т.т. Мазевич, Маклагин и другие. Впоследствии был кооптирован тов. Кунцевич.

Наши товарищи железнодорожники, освобожденные, в результате этого с'езда, от давящего ига меньшевиков и кадетов, рассматривают его как выдающийся исторически-переломный с'езд, справедливо гордясь посылкой на всероссийский с'езд своего союза 4 делегатов исключительно большевиков: т.т. Автоневича, Галенчика, Мазевича и сочувствующего Аболина.

Еще больше гордятся железнодорожники тем, что в первом революционном центральном комитете союза был также и их представитель— заслуженный товарищ Мазевич.

Когда спрашивают честного пролетария и сознательного железнодорожника, как голосовали труженники Витебского узла на выборах в Учредительное Собрание,—то обычно следует ответ: «за список № 5, из числа 7000 долженствовавших участвовать в выборах, голосовало 2500 мастеровых и рабочих».

Когда-же спрашивают старых рабочих были-ли в Октябрьские дни забастовки со стороны холопов капитала, то они, презрительно посматривая в сторону телеграфа, отвечают: «Была одна попытка со стороны телеграфистов забастовать по причине ареста председателя меньшевистско-эсэровского главного дорожного комитета, но забастовка, понятно, не состоялась. Мы его тогда отпустили на все четыре стороны. Пусть себе идет, не вреден, а шуму из-за пустяков подымать не следует...»

Красный Октябрь.

13-го октября в помещении солдатского клуба [1]) состоялось очередное собрание партийной организации. Оно привлекло, помимо всех членов пар-

---

[1]) Солдатский клуб в описываемое время представлял уже культурную организацию руководимую большевиками. Здесь губернский партийный комитет созывал общие собрания и заседания.

тии и сочувствующих, огромное число беспартийных из воинских частей и рабочих организаций.

На этом собрании председательствовал тов. Чунчин, секретарем же был избран молодой офицер тов. Белобров, появившийся в организации сравнительно незадолго, но успевший за короткий период времени завоевать симпатии окружающих энергичной работой, неутомимостью в общественной деятельности, редкой жизнерадостностью и другими ценными качествами.

Несмотря на громоздкость повестки дня, состоявшей из 6 пунктов, собрание обсуждало последнюю весьма оживленно, незаметно втягиваясь всей массой в прения по поднятым жгучим вопросам текущей действительности.

Злободневность, актуальность отдельных вопросов повестки дня, события на фронтах не давали успокоиться и собравшиеся массы клокотали подобно огнедышащему вулкану...

За все возрастающим шумом и страстными прениями собрание не заметило прибытия четырех новых товарищей, освобожденных с главной гауптвахты усилиями организации и давлением революционного гарнизона.

Наконец получил слово тов. Белобров. От имени организации и общего собрания он восторженно приветствовал вновь влившихся в наши ряды единомышленников, друзей и бойцов за социальную революцию, за коммунизм.

Находившиеся в конце залы товарищи, освобожденные большевики-офицеры, пытались как нибудь пробиться к трибуне, чтобы общему собранию выразить обуревавшие их в тот момент революционные страсти, но не так-то легко было пробраться сквозь плотные солдатские и рабочие ряды. Так и не удалось им в ответном слове высказать все, что накопилось и наболело за время пребывания на фронте и в тюремном заключении...

Среди освобожденных в тот день и прибывших сразу же на партийное собрание, были т.т. большевики Лысогорского, Сухиничского и других полков: Крылов [1]), Рогальский, Васильев и Эглит.

---

[1]) Тов. Крылов, Семен Николаевич—старый член партии. Еще в бытность в г. Белом, Смоленской губ. он в 1909 году вступает в подпольную организацию Р.С.Д.Р.П., где в марксистском кружке основательно изучал политическую экономию и основную марксистскую литературу, в то-же время знакомясь с революционным движением в России. В дальнейшем он уезжает в Москву, где поступает в у-т Шенявского. В последнем он пробыл 1½ года, не порывая с партией, работая в коллективе завода «Гужон». Империалистическая война бросает его в армию. Здесь он, в числе других, командируется в Восточную Сибирь в военную школу, откуда выходит офицером. С 1915 года он на фронте, являясь поручиком и начальником команды траншейных орудий. Находясь на этом посту он не перестает быть партийцем и ведет усиленную революционную агитацию в войсковых частях. За последнюю арестовывается и предается военному суду. После февральской революции, освобождающей его от заключения, он из-

Собрание, проведенное 13-го октября, говорило уже о том, что организация находится на грани перехода от агитации и пропаганды к активному действию, что приблизился момент диалектического преобразования революционной партии в партию революции.

18-го октября 1917 года на общем собрании Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, по вопросу о выработке наказа представителям на Всероссийский С'езд Советов, развернулась горячая полемика между представителями большевистской фракции и оппортунистическим большинством Совета.

В этой полемике представители нашей фракции с ясностью, не допускавшей никаких кривотолков, формулировали позицию большевиков по отношению к предстоящему с'езду.

От предстоящего с'езда наша организация устами своих представителей требовала—обеспечения созыва Учредительного Собрания и окончательного решения вопроса о переходе всей полноты государственной власти к Советам.

На поставленный оппортунистами вопрос: как мы рассчитываем разрешить этот политический конфликт—наш представитель ответил: соглашательское меньшинство должно подчинится большинству революционной демократии и тогда самый переход власти произойдет безболезненно, не будет кровавых схваток, не будет жертв...

Внесенная нами в конце прений резолюция—наказ, требовала: рабочего контроля над производством и распределением, передачи всех земель земельным комитетам, опубликования тайных договоров, предложения мира всем воюющим странам, перемирия на всех фронтах и, наконец, передачи власти Советам.

Наш наказ был поддержан только 42-мя членами Совета при 69-ти против и 2-х воздержавшихся. На с'езд были избраны меньшевики и эс-еры, но торжествовать им не пришлось... В глухих стенах Совета своим политически давно прогнившим большинством, они провели свое решение,—

бирается председателем полкового комитета Лысогорского полка, после председателем армейского комитета. На последнем посту арестовывается агентами Керенского за агитацию и пропаганду большевизма и освобождается до суда в Октябрьские дни. Активнейшее участие он принимает в Октябрьском социалистическом перевороте, последовательно занимая впоследствии посты: начальника гарнизона, губернского военного комиссара, председателя губернского партийного комитета и т. д. Во время гражданской войны он добровольно уходит на фронт. Здесь, после активного участия во многих боях на Южном фронте и ликвидации противника, он от командования дивизией освобождается и назначается председателем Севастопольского Окружного Ревкома. В дальнейшем избирается председателем Севастопольского исполкома и членом президиума областного комитета партии. В настоящее время работает на посту председателя Губернского Исполнительного Комитета Советов.

о десятки тысяч голосов доподлинной демократии, шумевших за стенами помещения, требовали передачи власти Советам... Это было требование масс—категорическое решение солдат, рабочих и крестьян.

На заседании губернского комитета 20-го октября был заслушан подробный отчет о его деятельности за последний период.

В прениях, между прочим, выяснилось, что собранием представителей воинских частей решено предложить комитету ввести в его состав по одному представителю от каждой воинской части.

Комитет подробно обсудив предложение, внесенное тов. Петровым от имени совещания представителей войск гарнизона, постановил отклонить его.

Учитывая же, что члены комитета настолько перегружены работой, что зачастую физически не в состоянии выполнить даже ответственные и важные партийные поручения, было решено пополнить состав комитета новыми активными и подготовленными товарищами.

Были намечены кандидатуры т.т.: Тимохина [1]), Королева, Крылова, Ручненкова, Мамаева, Фейгина, Гребеника [2]), Гобы, Рабкина, Васильева, Михайлова и других.

---

[1]) Тов. Тимохин служил в интендантстве. Будучи незаурядным агитатором, он много поработал в деле революционизирования умов солдат и крестьян. В Октябрьские дни он вместе со своим другом и соратником Королевым, не щадя жизни, не зная отдыха и нечувствуя усталости, содействовал установлению Советской Власти в губернии. После Октября он становится во главе интендантства, быстро зарекомендовав себя прекрасным хозяйственником и администратором. По последним сведениям он является председателем Череповецкого Губисполкома, членом В.Ц.И.К. и одним из способных работников по проведению политики нашей партии в деревне.

[2]) Гребеник, Василий Пантелеймонович—старый революционер и рабочий. Тактичный, выдержанный и прекрасный товарищ. Собственными усилиями получил образование землемера и лесовода. Революционную деятельность он начинает активным участием в забастовке Покульской лесной школы (1905 г.), параллельно ведя революционную агитацию и пропаганду среди крестьянства Черниговской губ. С 1907 г., работая в лесничествах и землемером—техником в Киевской и Люблинской губ., он усиленно занимается самообразованием. Ему удается изучить марксисткую литературу и естествознание. Но отдаваясь науке, он в то-же время не забывает обязанностей революционера, ведя агитацию и пропаганду в духе программы Р.С.Д.Р.П. В империалистическую войну мобилизовывается царским правительством в армию и здесь принимает весьма энергичное участие в революционной подпольной работе. После февральской революции избирается председателем ротного к-та, членом полкового к-та, председателем дивизионного к-та, и т. д. Перед Октябрьскими днями он состоит членом губернского комитета Р.С.Д.С.П. (большевиков), участвуя в подготовке переворота. Со времени последнего был редактором газеты «Революционного Совета», членом городского и губернского Советов, заведующим отделами народного образования, юстиции и т. д. С середины 1918 г. заведует губземотделом и почти 1½ года состоит несменяемым членом губкома и президиума. Много поработал он в области популяризации политических, экономических и других проблем. В настоящее время работает на Украине.

После подробного и всестороннего обсуждения кандидатур, были утверждены, впредь до санкции общего собрания, следующие т.т: Крылов, Королев, Тимохин, Гребеник, Гоба, Михайлов, Фейгин и Васильев.

На этом же заседании был поднят вопрос о создании Комитета Революционной Обороны.

Невозможно сейчас точно установить почему тогда не было предложено создать Комитет Революционного Наступления; мы тогда прекрасно знали, что наступление лучше обороны и стояли за него, но всех присутствовавших, очевидно, успокоила данная к предложению краткая мотивировка, гласившая: «ввиду важности, ответственности и сложности момента...»

Таким образом, уже 20-го октября родилас мысль о захвате власти, но окончательное решение по этому вопросу в более определенной и категорической форме было принято через несколько дней при радикально изменившихся политических условиях.

Последним пунктом повестки дня был вопрос об освобождении т.т., приговоренных правительством Керенского за агитацию большевизма к различным наказаниям—вплоть до бессрочной каторги.

Было постановлено: через фракцию Совета предложить Исполнительному К-ту немедленно освободить заключенных большевиков; наряду с этим фракции поручалось энергичнейшим образом протестовать против невыполнения данного неоднократно обещания освободить заключенных товарищей.

Но не желая освободить осужденных политических и опасаясь насильственного освобождения последних революционным гарнизоном, социал-предатели решили тайком избавиться от большевиков-каторжан, предварительно и втихомолку отправив их из местной губернской тюрьмы в Орловский каторжный централ.

20-го октября тюремная администрация получила распоряжение и ночью приступили к переводу наших товарищей ссыльно-каторжан в Орел.

Меньшевики и эс-эры не желали открыто перед лицом рабочих и солдат среди бела дня посылать в каторжные тюрьмы революционеров-большевиков, опасаясь возмездия со стороны гарнизона. Они ханжески-цинично под покровом темной ночи пытались проделать это гнусное дело, но натолкнулись на неожиданное, очевидно, для них сопротивление.

Для исполнения преступного, с точки зрения революции, акта были вызваны: 15 улан-приморцев и 25 пехотинцев.

Заключенные товарищи, узнав о возмутительном и гнусном распоряжении меньшевистско-эс-эровской власти, категорически отказались выходить из камер.

На предложение, сделанное конвойной команде, силой взять заключенных, последняя отказалась исполнить приказ.

Тогда для проведения в жизнь этого контр-революционного распоряжения прибыли в тюрьму председатель Совета Солдатских Депутатов народный социалист гр-н Лихницкий и меньшевик Темкин.

Прибывшие, не стесняясь своей омерзительно-подлой роли и не краснея, прежде всего вступили в переговоры с командой сопровождающих, тщетно пытаясь убедить их исполнить распоряжение контр-революционного правительства по отношению к заключенным большевикам.

Как уланы, так и пехотинцы заявили: «Мы осужденных товарищей солдат и офицеров не находим виновными, мы не считаем их каторжниками и поэтому мы ни в коем случае не позволим себе применить какое бы то ни было насилие по отношению к ним. Наших товарищей заключенных мы поведем лишь в том случае, если они сами этого захотят».

Не добившись желательных результатов и неудовлетворенные полученным от конвоиров революционным уроком, «господа уговаривавшие» отправились в камеры к приговоренным и там пытались убедить наших товарищей-революционеров подчиниться распоряжению «республиканского» правительства и отправиться на каторгу...

Собранные в одну камеру политические заключенные заявили, что их перевод в данный момент, как и содержание под стражей, противоречит интересам революции, что они осуждены пр-вом Керенского за революционные убеждения, которые они смело несли в массы и что поэтому они никуда не поедут и будут ждать освобождения здесь на месте.

Господа социал-негодяи, получив отповедь от заключенных, переданную их представителем т-щем Шигалиным[1]), и не добившись никаких результатов, с позором уехали во-свояси.

Возмутительное поведение меньшевистско-эс-эровского Совета заставило губернский комитет принять твердое решение: немедленно освободить заключенных товарищей. Гнусный вызов был брошен нашей организации и она решила приступить к революционным действиям.

С 24 на 25 октября начались революционные действия в Красном Петрограде; они быстро распространились вширь и вдаль, охватив всю страну.

Революционное, могучее, прекрасно организованное восстание питерских солдат и рабочих, руководимое рабочей партией, в одно мгновение сбросило буржуазную власть, заключило врагов народа под стражу и утвердило диктатуру пролетариата.

---

[1]) Тов. Шигалин, офицер-фронтовик, был арестован на фронте по распоряжению Керенского и приговорен за агитацию большевизма к 3½ годам арестантских рот. Впоследствии, освобожденный гарнизоном, он много и славно поработал в дни Октября. Был членом редакционной коллегии «Известий Ревкома» и т. д. Ныне он окончил академию генштаба и работает в рядах Красной Армии.

Всероссийский С'езд Советов солдат, рабочих и крестьян своим революционным большинством быстро разрешил тяжбу между революционными трудящимися массами и империалистической буржуазией.—Власть Советов была провозглашена с трибуны Всероссийского С'езда и твердой, решительной и властной рукой бесповоротно утверждена.

Еще накануне петроградских событий, до открытия Всероссийского С'езда Советов, по городу стали упорно распространяться провокационные слухи о готовящихся будто-бы погромных выступлениях.

Под влиянием этих слухов и в целях предупреждения и пресечения возможных черносотенных эксцессов было организовано Советом военное бюро, в состав которого вначале вошли представители всех политических партий, представленных в Совете.

Но вот до нас докатились из Петрограда известия о великом перевороте, о переходе власти в руки Советов и военное бюро, забыв свои первоначальные и единственные функции, большинством своим быстро повернулось спиной к величайшему из величайших актов человеческой истории—к диктатуре пролетариата.

Испуганные лидеры меньшевистско-эс-эровского Совета забились в страхе, оказались ошеломленными и с толку сбитыми величием, грандиозностью и размахом развернувшейся классовой борьбы.

Заживо разлагавшиеся и распространявшие омерзительный смрад политические организмы об'единились, чтобы удержаться хоть еще немного, чтобы хоть несколько отдалить рождение Нового Общества...

Таким образом военное бюро, вначале созданное для борьбы с могущими возникнуть погромными эксцессами, на другой же день превратилось в орган борьбы с поступательным движением революции.

26 октября заседало вновь избранное «бюро», куда вошли: меньшевики, эс-эры всех толков, «Бунд», «Поалей-Цион», меньшевистско-эс-эровский «Викжель» и прочие партии и организации, уже осужденные всем ходом революционного движения.

Губернский комитет нашей партии тактически и принципиально обсудил вопрос о возможности дальнейшего пребывания в составе нового «бюро» наших представителей и учитывая, что широкие массы еще не информированы и следовательно не разобрались в событиях, имевших место в Петрограде,— решил до конца продемонстрировать перед лицом трудящихся масс истинную политическую физиономию военного бюро, пред'явив ему категорическое требование—в своей деятельности точно и неуклонно придерживаться директив Революционного Петроградского Совета и только, когда массам станет ясна контр-революционная сущность этого бюро, покинуть ряды последнего.

25—26-го октября во всех частях гарнизона под руководством агитационно-организационной секции губкома перманентно шли митинги и

избирались представители на гарнизонное собрание, из которого через несколько дней создался Революционный Совет Солдатских Депутатов.

Среди частей гарнизона не смели показываться представители соглашательских партий. Проникавшие на эти бурные митинги представители дискредитировавшегося военного бюро и Совета, немедленно с позором изгонялись революционными солдатами с предупреждением впредь не появляться...

Заседания губернского комитета в эти дни почти не прекращались.

Последнее свое принципиальное решение по вопросу о дальнейшем пребывании в военном бюро комитет решил довести до сведения общего собрания, причем подвергнуть широкому обсуждению принятое политически-ответственное решение.

26-го октября в зале быв. окружного суда, по окончании общего собрания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, состоялось общее собрание членов Витебской организации большевиков. В Повестке дня стояли два вопроса:

1) о военном бюро и 2) о заключенных товарищах. По первому вопросу было решено, что большевики, входящие в состав бюро, остаются в нем до тех пор, пока не обнаружаться полностью расхождения его с Петроградским Советом. По обнаружении же принципиальных и политических расхождений большевики немедленно покидают бюро и губернским комитетом создается новая власть в лице Военно-Революционного Комитета.

По второму вопросу было принято решение: немедленно освободить товарищей политических заключенных.

Собрание было широко информировано о предстоящем на другой день освобождении товарищей и было предложено представителям частей гарнизона к трем часам дня прибыть к губернской тюрьме для приветствия освобождающихся и вливающихся в наши ряды большевиков.

На другой день, 27 октября, в зале Совета собралось свыше ста представителей всех воинских частей гарнизона.

Все были охвачены революционным энтузиазмом, каждый был готов к великой борьбе и каждый был твердо уверен в революционной активности и преданности своей боевой части.

На этом историческом собрании под председательством товарища Крылова и при активном участии секретаря партийного комитета тов. Шейдлиной было подвергнуто уничтожающей критике военное бюро, его линия поведения и контр-революционные действия за период его деятельности.

Собрание единодушно под крики «ура» приняло решение: предложить партийному комитету немедленно отозвать представителей из состава «бюро» и выделить Военно-Революционный Комитет, которому взять на себя всю полноту власти в городе и губернии.

На этом собрание было закрыто и тут же открылось заседание губернского партийного комитета. Быстро была составлена повестка дня, в которой основным пунктом стоял вопрос об организации революционной власти.

По обсуждении вопроса было принято решение: «создать Военно-Революционный Комитет, который параллельно с «бюро» устанавливает охрану на телеграфе, почте, штабе и т. д. и который получает в свое исключительное распоряжение все средства передвижения. Избранные на митингах представители всех революционных частей гарнизона входят в новый Революционный Совет. Политическое руководство и вся власть принадлежит Военно-Революционному Комитету».

В текущих делах было решено телеграфно известить Центральный Комитет Партии о положении вещей, а т. Крылову немедленно очистить помещение «офицерского собрания» для нужд Военно-Революционного Комитета.

В 3 часа дня к губернской тюрьме двинулись коллективы воинских частей с оркестром музыки и красными знаменами, на которых сиял начавший уже претворяться в жизнь лозунг: «Вся власть Советам». Некоторые части вышли всем своим составом несмотря на то, что во избежание недоразумений комитет в последнюю минуту отложил шествие к тюрьме. Даже команда школы писарей и караульные части пришли в полном строю приветствовать выходящих на свободу товарищей большевиков.

С нетерпением пришедшие воинские части ожидали часа, когда им можно будет обнять дорогих борцов, долго томившихся в тюрьмах Керенского. Наконец комиссия рассмотрела все материалы. Было постановлено: освободить 46 т.т. большевиков, приговоренных судом контр-революционного правительства, низвергнутого восставшим вооруженным народом...

Тяжелые ворота тюрьмы открываются. Музыка играет революционный гимн. Красные знамена широко развеваются над головами освобожденных товарищей-братьев...

Через некоторое время в стенах Совета, где недавно только заседали и издевались над трудящимися массами мелкобуржуазные болтуны, сидели уже вольные орлы—вчерашние политические каторжане—приветствуемые губернским партийным комитетом и Революционным Советом Солдатских Депутатов...

Военно-Революционный Комитет, по воле трудящихся масс, взявший на себя всю полноту власти в городе и губернии, вышел из недр Революционного Совета и Губкомпартии.

Персонально он был представлен товарищами, избранными под теснейшим политическим руководством партийного комитета. В него вошли:

т.т. Дризуль, Королев, Москалев, Осис, Петров, Пинсон, Саркисьянц, Хандриков и Чабан [1]).

Через некоторое время его состав несколько изменился, но основной первоначальный кадр в нем сохранился до конца его революционного активного существования, т. е. до полного закрепления власти трудящихся в губернии, до окончательного подавления открытого сопротивления буржуазно—дворянских и других контр-революционных элементов.

В ноябре месяце по постановлению комитета партии, за исключением из состава членов Военревкома тов. Саркисьянца, был введен в его ряды прибывший в Витебск для работы тов. Ян Меницкий [2]).

Из состава расширенного пленума Военно-Революционного Комитета постановлением комитета партии был выделен президиум из следующих товарищей: Королева Пинсона, Саркисьянца, и секретаря Петрова, после ухода последнего его заменил Осис.

В этом составе Военно-Революционный Комитет приступил к своей деятельности.

Первым его революционным актом было назначение нового коменданта города и начальника гарнизона на смену старому—ставленнику соглашательского Совета. На этот революционный и ответственный пост был утвержден первым приказом популярный среди солдат и любимый гарнизоном товарищ Крылов. Энергия, проявленная им в те дни, как и вся его выдающаяся быстрая и решительная плодотворная деятельность, навсегда останется в памяти членов Витебской организации.

Тут же было дано распоряжение немедленно занять караулом почту, телеграф, штаб двинского военного округа, станцию железной дороги и т. д.

В то же время были назначены политические комиссары во все важные государственные учреждения, а в целях установления постоянной

---

[1]) Большинство членов Военревкома было выделено из состава Революционного Совета Солдатских Депутатов. Они были заслуженными членами партии, поработавшими в воинских частях гарнизона и пользовавшимися безусловным доверием и уважением последнего.

[2]) Товарищ Ян Меницкий, полуинтеллигент, старый революционер. Свою революционную работу он начал еще отроком, вступив в партию социалистов-революционеров. Последнюю он оставил в 1912 году. В нашу партию он вошел вскоре, работая в Питере. Здесь он стал работать в рядах питерской организации, отдавая себя партии и революции За время своей революционной деятельности он неоднократно привлекался царской властью к суду и много просидел в тюрьмах старой России. Во время империалистической войны он служил в армии, где не переставал делать с отроческих дней начатое дело – он и в армии нес революционное знамя нашей партии. В октябрьские дни он на отдыхе в деревне. В ноябре он в Витебске и приступает к работе. Здесь он быстро выделился энергией и преданностью делу революции. Чувствовался в нем старый революционер, полный энергии и твердой, порой, непоколебимой воли и решительности. Сейчас он работает в Москве.

прочной связи со всеми войсковыми частями были выделены и назначены из состава каждой из них комиссары.

Работа последних с первого же дня поступала под товарищеский политический контроль партийного коллектива части и общего собрания.

Утвердив комиссаров частей, Военно-Революционный Комитета, дал им политическую директиву—неуклонно следить за поведением лиц командного состава и обо всем замеченном доводить до сведения Военревкома.

Последним распоряжением в тот вечер было—выделить компетентных товарищей для проведения строгой революционной цензуры над желтой меньшевистско-эс-эровской прессой.

Эта революционная мера, предупредительного характера, оказалась, как нельзя, во время, ибо меньшевики и эс-эры, об'единившись со всей черной сотней, со страниц своей, с позволения сказать, печати распространяли панические провокационные слухи, нервировавшие трудовую массу и явно организовывавшие силы контр-революции.

Активные действия Военно-Революционного Комитета как и следовало ожидать, вызвали бешенный вой со стороны лидеров соглашательских партий, по злой иронии истории застрявших в давно непереизбиравшемся Совете Рабочих Депутатов.

В протесте, направленном против нашей партии, они, шантажируя массы, ссылались на свое «неот'емлемое» формальное право, а апеллируя к широким массам, они фарисейски звали последних к защите «демократии», порабощаемой вандалами—большевиками...

Необходимо было навсегда покончить даже с видимостью двоевластия, надо было немедленно убрать с революционного пути жалкие обломки меньшевистско-эс-эровской власти, мешавшие двигаться вперед борющимся массам трудящихся...

Губернский партийный комитет обсудил создавшееся положение и постановил: последний раз предоставить возможность городской бедноте, отсталым, менее сознательным, рядам рабочего класса и колеблющимся служащим воочию убедиться в контр-революционности «бюро» и в необходимости его ликвидации, для чего созвать расширенное заседание всех организаций, на котором дать окончательный и последний бой отмирающим политическим группировкам и их учреждениям.

28-го октября состоялось это многолюдное заседание, на котором присутствовали представители: Революционного Совета Солдатских Депутатов, Военно-Революционного Комитета, Профсоюзов, Старого Совета Рабочих Депутатов, политических организаций и т. д.

Заседание затянулось до поздней ночи. Никто не уходил из помещения. Все знали, что окончательно решается вопрос дальнейшего существования двух властей в городе. Знали также, что, как бы ни сопротивлялся «социалистический блок»,—вопрос его ликвидации уже решен окончательно.

и бесповоротно, решен восставшими вооруженными массами, создавшими свои революционные органы власти.

Первым выступил с докладом представилель «блока» гр-н Аронсон, успевший, буквально, за несколько дней перекочевать из стана «новожизненцев» в стан самой неприкрытой контр-революции.

В своем слове он, как полагалось, протестовал против «узурпации» прав всех партий и поставил три вопроса Военно-Революционному Комитету: 1) согласен ли он востановить прежнее положение в городе и губернии; 2) считает ли он необходимым создать единый фронт со всеми «социалистическими партиями» и 3) считает ли допустимым раскалывать революционную демократию...

В ответной речи представитель нашей организации прежде всего осветил перед собравшимися массами политические события, совершившиеся в Петрограде, подверг уничтожающей критике деятельность неправочного Совета и его «бюро» и в дальнейшем, коснувшись поставленных вопросов, дал следующий ответ:

1) Власть из рук преступной буржуазии и ее агентов из рядов соглашательских партий фактически и формально перешла уже к Советам и поэтому не может быть и речи о возвращении к гнилому прошлому; 2) единый фронт в лице Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов уже создан на основе единой ясной программы, сводящейся к установлению диктатуры пролетариата и к закреплению последней; 3) наша партия не раскалывает революционную демократию, а наоборот, об'единяет рабочих, солдат и крестьян под единым лозунгом—«Вся Власть Советам». Если собравшиеся представители политических партий присоединяться к доподлинной революционной демократии и в порядке дня поставят себе диктатуру пролетариата, тогда наша организация не возражает против единых и совместных действий.

В ответ на достойную отповедь со стороны большевиков, господа из соглашательского блока подняли вопль о насилии и прочих страшных преступлениях, совершенных узурпаторами-большевиками...

Им весьма красноречиво и толково ответил прибывший из Режицы товарищ Солонко[1]), особенно удачно отметив и подчеркнув их ханжество и фарисейство при вопле о насилии и прочих страшных вещах... Обернувшись лицом в сторону товарищей, накануне только освобожденных из меньшевистско эс-эровских каторжных тюрем, он, указав на последних, попросил господ соглашателей вспомнить, что они пока в тюрьмах еще не

[1]) Тов. Солонко—старый революционер, интеллигент, в то время не член нашей партии. Он примыкал к анархистам-коммунистам, но разошелся с последними и перешел на сторону нашей партии, разделив все трудности борьбы за утверждение Власти Советов.

сидят, а большевики при «демократическом» режиме оппортунистов успели основательно испытать на себе прелести меньшевистско-эс-эровской тюрьмы, арестантских рот и каторги, не говоря уже о смертной казни, все время висевшей Дамокловым мечом над головами членов революционной пролетарской партии, пребывавших на фронтах в войсковых частях.

Массы чутко прислушивались к революционной полемике и улавливая в речах наших товарищей подлинную правду, дорогую им идею окончательного освобождения от всякого вида и формы угнетения, заметно склонялись на нашу сторону.

Наконец собрание закрылось. Как и следовало ожидать, оно привело к диаметрально противоположным результатам. Никакого примирения не получилось. Наоборот: сойдясь идейными противниками, мы разошлись смертельными классовыми врагами, твердо решив немедленно разогнать политических шарлатанов, нагло и цинично позволявших себе выступать от имени Советов и прочих организаций без соответствующих на то фактических прав и полномочий со стороны трудящихся масс...

Поздно вечером последний раз заседало легально «военное бюро». На нем вместе со старыми «меньшевистско-эс-эровско-бундистскими» персонажами заседал также «Викжель» (прибывшие из Петрограда представители) и местное его представительство в лице комитета Р.-О. ж. д. в полном своем комплекте. Словом, собрались все «живые силы»...

На их приглашение, адресованное Военно-Революционному Комитету, последний делегировал сначала тов. Саркисьянца, а затем т.т. Костерина и Пинсона.

Беседа, имевшая место на этом закрытом заседании, чрезвычайно характерна. Она до сих пор ярка, не забывается, не исглаживается из памяти. Мы проводим ее здесь ввиде диалога:

Представитель «военного бюро», обращаясь к члену президиума Нового Органа Власти, с прекомичной серьезностью заявляет:

«Мы вас пригласили сюда, чтобы вы могли заслушать и передать всей большевистской организации и созданной вами и гарнизоном власти категорическое решение «Викжеля» по вопросу о конфликте внутри революционной демократии. С разрешения почтенного собрания представляю слово представителю «Викжеля»...

Представитель «Викжеля», заранее, очевидно, решивший окончательно «пронять» большевиков, с олимпийским спокойствием, поправив очки, весьма «трогательно» приступает к своей информации или правильнее к шантажированию Военно-Революционного Комитета, высказывая тоном оракула следующее:

«Викжель» (к тому времени мыльный пузырь, мнивший себя пупом земли, если не больше... Б. П-н) на своем заседании в Петрограде принял по вопросу о смуте в столице, распространившийся, по милости большевиков, по всей стране, следующее непоколебимое решение: предложить большевикам немедленно исправить совершенную ими политическую ошибку в вопросе о государственной власти; большевикам немедленно же отказаться от диктатуры одной своей партии и вернуть страну к прежнему положению, дабы хозяин земли русской—Учредительное Собрание—разрешил тяжбу внутри демократии. Если же большевики откажутся, то об'явить всеобщую железнодорожную забастовку и, прекратив по всей республике движение, заставить большевиков уйти от захваченной ими власти...

«Что-же касается местного конфликта, то предлагается большевикам образумиться пока не поздно и ликвидировать созданные ими органы власти. Если же Военно-Революционный Комитет и большевистская организация не откажутся от власти, то Витебская губ. изолируется от всей страны, прекращается железнодорожный подвоз хлеба-фуража и всех видов продовольствия, не будет предоставляться в распоряжение захватчиков подвижной состав и т. д. «Викжель» уверен, что в результате гарнизон и рабочие, почувствовав голод, немедленно откажутся от большевизма и сами же прогонят новую власть».

Наш представитель спокойно, с редкой выдержкой, отвечает:

«Военно-Революционный Комитет, оставляя в стороне пустые разговоры и до смешного глупые предложения, отвечает на пред'явленные ультиматум и угрозы следующее: Военно-Революционный Комитет будет спокойно работать над укреплением диктатуры пролетариата, не обращая никакого внимания на жалкие стенания и пустые угрозы со стороны предателей революции. Если же на железной дороге неблагоразумный «Викжель» посмеет что-либо предпринять без воли и политической санкции Военно-Революционного Комитета и его полномочных представителей, тогда, используя всю полноту власти, он во первых—немедленно лишит продовольствия всех саботажников и контр-революционеров железной дороги, во вторых—немедленно арестует представителей «Викжеля» и его слуг из комитета Р.-О. ж. д. и в третьих—арестованных немедленно же предаст скорому и революционному суду гарнизона совместно с мастеровыми и рабочими дороги и нисколько не будет возражать, если в тот же день господа из «Викжеля» и комитета дороги будут лежать связанные на путях и через их тела пройдет паровоз, пущенный революционным гарнизоном и революционной частью работников транспорта».

Этим знаменитым диалогом закончились наши переговоры...

А на другой день в органе Военно-Революционного Комитета был напечатан следующий декрет:

Декрет Военно-Революционного Комитета Витебского Революционного Совета Солдатских Депутатов.

Военно-Революционный Комитет от 29 сего Октября постановил: военное бюро, выделенное из состава старого Совета Рабочих и Солдатских Депутатов для охраны революционного порядка в городе, упразднить.

Солдатам войсковых частей Витебского гарнизона немедленно приступить к выбором нового состава Совета по следующей норме: от строевых частей, команд и эскадронов в количестве свыше 50 до 150—представительство по одному человеку.

Командам, количество которых меньше 50-ти человек, предлагается об'единиться совместно и послать с каждой 100 по одному представителю, войсковые части, количество коих выше 150-ти человек, избирают по одному представителю на каждые 100 человек.

Представителей частей из старого Совета Солдатских Депутатов немедленно отозвать в свои части.

Председатель Военревкома Б. Пинсон.

Секретарь Петров.

Меньшевики и эс-эры, в ответ на революционные действия нового органа власти, повели легальную и нелегальную контр-революционную агитацию среди масс, призывая их к бойкоту Военно-Революционного Комитета и всех его распоряжений.

Параллельно с этим желтая пресса «социалистического блока» со своих страниц обливала грязью восставших солдат и рабочих, роспуская провокационные слухи о падении диктатуры пролетариата в Петрограде и Москве, о разгроме революционных рабочих Питера, о большевистских погромах и т. д.

В ответ на это Витебский губернский партийный комитет принял два решения: 1) обратиться с кратким воззванием к солдатам гарнизона, раз'ясняющим события, происшедшие в Питере и Москве и призывающим к активному участию и дружному проведению выборов в новый Совет, 2) углубить и расширить агитацию среди солдат, рабочих и служащих в целях разоблачения меньшевиков и эс-эров и привлечения трудящихся масс на сторону новой революционной власти и ее мероприятий.

В эти дни все способные вести агитацию были мобилизованы губернским партийным комитетом.

Среди воинских частей и особенно среди казачьих полков, расположенных по линии железной дороги, шла безпрерывная агитация, раз'яснялись события, характеризовались, должным образом, свергнутое контр-революционное правительство и так называемый «комитет спасения революции»...

Особенно бурлила и кипела железнодорожная масса мастеровых и рабочих. Там, буквально, во всех помещениях шли митинги, на которых

члены нашей партии простыми, понятными и правдивыми словами излагали причину и сущность переворота, подвергая уничтожающей критике соглашительские партии и их линию поведения по отношению к устанавливавшейся диктатуре пролетариата...

Редакция «Известий Военно-Революционного Комитета», буквально, забрасывалась резолюциями, присылавшимися представителями рабочих собраний, солдатских и казачьих митингов и т. д.

Содержание резолюций, примерно, сводилось к следующему:

Резолюция железнодорожников.

«Мы, мастеровые, рабочие Р.-О. ж. д., службы тяги и службы пути Витебского узла, собравшись 31-го сего октября на общем собрании в количестве 500 человек, постановили: всецело поддерживать Военревком, как стоящий на политической позиции Петроградского Совета и его Военно-Революционного Комитета.

«Требуем, подтверждая постановление участкого подкомитета от 30-го октября, назначить собрание всех служащих железнодорожного Витебского узла на 2-ое ноября в 7 1/2 ч. вечера.

«Мы уверены, что все, преданные интересам рабочего класса и крестьянства, на этом собрании перейдут на сторону Советской Власти.

«Резолюция принята единогласно».

Председатель Володько.

Секретарь Лилов.

Все эти резолюции печатались в нашей газете. Они красноречивее всего говорили о том, на чьей стороне революционная демократия и кто в действительности вызывает гражданскую войну...

Другие же резолюции и постановления телеграфно пересылались в Красный Питер по просьбе товарищей, выносивших последние.

Одну из характерных мы позволим себе привести здесь. Она гласит:

Всероссийскому С'езду Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

«179-ый пехотный запасный полк в экстренном общем собрании полка 26-го октября заслушал циркулярную телеграмму Всероссийского С'езда Советов и восторженно, единодушно принял известие о переходе всей власти в стране к Советам.

Вес полк готов по первому призыву всеми своими силами поддержать истинных борцов за права и лучшие чаяния трудящихся масс.

Полковым комитетом приняты все меры для оповещения и разосланы делегаты в окрестные села и деревни.

В полку полный порядок и спокойствие.

Да здравствует власть народа!

Да здравствует Всероссийский С'езд Советов»!

С Крылов

А в это время меньшевистско-эс-эровский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, на глазах всей доподлинно революционной демократии, на глазах всей городской бедноты, умирал омерзительно-жалкой и позорной политической смертью.

Выборы в Революционный Совет Солдатских Депутатов, несмотря на темную агитацию и страшные пророчества соглашательских кликуш, шли во всю..

Уже все воинские части переизбрали своих представителей, послав их с революционными наказами в новый Совет. Даже казачьи части, несмотря на контр-революционную агитацию их есаулов и хорунжих, избрали с каждой 100 по одному революционному представителю, уполномочив их отстаивать до конца Власть Советов и обещав по первому требованию выйти с оружием в руках на защиту новых органов власти трудового народа.

Революционное Кубанское и Сибирское казачество не успокоилось на одних выборах представителей: они, возмущенные поведением своих командиров, арестовали последних, доставив их под конвоем революционного коллектива в помещение Военно-Революционного Комитета.

В рабочих организациях, на предприятиях, в профсоюзах шел глубокий процесс переоценки ценностей. Под влиянием нашей углубленной агитации они отзывали своих представителей из старого, затхлого, соглашательского Совета Рабочих Депутатов, избирали новых, революционных и посылали их в Революционный Совет с мандатами и наказами, принятыми на общих собраниях.

Трудящиеся массы фабрик, заводов, предприятий, как-то: льнопрядильной ф-ки «Двина», железной дороги, игольной ф-ки, электрической станции, трамвая и т. д. следовали революционному примеру Питерских рабочих—не отделялись от всей остальной страны и посылали новых, революционных депутатов в Совет.

Так шаг за шагом, революционный Совет Солдатских Депутатов обрастал плотным слоем рабочих масс и так в огне борьбы создался Революционный Совет Солдатских и Рабочих Депутатов.

На заседании партийного и революционного комитетов по заслушании краткого сообщения о деятельности желтой печати было постановлено: в интересах революционного порядка и спокойствия масс немедленно закрыть меньшевистско-эсеровские «Известия», что и было быстро исполнено энергичным твердым и решительным т-щем Крыловым.

Целую неделю Военно-Революционный Комитет не мог полностью отдаться работе по организации необходимых органов и учреждений губернии. Его боевая и чрезвычайно импульсивная работа, как и вся революционная энергия товарищей, направлялась в сторону защиты революционного Петрограда и ликвидации последствий контр-революционных распоряжений Керенского и меньшевистско-эс-эровского «комитета спасения революции».

Как раз в это время с юго-западного и других фронтов шли обманутые и спровоцированные вызовами Керенского воинские части. Они шли на Петроград и, когда их спрашивали куда и зачем они едут, то, обычно, следовал ответ: «Мы едем в Петроград по вызову Керенского и «комитета спасения», едем усмирить тех, кои восстали против революции»...

Чаще всего обманутые воинские части, распропагандированные еще по дороге, задерживались на ближайших станциях и через некоторое время, после посещения их нашими агитаторами, посылали своих представителей в Военно-Революционный Комитет с заявлениями и резолюциями о полном переходе на сторону восставшего народа и готовности, по первому требованию, выступить на защиту власти Советов.

Но бывали случаи, когда к Гатчине следовали несознательные, слепо подчинявшиеся распоряжениям своих контр-революционных командиров, войсковые части казаков, броне-дивизионов и т. д. и Военно-Рев. К-ту в отношении последних приходилось принимать наряду с агитационными средствами и другие меры борьбы и защиты.

Вся партийная организация, как один человек, прекрасно понимала и учитывала, что необходимо во что бы-то ни стало задержать подобные части, не допустить их до Гатчины, не осложнить и без того тяжелую, кровавую борьбу Питерских рабочих и солдат за установление диктатуры пролетариата.

Вот почему так хочется занести на эти страницы несколько особенно ярких и красочных революционных моментов, характеризующих организацию в незабвенные дни великой борьбы:

Третий броне-автомобильный дивизион, спровоцированный телеграммой Керенского, двигался на Гатчину. Эта отдельная воинская часть насчитывала 200 человек команды при полном комплекте контр-революционного офицерства.

На первый взгляд не представляя значительной силы, он на деле являлся большой угрозой борющемуся рабочему Питеру. Он насчитывал 11 броне-машин при пулеметах и сильной пулеметной команде; помимо этого он имел еще до 30-ти других машин в своем отряде.

Совершенно незаметно он успел подойти на опасно-близкое расстояние к Питеру.

Опустилась ночь и казалось, что под ее черным покровом совершится страшное дело, что обманутые солдаты попадут в ловушку Керенского и обагрят свои рабочие руки братской кровью Питерских пролетариев...

Но во время спохватились наши товарищи. Когда состав подходил к уездному городу Режица, на вокзал высыпали члены организации, революционные солдаты во главе с Революционным Комитетом и категорическ предложили дивизиону остановиться, не двигаться дальше.

Когда же контр-революционный командный состав отказался подчиниться и пригрозил обстрелом, то, рискуя жизнью, почти безоружные товарищи, ринулись вперед, окружили весь состав, обезвредили офицерство и, быстро ликвидировав грозную опасность, направили дивизион обратно, но уже не на прежнее место, а в Витебск. Здесь наши агитаторы быстро открыли глаза обманутым товарищам солдатам. Через несколько дней в стенах Революционного Совета Солдатских Депутатов рядом со всеми революционерами и бойцами сидели депутаты команды 3-го бронедивизиона... А еще недолго спустя тот же дивизион по распоряжению Военно-Революционного Комитета ночью в 1½ часа погрузил свои боевые машины и двинулся к Могилеву для исполнения революционного приказа, последовавшего от Главковерха тов. Крыленко.

Он с революционным энтузиазмом, оставив на месте свое засаботировавшее офицерство и выбрав командиром председателя своего к-та тов. Горохова, двинулся на ликвидацию ставки царского генерала—Верховного Главнокомандующего Духонина, отказавшегося подчиниться приказу Рабоче-Крестьянского Правительства и обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров.

Другой случай произошел с 4-ым Донским казачьим полком.

Военно-Революционный Комитет, стоя на страже интересов революции, дал категорический приказ главному к-ту Р.-О. ж. д.: 1) немедленно по получении телеграфных сведений о движении к Гатчине воинских частей, извещать Военно-Революционный Комитет для принятия своевременных мер, 2) ни в коем случае не предоставлять паровозов и подвижного состава в их распоряжение и 3) всеми силами и средствами, под страхом самой суровой революционной ответственности, препятствовать и сопротивляться продвижению частей к Питеру.

1-го ноября в 12 ч. дня во время кипучей, боевой работы Ревкома к телефону был срочно вызван председатель.

Звонили из главного комитета Р.-О. ж. д. Гражданин Недзведский [1]) дрожащим и взволнованным голосом, извещал о прибытии воинского эшелона, направлявшегося на Питер. На вопрос, что за эшелон прибыл, по-

---

[1]) Гражданин Недзведский—правый меньшевик, интеллигент. Он служил юрисконсультом на Р.-О. ж. д. и с февральской революции по Октябрь возглавлял правое крыло профессионального движения на ж. д. Характерно отметить, в виде исключения, что борясь с большевизмом на протяжении всего революционного этапа и оказывая ему идейное сопротивление после Октября, он в борьбе с нами никогда не прибегал к грязным средствам, к клевете и провокациям... В дни Октября он точно исполнял предписания Военревкома, чем облегчил наши операции по задержанию одураченных Керенским воинских частей.

следовал ответ: прибыл 4-ый Донской казачий полк с сильной пулеметной командой и требует немедленного отправления дальше, грозя, в случае отказа, применить вооруженную силу.

На вопрос, что делать, было дано приказание—ни в коем случае не дать паровоза и до конца сопротивляться контр-революционным домогательствам командного состава.

Но телефонировавший не успокаивался, не удовлетворялся данным указанием. Тогда пришлось уже говорить с полковым командирсм. Последний, матерый контр-революционер, заговорил повышенным наглым тоном: «вверенный моему командованию полк казаков донцов по приказу военного министра Керенского и«Комитета спасения» направляется в Петроград для подавления большевистской авантюры. Никаких Военно-Революционных Комитетов полк не признает и признавать не будет. Мы вооруженной силой проложим себе дорогу».

В ответ ему был отдан приказ: Немедленно сгрузиться, в противном случае последует арест и предание суду всего командного состава. Но, как и следовало ожидать, командир полка не подчинился.

Было созвано экстренное заседание Военревкома с представителями воинских частей. На нем, по обсуждении создавшегося положения, было решено: немедленно создать сводный отряд, из войсковых частей всех родов оружия, которому и выполнить боевое, революционное задание по разоружению казачьего полка и аресту преступного командного состава. Наряду с этим председатель Военревкома вместе с товарищем из 4-го авиапарка, захватив с собой большевистские прокламации и «Известия Военревкома», направились на вокзал для переговоров с донцами, надеясь распропагандировать последних, доказать им всю контр-революционность их действий.

Товарищи, прибывшие на вокзал, наткнулись на следующую картину: весь путь был забит вагонами, возле которых стояли недовольные донцы под наблюдением хорунжих. Направо стоял весь командный состав, боязливо и подозрительно посматривая по сторонам. «Храбрые» есаулы, очевидно, здорово перетрусили после переговоров с Военно-Революционным Комитетом и получения донесений о мерах, предпринимаемых последним...

Среди нижних чинов полка наблюдалось тревожное настроение. Они стояли небольшими группами смущенно и вопросительно поглядывая друг на друга, как бы ища ответа на роковой вопрос: как избегнуть кровопролития, как поступить и как держаться, чьи распоряжения исполнять...

Быстро подойдя к донцам, прибывшие товарищи стали раздавать им газеты и прокламации.

Сначала подозрительно, осторожно, а затем совершенно свободно стали вслух зачитываться полученные прокламации под названеим: «Долой большевиков!» [1]).

Невдалеке стоявшие есаулы, убедившись в «невинном» названии розданных прокламаций, не мешали казакам, а наоборот были чрезвычайно довольны, полагая, очевидно, что эти прокламации распространены членами местной эс-эровской организации...

Но листки зачитывались и из них одураченные казаки узнавали всю правду о большевиках и о большевизме и в то же время они получили ответ на роковой вопрос—кого слушаться, кому подчиняться...

В результате прочитанных листков и газеты Военревкома у казаков раскрылись глаза и они увидели живую действительность, они поняли, на какое тяжкое преступление толкали их, ослепленных, контр-революционые есаулы и Питерские меньшевики и эс-эры из «комитета спасения».

К этому времени прибыли в большом количестве агитаторы большевики из запасных частей гарнизона. Бородачи—ополченцы быстро проникли в казачью среду и своей агитацией окончательно убедили в необходимости исполнить приказ Военно-Революционного Комитета...

Контр-революционные есаулы, отдавшие вскоре после этого приказ погрузиться и двинуться дальше, совершенно неожиданно получили от полка категорический отказ выполнить распоряжение.

Политически прозревшие донцы заявили своим есаулам, что на Питер не поедут, что не поддержат преступного замысла Керенского...

В тот момент, когда мы общими агитационными усилиями убедили наконец ослепленных донцов остаться на ст. Витебск,—в городе на б. Соборной площади собрался прекрасный сводный отряд, способный задержать гораздо большую силу, чем один казачий полк, но к общему удовольствию пустить его в действие уже не пришлось...

На другой день с утра среди казачьего полка шла серьезная агитационная работа, а к 2—3 часам пополудни можно было наблюдать глубоко-отрадную картину: по улице, прекрасно маршируя, весело и дружелюбно посматривая на прохожих, шли представители 4-го Донского полка, шли в Революционный Совет с мандатами, свидетельствовавшими о том, что они избраны от сотен делегатами в Революционный Совет Солдатских Депутатов.

---

[1]) Прокламация «Долой большевиков» была прекрасным агитационным матерaлом за большевизм. Начинаясь целым градом обвинений по адресу большевиков, она в дальнейшем популярным слогом и непобедимой логикой сводила к нулю все обвинения и заканчивалась раз'яснением великой правды, несменной носительницей которой являлась и по сие время остается пролетарская партия большевиков.

А еще через несколько дней в «Известиях» Военревкома появилось следующее извещение, накануне еще доставленное редакции представителем комитета 4-го Донского полка:

Арест офицеров в 4-м Донском казачьем полку.

«Казаки 4-го Донского полка арестовали на днях 6 своих офицеров. Трое из них во время наступления Керенского вели сначала агитацию в пользу последнего, но не имея в этом успеха, отправились на фронт с целью оказать Керенскому активную поддержку.»

«По окончании этой неудачной авантюры они возвратились и немедленно были арестованы. Трое других арестованы казаками за агитацию в пользу бывшего контр-революционного Временного Правительства и содержатся под стражей в казармах полка».

Проделывая эту боевую, лихорадочно-быструю революционную работу, мы все время, в самые тревожные и ответственные моменты Октябрьской Революции поддерживали живую связь с Смоленской, Псковской и Оршанской организациями и Революционными Комитетами, координируя действия, учитывая силы и оказывая друг-другу в нужную минуту необходимую товарищескую революционно-боевую помощь.

За несколько дней, по свержении правительства м-ков и эс-эров, в помещении Военревкома перебывали: председатели и члены Оршанского, Псковского, Смоленского и других Революционных Комитетов, не говоря уже о представителях, прибывавших из других, более отдаленных мест.

Много оживления в нашу организацию и особенно в железнодорожную и солдатскую среду вносили первые питерские красногвардейские отряды.

Они буквально не пропускали ни одного собрания, чтобы не явиться и не передать горячего революционного привета, пожелания от Петербургских рабочих, отдавших лучших своих отцов, братьев и сыновей делу борьбы за установление диктатуры пролетариата.

Их оригинальные, пестро одетые, рабочие революционные фигуры привлекали к себе внимание и симпатии даже самых отсталых рабочих и солдат.

Часто можно было наблюдать картины, как по перрону вокзала, захватив с собой пару-другую местных рабочих или солдат, страшно жестикулируя и громко, убежденно говоря, двигаются вооруженные с головы до ног самим разобразным и зачастую диковинным оружием красногвардейцы.

В эти минуты, между приходом и отходом поездов, они вели агитацию за вступлению в Красную Гвардию и вели ее, надо отметить, с большим успехом.—Многие Витебские рабочие и крестьяне в те бессмертные дни записывались и многие из записавшихся по примеру питерцев воевали с храбростью легендарных героев Спарты, прекрасно дрались, героями

побеждали и умирали в борьбе с контр-революцией с великими лозунгами на устах, жизнью и смертью своей выковывая светлую жизнь молодым восходящим поколениям рабочих и крестьян...

В первых числах ноября можно было наблюдать чрезвычайно интересное явление. Весь вокзал, все пути, все крыши вагонов и все кругом на протяжении нескольких верст было, буквально, залито народом.

Собравшиеся десятки тысяч людей, тысячи солдат, до шести тысяч железнодорожников, рабочие, работницы, молодежь—словом, половина населения города, притаив дыхание и устремив глаза в сторону прибывшего и временно остановившегося поезда, слушали, не пропуская ни одного слова,—речь человека маленького роста одетого по военному, с рано поседевшей головой... То был Главковерх и Наркомвоен — старый революционер тов. Крыленко («Абрам»).

В несколько резреженном, морозном воздухе чрезвычайно отчетливо и ясно раздавались стальные, отрывистые, большие слова... В каждом из них чувствовалась безграничная железная воля, беспредельная, глубокая революционная страсть и непоколебимая вера и убеждение в правоту начатой гигантской борьбы и в ее конечную победу.

Как-то не верилось, что перед глазами маленький, старый знакомый, всеми любимый и уважаемый «Абрам».

Казалось, да и было на самом деле, что на площадке вагона стоит выросший гигант, упираясь головой в бестрастные голубые небеса и черпая бесконечные силы для великого дела из сгрудившейся вокруг него сотни тысяч вчерашних рабов...

И чем больше тов. Крыленко говорил, тем глубже собравшиеся массы проникались сознанием необходимости и небезплодности жертв, приносимых ими в борьбе за торжество нового социалистического общества.

По окончании речи ни у кого, пожалуй, уже не было сомнений в правдивости и искренности большевиков, ставших во главе и увлекших за собой десятки миллионов солдат, рабочих и крестьян во имя освобождения исстрадавшегося человечества от всех видов угнетения и эксплоатации.

Тов. Крыленко давно уже был в вагоне. Он отдал уже распоряжение об отправлении всего состава, но вокруг него, за тонкими стенами вагона еще долго не было спокойствия...

Десятитысячная толпа, среди которой заметны были бравые солдаты «литовцы», новые бойцы революции—красногвардейцы, безконечно дерзающие матросы—«авророцы» и т. д., не расходилась, а могучими человеческими волнами двигалась то в одну, то в другую сторону, готовая на бессмертные и беспримерные в истории подвиги, томительно ожидая только стального призыва недавно говорившего вождя...

А еще через несколько дней проездом на Юго-Западный фронт с своими бойцами и составом на несколько часов задержался товарищ Рошаль [1]).

Быстро был созван митинг в всерном депо Р.-О. ж. д.

На нем присутствовало до 5-6 тысяч железнодорожников. Все они пришли послушать доклад, узнав, что выступит товарищ, прибывший из Питера и побывавший в Кронштадте.

На это собрание пришли также меньшевики и эс-эры, заранее сговорившись с саботажниками служащими по вопросу о срыве митинга.

Быстро товарищ Рошаль поднялся на трибуну и привычным взором, окинув собравшихся и уловив настроение массы, начал свой доклад.

Он яркими красками, обращаясь исключительно к мастеровым и рабочим, увлекательно описывал, как происходили события в Кронштадте и в Питере, как по первому призыву Петербургского Революционного Комитета, орлами, бросая все житейское, дряблое, поднялись, святым гневом охваченные и возмущенные политикой буржуазии и ее подлого агента Керенского, заводские рабочие, революционные кронштадцы и балтийские матросы. Поднялись и своим могучим сознательным порывом отбросили и уничтожили грозившую революционному большевистскому Питеру опасность.

В дальнейшем он передал рабочим историю организации Советской Власти, рассказал из кого состоит Временное Рабоче-Крестьянское Правительство, какие оно наметило на ближайшее время политические и социально-экономические мероприятия и т. д.

Докладчик кончил раз'яснением роли нашей партии в социальной революции и просил собравшихся рабочих железной дороги поддержать революционные завоевания пролетариата, поддержать местную организацию большевиков в ее борьбе с контр-революционными партиями и классами, сопротивляющимися установлению власти Советов в губернии...

Когда же он высказал надежду, что труженики железной дороги дружно поддержат партию большевиков при выборах в Учредительное Собрание, то собрание ответило ему громкими, долго не смолкавшими аплодисментами и криками: «поддержим», «не сдадим»...

Пытавшиеся после него выступать меньшевики и эс-эры были освистаны большинством собравшихся мастеровых и рабочих. Им не дали говорить. Массы были на стороне революции.

Когда прошли первые бурные Октябрьские дни, начался по губернии могучий процесс организации власти.

---

[1]) Тов. Рошаль—молодой, но чрезвычайно активный член партии. Прекрасный оратор, обещавший быть трибуном. Еще накануне революции он много поработал в Питере. После революции он по распоряжению партии работал в Кронштадте и был любим матросами, которые вместе с ним, некоторое время спустя, после Октябрьского переворота, отправились на Юго-Западный фронт. Оттуда тов. Рошаль не вернулся. На посту комиссара он пал, замученный нечеловеческими пытками румынских бояр.

Губернский партийный и Военно-Революционный Комитеты довольно быстро стали развертывать, несмотря на саботаж интеллигенции и чиновничества, все нужные организации и учреждения.

Энергичными усилиями была выделены и приступили к большой работе советские секции: крестьянская—под руководством тов. Меницкого, Поспелова и других; рабочая—под активным и революционным руководством тов. Костерина, судебно-следственная, квартирная и другие.

Равным образом приступили к работе все учреждения, куда были выделены в качестве комиссаров преданные революции, подготовленные товарищи.

Революционный Совет Солдатских Депутатов, давно уже превратившийся в Революционный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, имея свой Исполком во главе с тов. Королевым, работал, шаг за шагом вовлекая широкие массы в сферу своей революционной деятельности.

Тот же процесс шел на местах по всей губернии. Мы получили известия от наших эмиссаров, делегированных крестьянской секцией, о широкой и плодотворной организационной деятельности, развернувшейся в деревне; эти вести говорили о том, что везде и всюду настроения крестьян па стороне большевиков, на стороне революции. Из всех органов крестьяне выбрасывали агентов преступной старой власти, заменяя их большевиками и сочувствующими революции—новыми элементами деревни. Уже работали вол'исполкомы, избирались Советы и т. д.

Уездные и местечковые партийные и советские организации посылали в Военно-Революционный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов извещения, примерно, следующего содержания:

В Военно-Революционный Комитет Революционного Совета Солдатских Депутатов.

Друйский Исполнительный Комитет Совета Солдатских и Рабочих Депутатов выражает свою глубокую благодарность за присланную литературу, газеты и часть агитационной литературы по выборам в Учредительное Собрание, и уведомляет товарищей Витебского Военно-Рnволюционного Комитета, что в гарнизоне и в городе Друе совершено спокойно, никаких эксцессов за последнее время не было, агитация по выборам в Учредительное Собрание ведется, преимущественно за Р. С. Д. Р. П. (большевиков). Настроение в гарнизоне тоже большей частью большевистское.

Исполнительный Комитет вместе с сим просит, если представится возможным, прислать побольше агитационной большевисткой литературы, даже если нужно—за небольшую плату, а также убедительно просит прислать агитаторов партии большевиков для агитации по выборам в Учредительное Собрание, уведомив предварительно по телеграфу, по адресу Совдеп Друя,

о дне приезда, дабы возможно было назначить гарнизонное собрание и митинг граждан г. Друи.

Приложение: протокол, резолюции, 5 руб. денег в уплату расходов по литературе.

С товарищеским приветом

Вр. и. об. Председателя Исполкома Огородников.

Секретарь (подпись).

А в стороне от широкой светлой дороги, от революционного массового строительства, на подобие презренного памятника преступному и отвратительному прошлому, продолжал гнить и изредка давал о себе знать неразогнанный еще, забытый за большой работой, старый соглашательский Совет Рабочих Депутатов или вернее несколько десятков жалких лидеров меньшевистско-эс-эровских организаций.

Когда боевая страда прошла, губернский партийный комитет совместно с Военно-Революционным Комитетом на об'единенном заседании постановили: немедленно распустить старый Совет. Выполнение этого поручения возложить на председателей Военревкома и Революционного Совдепа.

Взяв грузовик и команду бравых приморцев улан, мы под'ехали к помещению старого Совета. Каким омерзительно-жалким оно выглядывало и какими ничтожными, дряблыми, безвольными и трусливыми выглядели вышедшие на шум машины меньшевики и эс-эры...

Быстро войдя в помещение и еле найдя кое-кого из бывших членов соглашательского президиума, мы об'явили о роспуске старого Совета и предложили им: 1) прекратить, под страхом революционной ответственности, шантажирование масс, 2) немедленно сдать новому Революционному Совету все материалы, документы и печати и 3) очистить в кратчайший срок помещение от своего присутствия.

Получив категорическое распоряжение, жалкие соглашатели пытались возражать, протестовали и все еще продолжали лепетать о какой-то демократии, нарушенной нами-вандалами.

Не вступая с ними в пререкания, мы распорядились немедленно вынести денежный ящик и остальное имущество, оставив в комнате только членов президиума, скорбно задумавшихся над своим жалким бытием...

А в это время внизу на улице можно было наблюдать пресмешные сценки. По всем направлениям от помещения, под хохот веселых приморцев, улепетывали жалкие трусы «протестанты», меньшевики и эс-эры...

Быстро погрузили все меньшевистско-эсеровское жалкое наследство на машину и отправились в сопровождении приморцев обратно.

Так жалкой, презренной смертью умер меньшевистско-эс-эровский Совет.

Правда, отдельные меньшевики и эс-эры на протяжении долгих месяцев мешали новым органам революционной власти вести свою углубленную большую работу, правда, еще неоднократно эти предатели революции отвлекали наши силы на ликвидацию различных провокаций, организуемых ими, но это была уже жалкая агония не желавших умирать политических отбросов...

Переходя к работе нашей организации среди крестьянства, мы должны отметить исторический факт чрезвычайно существенного значения. Одним декретом Рабоче-Крестьянского Правительства о земле, основательно раз'ясненным нашими эмиссарами и агитаторами, мы вспахали всю крестьянскую толщу... Мы, как будто, гигантским большевистским плугом прошли по деревням и подняли на сторону Советской власти громадные пласты хлеборобов.

Не было и дня, когда бы не приходили массами борадачи-крестьяне в Военно-Революционный Комитет и не спрашивали бы «большевицкого председателя» о землице, как с ней поступить и т. д...

При оценке пройденного героического этапа и анализе размаха и причины успеха нашей партии среди крестьянства невольно напрашивается пример, иллюстрирующий степень грандиозности всего прожитого и проделанного.

Пишущий эти строки, работая в крестьянских губерниях, часто, например, задумывался над причиной успеха партии эс-эров среди крестьянства, порой даже завидуя ему. И, наконец, после долгих наблюдений, пришел к заключению, что помимо основных классовых причин этого социально-политического явления, не последнюю роль играла глубокая, кропотливая, непрерывная, буквально, классическая организационная и агитационная работа этой партии в деревне на протяжении десятков лет.

Возникали проклятые сомнения, упорно навязывался вопрос: сумеем ли мы, не изменив основным нашим принципам, привлечь на свою сторону в нужную минуту сотню миллионов крестьянства?.. Но теперь, сопоставляя деятельность и успехи нашей партии с деятельностью и успехами партии эс-эров в прошлом, успокаиваешься и смело, бодро итогируешь: за один 1917 год и в особенности за последний Октябрьский период его, наша партия в целом и Витебская организация в частности проделала такую агитационно-организационную работу, что окончательно вырвала из под эс-эровского влияния все крестьянство (без кулачества), поставив его под наше большевистское знамя.

И главным оружием, которым мы окончательно и бесповоротно закрепили за собой многомил-

лионное крестьянство был гениальный декрет нашей партии и Рабоче-Крестьянского Правительства о земле.

Не малой ценой был завоеван авторитет и успех нашей организации в деревне. Помимо сотен и тысяч жертв, понесенных нашей организацией в последующие годы после Октября на всех внутренних и внешних фронтах республики, мы в первые же дни ликвидации вооруженной рукой дворянско-помещичьего сопротивления в губернии, лишились таких товарищей, как члены партии: Василий Гавриилович Симоненко, Гавриил Иванович Черный и Василий Ефимович Горбунов [1]).

Много сил отняло у нашей организации создание Красной Гвардии. Уже с самых первых дней Октябрьской революции товарищ Крылов приступил к организации вооруженных сил на смену демобилизующимся солдатам старой армии.

Агитация за вступление в ряды Красной Гвардии была широко развернута среди рабочих масс и всего крестьянства губернии.

В «Известиях» Витебского Революционного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов не переставали печататься об'явления, примерно, следующего содержания:

Витебский Военно-Революционный Комитет приглашает всех рабочих и крестьян записаться в ряды организующейся Красной Гвардии.

Желающие записаться должны представить свои членские партийные билеты; не члены же партии принимаются по рекомендации 2-х членов организации.

На зов Военно-Революционного Комитета и губерского комитета партии, охотно шли рабочие и крестьяне, прекрасно, очевидно, учитывая, что только вооруженной рукой можно отстоять экономические и политические завоевания трудящихся масс.

Предвыборная кампания в Учредительное Собрание.—Победа нашей партии.

Окружная комиссия по выборам в Учредительное Собрание, несмотря на ломку всего старого дооктябрьского прошлого, продолжала работать в

[1]) Вышеупомянутые товарищи были чрезвычайно активными и боевыми членами партии. Наша организация в Октябрьское дни, давая им самые ответственные поручения, знала, что они точно исполнят или погибнут героями за дело рабочих и крестьян. Приходится скорбеть, что товарищи погибли так рано, полные сил и революционной энергии, охваченные святым порывом и желанием работать и работать без конца. Наша организация не должна их забывать.

прежнем своем контр-революционном составе, утвержденном еще старой властью.

Вся она состояла из представителей политических партий и чиновничества, политические убеждения которых были родственны кадетам и даже правее последних. Председателем этой комиссии был гражданин Рожновский.

Еще 20-го октября список кандидатов в члены Учредительного Собрания, заявленных разными группами и партиями по Витебскому избирательному округу, был опубликован во всеобщее сведение.

Он насчитывал 14 группировок или отдельных списков.

По номерам и названиям они распределялись следующим образом: 1) партии социалистов-революционеров, 2) трудовой народно-социалистической партии, 3) партии народной свободы, 4) латгальского народного комитета и латгальской социалистической партии трудового народа, 5) Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), 6) Витебского белорусского народного союза и союза православных и единоверческих приходов Полоцкой епархии, 7) еврейского национального избирательного комитета, 8) Витебского губернского союза земельных собственников и общества старообрядцев Витебской губернии, 9) Российской социал-демократической рабочей партии (об'единенный) и Бунда, 10) об'единенных польских организаций, 11) социалистов-федералистов и крестьян Латгалии (Режицкого, Люцинского и Двинского уездов), 12) латышей демократов националистов, 13) крестьян Витебской губернии и 14) граждан Белецкой волости Городокского уезда.

Предвыборная кампания началась сравнительно рано. Все перечисленные партии и группировки через своих агентов-агитаторов давно уже работали среди населения губернии.

Только одна наша организация приступила к предвыборной кампании фактически после Октябрьского переворота. Между тем выборы должны были закончиться в средних числах ноября месяца и срок для проведения агитационной кампании по всей губернии был крайне ограничен.

Все буржуазные партии и другие контр-революционные и националистические группировки предварительно озаботились напечатанием воззваний, громаднейших разрисованных плакатов, афиш, списков и т. д.

Буквально весь город и вся губерния были засыпаны кричащими обманными лозунгами, чувствовалось, что все эти партии тугой мошны, что у них в руках громадные, награбленные ценности и что они решили не скупиться и как следует прикрыть свои буржуазно-дворянские, шовинистические, эксплоататорские и собственнические клыки и когти, чтобы обмануть легковерного гражданина—избирателя, поймать в свои тенета неискушенного крестьянина, рабочего, одурачить городскую и деревенскую бедноту.

Стены и заборы города и уездов были заклеены плакатами, аншлагами, жирным шрифтом и на прекрасной бумаге напечатанными программами, политическими платформами и т. д.

Даже глухие деревни не были ими обойдены. Проезжавшие по деревням, селам и местечкам наши агитаторы из воинских частей, крестьянской секции и уездных партийных и советских органов, везде и всюду наталкивались на буржуазную ложь и крикливую пустозвонную шумиху.

Пользуясь полной свободой слова, имея еще в своих руках помещения, типографии, склады бумаг, они окутывали и окружали избирающую массу густыми тучами лжи, клеветы, гнусных инсинуаций и провокаций, стараясь этим изолировать трудовую среду от единственной революционной, рабоче-крестьянской партии большевиков.

А наши агитаторы, зачастую пешком, полуграмотные, полуголодные и оборванные шли в деревню, в крестьянство, имея на руках не плакаты и кричащие афиши, а лишь скромный, говорящий великую правду, разносящий радостную весть документ—декрет Рабоче-Крестьянского Правительства о земле, с напечатанным сверху «№ 5» и призывом голосовать за него, за список социал-демократов (большевиков).

Из Москвы, Питера и других мест приезжали члены центральных комитетов партий: меньшевиков, эс-эров, бунда, народных социалистов, кадетов и т. д. Все они на собраниях выступали, с пеной у рта агитируя за свои списки. Проделав свою работу в городах, они отправлялись в деревни и там на крестьянских сходах заливались революционными соловьями, шантажировали массы, рассказывая им самые ужасные вещи о большевиках, вплоть до того, что последние являются партией, стремящейся побольше грабить для себя, и что поэтому только они называются большевиками...

Приехал потягаться с большевиками даже кадетский лидер и златоуст «знаменитый» Павел Николаевич Милюков. Помнится, что на устроенном кадетами митинге, куда предварительно завлекли много солдат и рабочих, не пропускали наших агитаторов. У дверей стояли местные кадетские церберы, и перед пытавшимися проникнуть в помещение большевиками энергично захлопывались двери.

На наших митингах и собраниях мы свободно давали выступать представителям всех партий. Мы хорошо знали, что рабочие, солдаты и крестьяне разберутся, поймут и, сделав сознательный и свободный выбор, отдадут голоса нашей партии.

Чрезвычайно живо проходили предвыборные митинги в воинских частях. Ярко припоминается один из этих митингов в 5-ой тыловой мастерской. Собралась вся часть, свыше 800 человек. Настроение было бодрое, приподнятое. Сначала был заслушан доклад, посвященный технике выборов, после чего выступили представители партий с политическими докладами.

Подымается на трибуну гражданин Гизетти. Из массы солдат раздается вопрос:—«К какой партии принадлежите?». На это гр-н Гизетти, с гордостью и пафосом, достойным лучшего дела, отвечает: «я член центрального комитета партии социалистов-революционеров».—В ответ следует возглас: «ограничить его время». Общее собрание голосует и постановляет предоставить оратору 10 минут. Дабы в своей речи за короткое время наговорить как можно больше энергичных слов, оратор, отбросив «профессорское приличие», пускает в собрание град ругательств и истерических, хулиганских выкриков: ...«вы, большевики, анархисты, вы собравшаяся кучка бандитов, идущих против поставленного народом и всей демократией министра Керенского...» Собрание не дает ему закончить переполненную ругательствами речь. Его гонят с трибуны, но он не успокаивается и кричит во весь голос: «да здравствует Керенский, да здравствует партия эс-эров!»

Взволнованная и возмущенная «профессорским поведением» рабоче-солдатская масса быстро снимает оратора с трибуны и под веселый смех одной части и крики «вон»—другой выводит гр-на Гизетти за ворота мастерских и казарм. Тут-же за уходящим Гизетти тщательно метлой заметается след его. Солдаты долго еще не успокаиваются и кричат ему вдогонку: «мы заметаем ваш след, а эс-эровский дух сам испарится..»

Так встречали и провожали на солдатских предвыборных собраниях наиболее даровитых и способных ораторов соглашательских и контр-революционных партий.

Но не лучшим финалом заканчивались выступления соглашателей на рабочих и крестьянских предвыборных собраниях.

Интересно прошло предвыборное собрание на льно-прядильной фабрике «Двина». Туда прибыл для агитации член Центрального Комитета с.-д. меньшевиков гр-н Абрамович (Рейн).

Помещение собрания переполнено рабочими, текстильщицами, служащими и т. д. Тут же присутствуют солдаты технической команды и инженерных дружин, расположенных по соседству с фабрикой.

Среди последних много большевиков. В стороне от трибуны, с которой уже говорит меньшевистский лидер, стоят наши т-щи — член комитета Битте, Бромберг[1]) и другие. Они, хитро улыбаясь, прислуши-

[1]) Тов. Бромберг—сознательный рабочий. Он долго работал на грозненских нефтяных промыслах в качестве металлиста и техника. Участвовал во многих забастовках. Революция застала его в армии—в технической команде. Здесь он вел агитацию за нашу партию и после сам, одним из первых, вступил в организацию. В последней он поработал, заслужив всеобщее уважение, доверие и любовь. Быстро выделившись организаторскими способностями, он был членом губкома, ответственным организатором и секретарем Марковщинского райкома, членом контрольной и поверочной комиссий и т. д. В настоящее время он находится в Петрограде на рабочем факультете.

ваются к давно знакомым меньшевистским мотивам, как бы безмолвно говоря докладчику: «как ни будешь петь, а работниц и рабочих не обманешь, не проведешь»...

Когда Абрамович закончил свое слово призывом голосовать за меньшевиков, высказав при этом уверенность, что сознательные работницы поддержат его партию, то со всех сторон раздался дружный смех и выкрики: «как-же, поддержим, надейтесь, крепко надейтесь»...

А в дни выборов можно было наблюдать следующую красивую сцену: под красными знаменами с большевистскими лозунгами шли в строю текстильщики и текстильщицы фабрики «Двина». Они шли вместе с технической командой, имея впереди наших сознательных товарищей, они шли дружно голосовать за список № 5, за большевиков.

В деревнях, среди крестьянства, работали за партию большевиков сотни и тысячи революционных солдат. Работали даже крестьянские сыновья, находившиеся от места выборов на сотни и тысячи верст, агитировали бородачи-ратники ополченцы, односельчане, также находившиеся на приличном расстоянии от своих родных и близких деревень, сел и волостей.

Они агитировали, посылая сотнями, тысячами письма, в коих корявым языком и еле понятными каракулями убеждали своих близких, родных и знакомых, раз'ясняя им:... «а еще я вам, родные мои, пишу, чтобы голосовали вы в это самое Учредительное Собрание за большевиков; наш полк за них весь голосовать будет.—А то будут в этом самом собрании одни буржуи толстобрюхие и кровососы помещики и нам-крестьянам будет худо и война проклятущая надолго затянется»...

Можно смело сказать, что эти письма имели часто большое, если не решающее, значение для целой деревни, села и даже волости при выборах, при подаче бюллетеней.

С такими письмами старухи крестьянки, матери, отцы ушедших на войну крестьян, обходили решительно всех знакомых, а последними оказывалась вся деревня... Приходили они к таким же исстрадавшимся, садились и со вздохом, вспоминая отсутствовавших, давали письма и просили прочитать, что пишет с «хронта» родной сын Семен или что добавляет в письме муж Акулины—односельчанин, тоже забранный на войну еще с начала ее...

И то, что писали с фронта, что предлагали делать измученные фронтовики, становилось, буквально, законом нерушимым для всей волости и даже всего уезда.

Не помогала поповская контр-агитация, не слушались «долгогривых» крестьяне и крестьянки, не прислушивались также к заманчивым, но смертельно опасным росказням златоустов—эс-эров, кадетов и меньшевиков, а когда созывались митинги и выступали с окружснных сермяжным наро-

народом столов, агитаторы, то обычно крестьяне и крестьянки с нетерпением ждали, что вот-вот выступающие скажут: «а голосуйте за большевиков, потому, как она партия, значится, надежная; большевики войну скоро закончат, землю уже отдали крестьянам и вообще за бедняков, за трудящийся народ горой стоят»...

И были сильно недовольны, ругались и сердито отплевывались, когда выступавшие ругали большевиков или предлагали голосовать за какую либо другую партию...

Что-то близкое, родное и дорогое чувствовало сермяжное население в слове большевик.

Быть может оно будило неясные дорогие воспоминания о былой борьбе с вековой неправдой или говорило им о выросшем, наконец, грозном гиганте-мстителе за столетия крестьянских страданий, гонений, издевательств, перенесенных от проклятых помещиков и царя лиходея—дворянского ставленника...

Но факт оставался фактом: деревня сердилась, когда позволяли себе «забижать» большевиков и упорно не хотела слушать таких «ораторов».

Агитаторы передавали такие характерные предвыборные деревенские сценки: вот собрались крестьяне и крестьянки на митинг. Собрались и, подперев пятерней щеку или всю голову, ждут пока на стол не подымется агитатор. Но вот последний уже на столе. Вдруг ему из крестьянской серой массы, намеренно громко, задается вопрос: «а скажи-ка, парень, от кого будешь говорить-то?» и узнав, что от большевиков,—высказывают полное удовлетворение, на лицах появляются добрые улыбки, оратора окружают вниманием, теплотой и, по окончании речи, благодаря «за ласку», доброе слово и хороший совет, не упускают случая спросить, притаив дыхание: «а скажи, родной, скоро ли наших-то кормильцев вы домой пришлете с «хронта»?» И обрадованные полученным ответом, казалось, готовы были целовать зашедшего к ним агитатора-большевика...

Такие деревни бывали частым явлением и они дружно, скопом голосовали, несмотря ни на какие жульничества и махинации окружной комиссии, за партию большевиков...

Деревня ко дню выборов оказалась подготовленной, раз'агитированной большевистскими делами и правдивыми словами, к которым так чутка и внимательна заброшенная, забитая трудящаяся деревня.

На выборах они дружно голосовали за большевиков, за партию, вырвавшую землю у когтистых помещиков и передавшую последнюю крестьянину-хлеборобу, за партию, борющуюся за подлинный мир и за светлую, хорошую и радостную жизнь.

В день выборов наша организация была совершенно спокойна за исход последних.

Бюллетени поданы, подсчитывается, под'итоживается сознательно и свободно выраженная народная воля.

Все с нетерпением ждут ответа на глубоко-серьезный и жизненный вопрос: какой партии рабочие, солдаты и крестьяне доверили управление и хозяйствование страной, кому доверились они сами, кому отдали свои полмиллиона голосов?...

Но как убийственно медленно ползут известия о ходе выборов в деревнях, на уездах, как медленно подсчитываются голоса в городах! Томительно, тяжело ждать...

Но вот окружная комиссия заканчивает свою работу, итогирует всенародный опрос и последний становится известным.

Трудящиеся отдали свои голоса нашей организации, нашей партии. Из 9-ти мест мы получили 6, эс-эры 2 и труд. нар. соц. 1.

Последнее место эн-эсов—на законном основании оспаривалось не нами, а опять-же крестьянством, требовавшим, чтобы гр-н Булат (трудовик), прошедший обманным путем, был немедленно отозван, т. к. они—крестьяне лишают его, как врага народа, своего доверия и отдают свои голоса большевикам.

Таким образом наша партийная организация, получив вотум доверия от рабочих, солдат и крестьян, послала в Учредительное Собрание следующих товарищей большевиков: Каменева, Дзержинского, Саркисьянца, Чешейко-Сохацкого, Пинсона и Ривкина.

Учредительное Собрание.—Советская Власть.—От'езд избранных членов в Петроград.

Прошли выборы в Учредительное Собрание. Прошла предвыборная шумиха и трескотня. Все улеглось, все успокоилось. Наступило время, когда на категорический зов партии надо было выехать в Петроград, оставить на местах живое дело революционной борьбы и строительства. И как мучительно—тяжело было, как не хотелось отойти от начатого процесса революционного преобразования человеческого общества и активнейшего в нем участия...

Каждому сознательному члену партии было ясно, что Учредительное Собрание представляет исторически как бы давно уже пройденный, позади оставленный этап; что перед лицом Власти Советов, власти рабочих и крестьян, буржуазное Учредительное Собрание с большинством кадетов, эн-эсов, эс-эров и прочих представителей контр-революционных партий и классов, означает гигантский социально-политический скачок назад в страшную пропасть буржуазно-помещичьей кабалы, из которой только недавно народ едва вырвался путем тяжких жертв...

Но все же пришлось уехать в Учр. Собр., а в утешение пришлось через некоторое время принять участие и пережить незабвенный момент, когда новый законный и доподлинный хозяин земли русской—Советская Власть одним движением навсегда и окончательно отбросила на задворки истории Учредительное Собрание—этого непризнанного контр-революционного хозяина, почти на полстолетия опоздавшего своим прибытием...

Прошел 1917 год. Организация, окончательно закалившаяся в боях, семи-мильными шагами шла вперед, крепко спаянная с рабочими массам и крестьянством, шла смело вперед, во время подтягивая отстававшие задние ряды и проверяя правильность пройденного...

Впереди предстояла тяжкая борьба. Много классовых врагов угрожали смертью, уничтожением, требуя сдачи позиций; много пало первоклассных бойцов, но коммунистическая партия рабоче-сермяжной большевистской Советской Республики не сдала и не сдаст завоеванных позиций...

Она первая начала, она и проведет исстрадавшееся человечество через тернистое царство насилия в величественное царство свободы, и в этом не знающем себе примера в человеческой истории подвиге займет свое скромное место и Витебская организация Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Б. Бреслав.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Декабрь 1917 г.—июнь 1918 г.).

В конце ноября 1917 года я приехал в Витебск с благим намерением отдохнуть немного, но с первого же дня был втянут во все виды работ: партийной, советской, профессиональной, лекторской, литературной и т. д. и т. д. Любой большевистской организации в целом и каждому большевику в отдельности тогда нужно было и приходилось делать решительно все—везде поспевать и на всякие вопросы давать ответы; а этих ответов у нас тогда требовали, как говорят, «с ножем к горлу». Мы взяли власть, взяли на себя ответственность за управление страной, за окончание войны, за заключение «почетного мира» и т. д. и т. д.

Вопросы нам задавались не только обывателями, мелкими буржуа, но и целыми группами рабочих, чувствовавших инстинктом свою близость к нам, но находившихся под идейным влиянием мелкой буржуазии и ее партий, а также под влиянием обывательских страхов.

Как только я сошел с поезда и направился со своим узелком в город, меня встретили несколько рабочих сапожников, с Исааком Цемахом во-главе. Все они были моими старыми знакомыми, как по ремеслу, так и по подпольной работе, все большевики—единственная сплоченная большевистская группа среди местных рабочих—ремесленников города.

«Как хорошо, что ты приехал»,—сказали они мне сразу, не спрашивая меня о моем здоровье, житье-бытье, как обыкновенно бывает при встречах.—«Сегодня вечером в Губернаторском доме состоится общее собрание членов союза рабочих кожевенного производства. Будут выбирать правление. Надо завоевать этот союз. Приходи, обязательно приходи, выберем тебя председателем».

Вечером я действительно председательствовал на одном из бурнейших собраний рабочих кожевенного производства. Мы победили, получили большинство голосов в правлении союза, но победа была не легкая. Когда я со своим Кронштадским Особым 7-м отрядом, 25/X—1917 года, брал Ораниенбаум, Старый и Новый Петергоф, разоружал школы офицеров и юнкеров, то на это потратил гораздо меньше сил и энергии, чем на этом собрании рабочих на одержанную победу.

Это обстоятельство заставило меня перестать думать об отдыхе, серьезно присмотреться к создавшейся в городе политической обстановке и впрячься в работу.

Политическая обстановка.

Витебская губ. почти вся входила в фронтовую полосу, а самый город Витебск занимал некоторое двойственное положение—он был и фронтовым и ближайшим тылом. Кроме значительного количества солдат, в нем было много армейских учреждений, баз, мастерских и значительное скопление латышских беженцев. Совет был в наших руках, но это не значит, что он, как в других местах, постепенно завоевывался нами в течение Керенщины, а в момент октябрьских дней об'явил себя властью, при известном сопротивлении или без всякого сопротивления враждебных нам сил и партий. Совет был только что создан, старый меньшевистско-эсеровский совет был разогнан. (Мне лично не пришлось наблюдать борьбу нового Совета со старым. Этот момент, вероятно, осветят другие товарищи, участники этой борьбы). Но разогнанный Совет не считал себя окончательным мертвецом. В речах его членов, частью вошедших в новый Совет, особенно в речах бывших «вождей», звучали недвусмысленные нотки о близком возвращении к власти «настоящего совета рабочих депутатов», не «захватчиков» и не «авантюристов». В Витебске они надеялись, что их время придет после демобилизации старой армии, или после того, как эта армия сама разойдется по домам. И нужно сказать, что в Витебске, при том соотношении сил, которое там сложилось тогда, эти «бессмысленные мечтания» имели некоторую почву под собой.

И совет, и большевистская организация опирались на вооруженную солдатскую массу старой армии (эта армия уже тогда начала буквально разваливаться) и на латышскую организацию (Латышский район). Партийная организация не была губернской, а городской; связи с губернией не было, хотя состоявшаяся летом губернская партийная конференция постановила, что Витебскому Городскому Комитету присваиваются права Губернского. Совет был также органом власти одного города Витебска. Губернская власть представлялась и осуществлялась каким-то суб'ектом, никому неизвестным, ни к какой партии не принадлежавшим, неким Солонко.

Связи с местными рабочими, их организациями и местной экономической, общественной и даже политической жизнью не было ни у Совета, ни у партийной организации, и ни у тех двух сил, на которые и Совет и партия опирались в то время (солдаты и латыши). И это было вполне естественно и понятно. Ибо все заглушалось тогда острой вооруженной борьбой за политическую власть, отчего в этом мещански-обывательском ремесленном городе центр политической жизни сразу, втечение нескольких дней, передвинулся от одного полюса к другому. Этим вторым полюсом здесь оказались: солдатская масса и беженцы-латыши, оторванные от местной жизни, помыслы которых не связывались с этой жизнью. Латышская организация, самая организованная, прочная, сознательная, боевая, по составу своему в значительной части пролетарская, носила внутри себя какой-

то временный характер, благодаря преобладанию в ней элементов из латышских стрелков и беженцев.

Меньшевики и эс-эры имели бесспорное и неограниченное влияние на всю рабочую массу ремесленников города. Профессиональные союзы были в их руках, в их руках был и Губпрофсовет [1]). Сверх этого все местные учреждения—государственные и общественные—возглавлялись ими: как городская дума, губернское земство, банки и т. п. учреждения. Наш Совет, хотя и был властью и никто эту власть тогда не пытался и не думал оспаривать, но представлял из себя какой-то странный парламент, опиравшийся на реальную вооруженную силу и в то-же время совершенно оторванный от всей местной экономической и даже политической жизни. Совет в это время успел лишь издать декрет о национализации недвижимостей, после того, как в центре был опубликован не то декрет, не то проект Ларина об отчуждении недвижимостей. Практических результатов этот декрет в Витебске не имел по той простой причине, что никто, в том числе и сам Совет, не представлял себе, как это практически осуществить. Но в дальнейшем этот декрет имел ряд печальных последствий, о чем будет сказано ниже.

Хозяевами положения в Городе и Губернии, хотя и не у власти, были меньшевики, эс-эры и сочувствующие им либеральные обыватели, так называемых, интеллигентных профессий, ио нужно отдать справедливость местным рабочим, что хотя они и были враждебно настроены против нас и повторяли все небылицы, которые выдумывались нашими врагами, иногда искренно веря в эти небылицы, иногда просто подражая обывателям, но инстинктивно о н и б ы л и в р а ж д е б н ы в с я к о м у а к т и в н о м у в ы с т у п л е н и ю п р о т и в н а с. Я считаю необходимым подчеркнуть это обстоятельство. Ибо именно поэтому меньшевики и эсеры «мирились» в Витебске с фактом нашего существования и не могли проявить активности против нас, не могли даже пытаться свергнуть нас в те критические для нас моменты, когда у нас не оказывалось в этом городе никакой реальной силы (такие моменты были, о чем будет ниже). Еще больше: когда эти ремесленники—рабочие города Витебска в своей повседневной жизни, по работе в мастерской, ведя упорную борьбу с хозяйчиками, наталкивались на злостный саботаж своих требований и требований своего Профсоюза, на искусственное усиление хозяевами безработицы, на упорное, организованное, тихое и умелое сопротивление со стороны хозяев всяким скромнейшим и мирным попыткам рабочих в области улучшения своего материального и духовного быта, тогда эти рабочие обращались за помощью к большевистскому Совету, в уверенности, что именно этот Совет, этот единственный в истории орган государственной власти, будет

[1]) Тогда он назывался «центр. совет профсоюзов», название Губпрофсовет он получил позже, но для большей ясности будем употреблять современный термин. Б. Б.

целиком на их стороне. Я помню, как однажды, в то время, в Правлении Профсоюза рабочих кожевенного производства обсуждался вопрос об экспроприаций в городе всех хозяйчиков этого производства, о принудительном создании крупного единого треста кожевенного производства под контролем и управлением Профсоюза именно в надежде на то, что новая государственная власть в центре и на месте в этом вопросе их поддержит. Эта мера была единственным по тому времени и по той обстановке реальным способом борьбы с безработицей. Указывалось, что готовая обувь и сырой материал, находящиеся у хозяев, должны быть обращены в основной капитал треста, что хозяева должны быть в тресте на равных с рабочими правах, что хозяева должны быть отстранены от непосредственного управления трестом; допускалась лишь возможность использования организаторского опыта хозяев и только.

Я не могу здесь останавливаться на этом замечательном факте, свидетельствующем о том, что рабочие уже тогда, в этом захолустье, инстинктивно нащупали более или менее правильный путь хозяйственного строительства и организации производства, хотя это чрезвычайно интересно. Я хочу лишь отметить, что за все эти предложения высказывались и голосовали рабочие меньшевики и эс-эры, особенно тов. Гнесин (который теперь, как и многие другие из них, состоит членом Р. К. П.).

Мое положение среди Витебских рабочих было наиболее благоприятным. Меня, как старого революционера, вышедшего из среды рабочих г. Витебска, где каждому ремесленнику было известно мое революционное прошлое, нельзя было так легко шельмовать кличками «авантюрист» и т. п., как это делалось меньшевистскими и эс-эровскими «вождями» среди Витебских рабочих в отношении других видных и ответственных работников большевистской организации и Совета. Однако выступать на рабочих собраниях и в Профсоюзах было чрезвычайно трудно даже мне. На небольших деловых заседаниях Правлений Союзов, когда приходилось обсуждать вопросы повседневной борьбы рабочих с хозяевами, мы не только находили общий язык с рабочими меньшевиками, но являлись той действительно революционной политической силой, от которой рабочие ожидали указаний, на которую они возлагали иногда даже слишком большие надежды. Совсем не то бывало на сколько-нибудь больших рабочих собраниях, на которых не приходилось касаться отдельных конкретных вопросов столкновения той или другой группы рабочих со своими непосредственными, известными им хозяевами, а определять политическую линию и задачи всего рабочего класса в данный исторический момент, в той русской и международной обстановке, которая тогда сложилась. Тут сказывалось чрезвычайно сильное влияние мелко-буржуазной идеологии и обывательщины. Приходилось тогда слышать от лучших рабочих (которые теперь, с радостью констатирую, в наших рядах) речи, в духе всего тогдаш-

него букета истерических выкриков, пущенных в оборот умными реакционными пройдохами в надежде, что их будут повторять и честные дурачки, выкрики вроде следующих:—«Вы жандармы, вы арестовываете социалистов; вы авантюристы, вы не считаетесь с волеиз'явлением народа, вы создаете почву для реакций, для прихода Романовых» и т. д. и т. д

У нас были однако и союзники. Это, так называемые, левые с. р Согласно господствовавшей тогда в центре политике, мы в Витебске тоже создавали рекламу этим неразумным политическим младенцам. Но по существу их значение, если не считать рекламы, было почти равно нулю.

Обрисованная мною только что политическая обстановка того времени в городе Витебске выдвигала перед нами необходимость как можно скорее организовать пролетарские и полупролетарские элементы всей Губернии и, опираясь на них, создать губернскую рабоче-крестьянскую власть. С этим нужно было торопиться, ибо наша реальная и организованная опора—части старой армии—рассыпалась.

При тех земельных отношениях, которые были в западном крае, было значительное количество крестьянской бедноты, безземельщины и батрацкого элемента. Что этот элемент с нами, можно было видеть и по Витебску, т. к. рабочие не ремесленники, как, например, железнодорожники и рабочие единственной крупной фабрики «Двина», связанные отчасти с деревней, не были под влиянием меньшевиков и эс-эров, они были с нами, несмотря на очень слабую их организованность.

Лучшего способа организовать бедноту губернии, помимо такой массовой организации, как Советы, не было. И 10-го декабря 1917 года был созван первый губернский с'езд Советов Витебской губернии.

Первый Губернский с'езд Советов.

В мою задачу не входит подробно останавливаться на этом поучительном с'езде, его, вероятно, коснутся и другие товарищи. Но отмечу лишь некоторые моменты, характеризующие состояние нашей партийной организации того времени в Витебске и Губернии.

Первый блин, говорят, всегда выходит комом, и в организационном отношении этот первый с'езд представлял из себя изрядный ком.

Состав с'езда. С'ехалось на него делегатов, если память мне не изменяет, до пятисот человек. Были представлены не только все уезды, но и все волости. Преобладал главным образом крестьянский элемент, хозяйчики. Но крепких хозяйчиков было ничтожное число и голос их был подавлен. Царил на с'езде дух крестьянской бедноты и крестьянской мелко-буржуазной психологии. Батрацкая группа и группа рабочих ремесленников была так-же численно ничтожна. За то среди последней группы были уже такие, которые побывали по нескольку лет на Питерских фабриках и заводах, как, например,

покойный товарищ Евстигнеев. Дух времени был таков, что голос этой маленькой группки имел на с'езде преобладающее значение. С'езд даже назывался С'ездом Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких Депутатов. Но весь с'езд в целом был типично крестьянский, его элементы были неспособны к организации и организованным действиям. Он носил на себе отпечаток разбушевавшейся мелко-буржуазной стихии, которую трудно было вводить в организованные революционные рамки.

Настроение. До 90% с'ехавшихся на с'езд делегатов называлось большевиками, но никто из них, за исключением отдельных лиц из рабоче-батрацкой группы, не имел никакого понятия не только о большевиках, но и о какой-бы то ни было партии вообще. При таком подавляющем числе «большевиков» управлять с'ездом было чрезвычайно трудно. Я помню бедного тов. Чунчина, который обливался потом на всех заседаниях, особенно при установлении «порядка». Ловкий демагог, подделываясь под фразы и тон большевиков, мог очень легко овладеть с'ездом и вырвать руководство из наших рук. Губернский Комиссар Солонко пытался это делать и иногда не безуспешно. Благодаря своей ловкой демагогии ему удалось попасть в Исполнительный орган—Губернский Совет, а потом даже на одни сутки в Председатели этого Совета. Фракционная работа с этими «большевиками» была невозможна. Не впустить Солонко на фракцию означало устроить скандал. А о Солонко мужички говорили с уважением: «Есть у нас хозяин», выкрикнул один крестьянин в конце фракционного собрания, когда Солонко пришел сюда-же об'явить, что он достал для всех суточные деньги. Под конец с'езда все-же удалось устроить пару фракционных совещаний, особенно по земельному вопросу, создавая параллельно совещания батрацкой группы.

Нужно отметить, что среди называвшихся «большевиками» были явные авантюристы и контр-революционеры, как, например, поп Василенко и бывший полицейский Корешков.

Но меньшевики и эс-эры (правые) не пытались даже выступать на этом с'езде: так раскалена и так бурно-враждебна к ним была атмосфера на нем.

Работа с'езда. В конце концов на примере этого с'езда на практике ощутительно можно проследить гегемонию рабоче-батрацкой группы и нашей партии над крестьянством. Несмотря на ряд дефектов и неумелость, вроде огромного порядка дня—12 пунктов—(порядок дня 2-го с'езда ограничился уже 4-мя пунктами), решения с'езда являются поучительными. Для характеристики я приведу целиком резолюцию по текущему моменту, которая легла в основу всех работ с'езда и впервые формулировала ясно, отчетливо и последовательно взгляд политически разрозненного

бедного и среднего крестьянства губернии на совершавшиеся огромной важности исторические события.

Резолюция. Съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов Витебской губ., обсудив доклад по текущему моменту, находит, что:

1) Февральско-мартовская революция, как продукт недовольства широких слоев населения войной и классами, затеявшими ее,—шла, главным образом, под лозунгом немедленного прекращения войны.

2) Думая, что виновником войны и всей остальной политики, связанной с ней, является царизм, и веря еще в добрые намерения имущих классов, восставший народ передал государственную власть капиталистам и помещикам.

3) Став у власти, капиталисты и помещики, на сторону которых перешли и социалисты оборонцы в лице с. р. и меньшевиков, повели политику продолжения войны, ибо война, являясь источником прямой наживы для помещиков и капиталистов, в дальнейшем являлась в их руках могучим орудием борьбы с самой революцией, приковывая все внимание неимущих классов к фронту и к бесчисленным неудачам на фронте.

4) Восемь месяцев обещаний и обманов со стороны имущих классов и тех, кто думал посредством уступок и соглашений принудить капиталистов и помещиков итти против своих интересов, убедили рабочие, солдатские и крестьянские массы в необходимости свергнуть власть имущих классов и взять эту власть в свои руки.

5) Имущие классы, с своей стороны, видя невозможность господствовать над массами рабочих и крестьян посредством обмана, решились подчинить себе массы рабочих и крестьян насилием, опираясь на силу юнкеров, офицерства, сформированных ударных батальонов и обманутой части казачества.

6) Для выполнения своих насильнических планов они готовили увод Революционного Петроградского гарнизона, замену его ударниками и казаками, разгон Советов, они готовили такое кровопускание рабочему классу и бедной части крестьянства, ставшей отбирать помещичьи земли, чтобы в крови утопить все надежды на скорый мир, на получение крестьянами земли и все остальные требования революции.

7) Рабочим, крестьянам и солдатам пришлось выбирать: восстать или подчиниться насилию капиталистов и помещиков без боя; рабочие, крестьяне и солдаты приняли бой и победили.

8) Разбитые в открытом бою капиталисты и помещики прибегают к провокации, к восстановлению против рабочих и крестьян, против власти Советов верхов казачества, к разжиганию национальной розни, к подкупу подонков общества для устройства погромов и грабежей, к клевете в печати, к забастовкам и саботажу высшего чиновничества и т. п.

9) Не имея смелости и возможности открыто бороться против мира, к которому неуклонно идет новая крестьянская и рабочая власть, наши капиталисты и помещики, в союзе с оборонцами, с.-р. и меньшевиками, в согласии и при поддержке капиталистов Англии, Франции и Америки, стараются сорвать мир видимым непризнанием новой власти всем населением.

Поэтому с'езд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов, признавая новую власть Советов, в лице Совета Народных Комиссаров, властью рабочих и крестьян, заявляет, что будет поддерживать эту власть всеми силами, проводить в жизнь все декреты этой власти, особенно декреты о земле, о рабочем контроле и все истинно-народные декреты, направленные к отмене частной собственности; с'езд также находит, что новая рабочая и крестьянская власть должна бороться самыми решительными и самыми беспощадными мерами со всеми попытками восстания, саботажа и всякого другого рода противодействия имущих классов этой власти.

Считаясь с фактом скорого открытия Учредительного Собрания, Витебский Губернский С'езд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов заявляет, что он поддержит только такое Учредительное Собрание, которое будет выполнять волю народа и будет действовать в согласии с Ц. И. К. Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Витебский Губернский С'езд, констатируя факт, что партия привилегированных имущих классов, кадеты, замешана в заговоре с Калединым, Корниловым и др. врагами народа и идет против власти Советов, считает, что она не может быть допущена в Учредительное Собрание.

Поэтому С'езд требует немедленного их исключения из состава Учредительного Собрания, а члены Учредительного Собрания других партий, которые не будут выражать воли народа, должны быть немедленно отозваны населением и вместо них выбраны выразители воли народной».

Достойный отпор на с'езде получила и группа авантюристов, стремившаяся, при помощи немецких штыков, создать «Белорусскую Раду». «Витебский Губернский с'езд Крестьянских, Солдатских, Рабочих и Батрацких Депутатов высказывается против всякого раздробления сил революционных органов власти и создания органов, построенных на началах соглашения со своей национальной буржуазией», говорится в резолюции по этому вопросу.

Самым больным и острым вопросом на С'езде был, конечно, вопрос о земле. Тогда уже на этом С'езде наметились линии расхождения, как различных групп крестьянства между собой по вопросу о землевладении и землепользовании, так и между крестьянскими группами и группой батрацко-рабочей. В то время, как батрацко-рабочая группа стремилась внести начало социалистического, общественного землевладения и земле-

пользования, начало сохранения культурных имений и хозяйств, наделения землей безземельных крестьян и батраков, недопустимости политики выбрасывания из имений батраков,—крестьяне хозяйчики, от бедных до зажиточных, резким образом восставали против этого. Они стояли за раздел, за нарезку добавочных наделов земли. И на почве раздела раскалывались крестьянские группы. Зажиточные—стремились закрепить свое прежнее владение и получить вдобавок жирный кусок из барской земли и барского инвентаря, а крохи оставить бедноте, беднота-же стремилась зажиточным давать поменьше.

«Как бы здесь ни решался вопрос о земле, весной, когда нужно будет делить землю и начать пахать, в деревне будут пущены в ход дубины и оглобли», сказал один крестьянин на фракционном совещании. Но обе группы крестьян сходились на том, что совершенную голытьбу, батраков, нужно выбросить из имений, без всяких компенсаций.

Борьба была тяжелая. Все же руководящий центр нашей партийной организации одержал и в этом чрезвычайно остром вопросе полную победу. В конце концов, в резолюции по земельному вопросу, принятой почти единогласно 15 декабря 1917 года, говорится в 4-м пункте следующее:

— «Задачей решения земельного вопроса является не только справедливое распределение земли между трудящимися на ней, но и повышение уровня сельско-хозяйственной культуры и техники, для чего необходима всемерная забота Уездных Советов Крестьянских Депутатов о создании и поддержании уже существующих достаточно крупных культурных хозяйств для обработки их средствами Волостных Земельных Комитетов возможно лучшими способами, с применением более совершенных орудий и машин, под техническим руководством приглашенных для этого сельско-хозяйственных техников и агрономов», а в практической части этой резолюции устанавливается, что Уездные Советы и Волостные Земельные Комитеты должны «немедленно озаботиться приглашением безземельных и малоземельных крестьян и батраков своей волости и ближайшей окрестности зачислиться на конфискованные земли, имея в виду временную норму для семьи от 10 до 15 десятин всех сельско-хозяйственных угодий, взятых вместе, при этом необходимо предупреждать записывающихся, что обработка земель имений, имеющих живой и мертвый инвентарь, будет производиться без раздела как самого имения, так и инвентаря, под руководством назначенных Волостным Комитетом лиц и под взаимным контролем Комитета и самих работающих».

И дальше: «В первую очередь зачислению на конфискованные земли подлежат безземельные и малоземельные крестьяне и батраки, а также арендаторы и испольщики, причем особое внимание комитеты должны обратить на устроение сирот и солдатских семейств, кормильцы которых в данное время не могут свои интересы защищать».

Нельзя еще не отметить, что этот крестьянский С'езд указывал на необходимость кооперации, на обязательное всеобщее обучение, на необходимость устройства «в населенных сельских пунктах сельско-хозяйственных училищ и опытных полевых испытательных станций, которые выпускали-бы вполне подготовленных сельских хозяев.

Губернский Совет.

Как это ни странно, тогда мы еще не додумались до названия «Губисполком». И вновь избранный на С'езде орган мы назвали «Губернский Совет». Губернский Совет состоял из 65 человек, из коих 55 было большевиков, 6 левых эс-эров, 2 анархиста, 1 эс-эр максималист и 1 беспартийный. Это партийное деление ничего в сущности не означало, как увидим дальше.

В основу избрания Совета был положен принцип:

по 3 депутата от 11 уездов 33
по 5 депутатов от войсковых частей и батрацкой группы 10
и от местного Витебского Совета 22

У меня сохранился оттиск отчета заседания С'езда от 15 декабря 1917 года, в котором имеется «Положение об управлении Витебской губернией» и «Именной список членов Губернского Совета Депутатов» и его «состав по партиям». (Этот документ воспроизведен полностью в качестве приложения к статье).

На второй день, после закрытия С'езда, должно было состояться первое заседание Пленума Губернского Совета. Естественно, что первое заседание должно было быть посвящено конструированию, т. е. выбору Президиума и организации секций. Многие не поймут теперь, если сказать, что самым трудным из всех вопросов, которые нужно было разрешить на первом заседании Губернского Совета, был вопрос о выборе Президиума, т. е. вернее председателя. И как это ни странно, не смотря на то, что из 65 членов Губсовета 55 было «большевиков», избранным в председатели оказался никому неизвестный, называвшийся «анархистом-коммунистом», иногда просто «коммунистом» (наша партия тогда еще называлась Р. С. Д. Р. П. (большевиков), а не Р. К. П.) некто Солонко.

Почему это так случилось?—Наверное были разногласия в Парткоме, в организации,—подумают одни,—не могли столковаться, склока была и т. п.—подумают другие. Или, скажут, разошлись по этому вопросу Партком с фракцией Совета, вот и вышла такая история.

Ничего подобного не было. У нас не было еще уменья управлять членами своей организации и своей организацией в целом, это во первых, а во вторых, те, которые назывались «большевиками», не всегда были ими, и партия не сумела и не могла еще связать организационно эти элементы

с собою. Приклеивание к себе ярлыка «большевик» давало им тогда много и ни к чему не обязывало эту не дисциплинированную и неорганизованную массу.

Губернский Комиссар Солонко очень умело и тонко ставил на С'езде вопрос, что Председатель Губ. Совета и Губернский Комиссар должны быть избраны С'ездом. И так как через фракцию нельзя было управлять С'ездом, то были все шансы за то, что Солонко будет избран на эти должности С'ездом. Мы не могли допустить, чтобы Губерская власть таким демагогическим путем попала в руки неизвестного человека, без всякой политической и идейной физиономии, за которым не было никакой политической партии или организации.

По нашему настоянию эти вопросы были сняты с порядка дня с'езда и переданы Губсовету.

На второй день после закрытия С'езда, большое число мужичков преднамеренно задержалось и преднамеренно пришло на заседание Губсовета. Стоит теперь бегло просмотреть «Положение об Управлении Губернией», принятое на первом с'езде Советов губернии, чтобы понять, что присутствие мужичков на первом заседании Совета должно было оказать огромное давление на вновь избранных ими депутатов в Губернский Совет. Партком, с одной стороны, по причинам чисто формальным, а с другой—по неопытности предоставил этот вопрос доброй воле всех членов Совета, надеясь, что его члены, составлявшие небольшую группку, но фактически руководившие С'ездом, окажутся избранными. Да и кандидатуры сами собой напрашивались.

Когда Солонко был избран Председателем, мы об'явили перерыв. Заседание фракции нельзя было устроить, но члены Парткома и руководящая группа из Горсовета, посовещавшись между собой, решили снять свои кандидатуры со всех ответственных постов—от членов Президиума и Председателей Секций.

Избранный почти беспартийный и совершенно бесцветный и неработоспособный Президиум продержался, если не ошибаюсь, не больше двух суток, пока мужички не раз'ехались.

Для нашего отказа от ответственных должностей было очень много оснований. У меня сохранилась рукописная резолюция, принятая от имени Парткома и не опубликованная лишь потому, что падение «кабинета Солонко» совершилось слишком скоро. Я считаю необходимым привести и эту резолюцию целиком. Для пояснения резолюции скажу пару слов.

Во время С'езда Солонко, чувствуя опору в мужичках С'езда, начал распоряжаться по своему. Он арестовал какого-то члена С'езда, некоего Новикова, не спросившись Исполкома Горсовета, как местной власти. Получился скандал. А т. к. власть фактически была в руках Горсовета, то вечером собрались в комнате у тов. Гоба: Меницкий, Крылов, Костерин

и Шейдлина и решили Новикова освободить, что и было приведено в исполнение немедленно. Потом Солонко пытался снова, без всякого уведомления кого-бы то ни было, арестовать на самом С'езде Председателя Губернского Продовольственного Комитета, делавшего доклад и давшего отчет С'езду. Эти действия Солонко были, конечно, сильно раздуты меньшевиками и эс-эрами. Не было случая, чтобы на рабочих собраниях не говорили о Солонко, о тем, что мы, большевики, пользуемся авантюристами. Кто-то распускал слухи, что Солонко бывший жандарм и т. п. Мы, конечно, не могли опровергать эти слухи, да и у самих были всякие сомнения. Но положение было тяжелое. А тут еще Солонко оказался во главе Губернской Советской власти, во главе той власти, которую мы завоевали и отстаивали всеми силами. Вот почему было решено опубликовать следующую резолюцию и не опубликовали ее лишь по причине скорого падения Солонко.

Резолюция. После того, как Государственная власть перешла в руки Советов, Партия большевиков, как самая могущественная, ведущая за собою массы пролетариев и полупролетариев города и деревни, стала фактически правительственной партией.

Партия большевиков, как партия революционного пролетариата по преимуществу, проводя в государственном масштабе социалистические начала взамен разрушаемых ею буржуазных, противопоставила себя не только всем реакционным, буржуазно-«либеральным», буржуазно-полусоциалистическим и другим партиям, но и различным группам населения, интересы которых так или иначе связаны с существованием буржуазного строя.

Вся интеллигенция, вплоть до «социалистической», все чиновничество ушли в сторону от строительства нового строя, саботируют его и стараются, в целях нападок на новую власть и подрыва ее авторитета, использовать все вольные и невольные ошибки и нетактичности отдельных лиц, так или иначе действующих от имени новой власти вообще и от имени партии большевиков в частности.

Этими ошибками и нетактичностями интеллигенция, чиновничество и т. п. стараются оправдать в глазах масс населения свое враждебное отношение к пролетариату и крестьянству, и все это проходит под флагом борьбы с «большевизмом» и его «тиранией».

Эти обстоятельства создают невероятно тяжелую общественную атмосферу для деятельности новой власти вообще и нашей партии, как партии правительственной, в частности.

В эпоху и моменты острой классовой борьбы—в моменты революции и перехода власти от одного класса к другому, всегда случалось, что ряд личностей, ранее далеких от классовой борьбы, никому неизвестных, иногда авантюристического пошиба, оказывались на довольно видных и ответственных постах, особенно в провинции.

Эпоха перехода власти к пролетариату и крестьянству не избежала этих печальных явлений, хотя в виде отдельных эпизодов. Тем не менее нашей партии всегда нужно самым решительным образом отмежеваться от таких явлений и не брать на себя ответственность за действия и поступки лиц, не ответственных перед нею.

В частности в Витебске, в момент заседаний Губернского С'езда, единоличной Губ. Комиссара властью был арестован член С'езда Новиков. Этот арест произошел при таких обстоятельствах и по таким мотивам, что Витебским Губернским К-м Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) оправдан быть не может.

В настоящее время во главе Губернского Совета, выделенного С'ездом, стали не большевики, и Витебский Губ. К-т большевиков, не уверенный в том, что подобные акты самодурства не повторятся, снимает с себя всякую моральную ответственность за шаги и мероприятия новой Губернской власти, во главе которой стоит неизвестный партии человек, какой-то «коммунист» Солонко.

Витебский Губернский Комитет Р. С. Д. Р. П. (большевиков), считаясь с заявлением самого Солонко на первом заседании Губ. Совета, что он не анархист-коммунист, а просто коммунист и не социалист, заявляет, что не знает до сих пор о существовании в России или где-бы то ни было такой партии. (Тогда еще не было Р. К. П.—б.).

Чтобы население, рабочие, солдаты и другие не смешивали деятельность и поступки новой Губернской власти с именем большевиков, как это уже имело место на собраниях правлений всех профессиональных союзов города, К-т большевиков считает своей нравственной обязанностью во всеуслышание об этом заявить».

После переизбрания президиума и председателя (председателем был избран тов. Чунчин), Губсовет разделился на секции и его работа, как Губернской власти, стала налаживаться.

После того, как мы организовали бедноту губернии и получили в ее лице моральную и реальную опору, после того, как она, эта беднота, вручила нам власть, перед нами стал вопрос о действительном управлении губернией. И мы в Витебске проделали очень скоро то, что тогда проделывалось везде в Советской Республике, при молчаливом и злобном сопротивлении всей местной интеллигенции. Мы распустили Городскую Думу, Губернское Земство, взяли в свои руки банки, больницы, благотворительные учреждения. И здесь, как и везде тогда, находили пустоту. 5-го января пришлось арестовать «вождей» меньшевиков и эс-эров, устроивших манифестацию протеста против разгона Учредительного Собрания. С внешней стороны все это проделывалось с небывалой легкостью. Но трудности наши именно тогда и начинались, когда все оказывалось проделанным. Над нами во всем и на каждом шагу тяготело проклятие отсталой, не-

культурной страны с ничтожными интеллигентными силами и революционной массой рабочих и крестьян без малейшего организационного и политического опыта. Очень незначительная количественно наша партийная верхушка с организационным опытом подполья и опытом открытой политической борьбы нескольких месяцев должна была все вынести на своих плечах. Теперь, когда окидываешь даже беглым и поверхностным взглядом это недавнее прошлое, то все совершенное и совершавшееся нами в той небывалой атмосфере революционного под'ема широчайших народных масс, в той разбушевавшейся народной стихии, кажется невероятным и невозможным. А ведь все это было сделано и проделано нами и стало достоянием истории; мы, большевики, руководили и управляли стихией, и мы же побороли все препятствия, опираясь на эту стихию и при ее активной помощи и поддержке.

Чтобы пояснить наши трудности, расскажу только один маленький факт. Мне лично пришлось стать во главе назначенной нами Коллегии Губернского Земства. Я был одним из наиболее умудренных опытом подполья из числа Витебских товарищей, и тем не менее, когда я получил в наследство кабинет Председателя Губернского Земства с пустыми столами, я почувствовал себя хуже, чем в лесу. Я ходил по большому учреждению с большим количеством служащих и не знал, что мне делать, как не знал, что делают все эти служащие. Я не знал, чем, на какие средства живет это учреждение и смысл самого его существования. Секретарь Управы появлялся ко мне только тогда, когда у него были намерения получить от Советской Власти деньги—он представлял какие-то сметы, доказывал необходимость субсидий.

Спорить с ним я не мог. Те доклады, которые он представлял мне, я брал к себе и ночью у себя на квартире старался в них разобраться и в них вникать. Иногда я кое-что раскрывал в них, но это не всегда мне удавалось.

Трудные моменты.

В конце января и первой половине февраля 1918 года политическая атмосфера в Витебске стала резко изменяться в худшую для нас сторону. Части старой армии стали расходиться по домам, началась дележка между солдатами полкового имущества и сумм полковых денежных ящиков. Профсоюзы были меньшевистско-эс эровские. Была у нас тогда в городе одна реальная опора—латышская организация. Черная сотня стала наглеть. Было даже ясно видно, что у реакционных партий и элементов, стоявших гораздо правее меньшевиков и эс-эров (возможно, что и последние были в связи с ними, но тогда у нас не было данных, чтобы так думать), была прекрасная подпольная организация, прекрасно осведомленная и связанная с Германским командованием. В этой подпольной организации не малую роль играло православное духовенство. А поскольку православное духо-

венство возглавляло реакцию в еврейском городе, где антисемитизм имел свои корни и традиции в мещанстве, это грозило еврейским погромом. И естественно, что никакого аппарата и умения для проникновения в эту черную организацию у нас не было. Мы чувствовали, что нас хотят взять за горло и задушить, что пытаются напасть на нас из-за угла.

Как известно, после перерыва мирных переговоров в Брест-Литовске, когда был выброшен лозунг «ни войны, ни мира», немецкие армии двинулись вперед. И как раз в тот день, когда немцы заняли Двинск и приближались к Витебску, когда никто из нас в Витебске до вечера не знал об этом, в городе было несколько серьезных попыток устроить еврейский погром. И трагедия наша заключалась в том, что кроме Профессиональных Союзов, шедших за меньшевиками и эс-эрами и состоявших почти сплошь из еврейских ремесленников, у нас, т. е. у новой власти, не было никакой другой силы для ликвидации попыток погрома. Когда вечером выяснилось, что погромное действие в Витебске имеет несомненную связь с немецким наступлением, когда никакой реальной силы у Совета не оказалось, мы решили довериться инстинкту меньшевистских и эс-эровских рабочих, вернее профсоюзам в целом, находившимся под их идейным влиянием: мы вооружили профсоюзы. Это подействовало. Хулиганство на улицах прекратилось, а делегация от православного духовенства и верующих мирян явилась в губернаторский дом для переговоров с нами. Эта смиренная делегация пыталась говорить с нами довольно твердым языком, пока не получила резкого и категорического требования прекратить безобразия на улицах, в противном случае мы грозили пустить в ход оружие.

Несмотря на то, что вожди меньшевиков и эс-эров начали ходить именинниками, выставлять нам условия, меньшевистские рабочие не злоупотребили оружием, не было никакой попытки со стороны рабочих предъявить нам какие-бы то ни было политические требования. Это нужно отметить, ибо это было вопреки желаний их вождей меньшевиков и эс-эров.

Немецкие армии, не встречая сопротивления, продолжали продвигаться вперед. Были уже заняты Полоцк и Орша. С часу на час ожидалось занятие немцами Витебска. Мы готовились к эвакуации. Было известно, что немцы не очень дружелюбно относятся к большевикам, что они с нами довольно жестоко расправляются. Партийная организация стала готовиться к переходу на нелегальное положение. Весь наш подпольный опыт был пущен вновь в оборот. И тогда еще мы были гораздо лучшими подпольщиками, чем надпольщиками. Весь подпольный аппарат был великолепно намечен: с техникой, явками, конспиративными квартирами, были распределены роли между членами организации, было решено, кто должен уйти и кто должен остаться.

В этой обстановке неустойчивости и неопределенности, отсутствия реальных сил для отпора внешнему натиску, что бесконечно расшатывало

наше внутреннее положение, в этой обстановке разыгрался курьезный фарс с торгом вокруг вопроса: кому большевики должны передать власть на случай прихода в город немцев.

Было также известно, что немцы не расправляются с меньшевиками и эс-эрами. Поэтому зародилась тогда мысль следующего порядка: Немцы придут. Наши лучшие силы должны будут эвакуироваться, остается у нас небольшая подпольная организация, для которой все враждебно. Но в перспективе была надежда, что немецкий режим и режим коалиции «всех живых сил» города заставит рабочие массы города и бедноту деревни бороться с этим режимом под руководством нашей партии. Мысль, что в городе остаются профсоюзы и другие экономические и культурно-просветительные организации рабочих, заставляла задумываться над их судьбой при немцах. Притом немцы рассматривались все-же, как временные оккупаторы, которым не так уж интересно будет знать, кто стоит у власти, лишь-бы эта власть выполняла то, что требуется для оккупационной армии. А так как из всех элементов города меньшевики и эс-эры были больше всех связаны с рабочими и рабочими организациями, то полагалось создать потенциальную меньшевистско-эс-эровскую власть, нечто вроде демократического городского комитета с тем, что в последнюю минуту большевики перед своим уходом передают этому комитету всю власть. Предполагалось, что из всех зол меньшевики и эс-эры являются наименьшим.

Было созвано совещание из меньшевиков и эс-эров, Губпрофсовета и т. п.

Как близоруки и без всякого политического чутья в то время оказались меньшевики и эс-эры! Ведь они могли принять наше предложение и тем самым была-бы легализована другая параллельная власть, а реальной силы у них было больше, чем у нас. Но они были так растеряны, боялись власти вообще, что пустились в разговоры и декларации, и это совещание кончилось ничем.

Мир был подписан, город не был занят немцами, а меньшевики и эс-эры остались, как говорят, при пиковом интересе.

Разногласия внутри организации.

После Брестского мира, когда все более или менее начало входить в норму и работа наша стала налаживаться, обнаружились резкие разногласия внутри нашей Витебской организации. И разногласия эти были меньше всего на почве признания или непризнания Брестского мира, хотя и были некоторые расхождения в оценке этого исторического шага Советской власти. Например, насколько помню, только один тов. Крылов называл себя Бухаринцем, левым коммунистом, но на этой почве у него, тов. Крылова, не было никаких стремлений раскалывать организацию. Иногда только в его выступлениях чувствовалась досада на правых, уступ-

чивых большевиков, и этим все ограничивалось. Наши разногласия были более глубоки и более серьезны: они возникли на почве расхождения в нашей тактике в области экономической политики и в тех методах, какими мы могли тогда еще приступить к налаживанию хозяйства страны и особенно городской промышленности. И теперь очень важно хоть немножко остановиться на этих характерных разногласиях в Витебской организации в начале 1918 года, в момент, когда, так называемый, военный коммунизм только начинался. Эти разногласия характерны и важны теперь в том единственном смысле, как уже тогда часть коммунистов представляла себе вопросы восстановления нашей промышленности, нашего хозяйства. Мне не придется много останавливаться на изучении этих разногласий; у меня сохранилась резолюция, принятая по этому вопросу Витебской организацией 28 марта 1918 года, дающая исчерпывающую оценку разногласий, по крайней мере, точки зрения той группы, к которой принадлежал я сам.

Очень скоро в городе, как во всей стране в то время, создалось чрезвычайно тяжелое положение из-за отсутствия денег. В банках, казенной палате и других учреждениях было пусто. Все мелкие и крупные банковые вкладчики всеми силами старались извлечь свои вклады из банков тысячами способов. Денежные средства, получавшиеся иногда из центра, были так ничтожны, что мы не знали, на что их раньше употребить. На оплату жалованья служащих и небольшого числа рабочих города Витебска, не говоря уже о губернии, требовалось от 23-х до 30-ти миллионов в месяц, а из Центра присылали по 3, по 5, очень редко по 10 миллионов в месяц. Созданная комиссия под моим председательством, для контроля выдач населению из Банка денег по вкладам, больших результатов не достигала. Ибо вкладчики, иногда действительно, иногда искусственно связывались с производственными и торгово-промышленными предприятиями. Нельзя было отказывать им в выдаче денег на расплату с рабочими, на закупку сырья. Насколько требования хотя-бы одной этой категории вкладчиков бывали правильны или не правильны, мы старались проверять, но у нас был только один способ проверки—опрос рабочих предприятия. А рабочие часто бывали более настойчивы в требовании выдачи их хозяину денег, чем сам хозяин. Это нам понятно теперь, да мы и тогда понимали, что собственники умело прятались за спиною рабочих. Требовалось знание постановки и пружин промышленности, степень ее нуждаемости в денежных средствах и т. п., а мы этого знания не имели, требовалась гибкая система в финансировании промышленных предприятий и т. д. и т. п.

Безработица разросталась и разросталась, хозяева говорили рабочим, что в этом виноваты большевики:—«Я мог бы сделать, чтобы моя фабрика работала, но у меня нет денег, большевики не выдают мне мои собственные деньги из банка. Вот почему вы, рабочие, ходите без работы». На усиленные наши требования денег из Центра последний отвечал указанием на то,

что нужно изыскать местные средства, что в Центре нет неиссякаемых источников. Мы ясно сознавали необходимость выработки гибкой финансовой и налоговой системы. Мы сознавали уже тогда необходимость поднять доверие к нашим Банкам, чтобы к ним был приток частных средств. Часть же товарищей нашей Витебской организации стояла на противоположной точке зрения—она считала необходимым доставать средства единовременными обложениями и контрибуциями от буржуазии.

Средства, собранные обложениями, были крайне недостаточны и быстро исчезали. У одних тогда возникла мысль о большой контрибуции в 6 миллионов рублей, которых хватило-бы на оплату месячного жалования государственным служащим и подорвало-бы окончательно еле дышавшую промышленность. По поводу этой контрибуции разногласия наши стали угрожать расколом. Мужики—хозяйчики из Губсовета были, конечно, всеми силами за то, чтобы от городской буржуазии содрать, не заглядывая в будущее, а часть старых товарищей поддавалась этому настроению. Противники контрибуции опирались на небольшую группу рабочих, в то время бывших в нашей организации, и на значительную часть латышской организации, сторонники контрибуции опирались на весь Губсовет и на его Фракцию, на организованные и организовавшиеся отряды Красной Армии. В партийном Комитете голоса разделялись, а в Губсовете контрибуция прошла при моем сопротивлении. Тогда вопрос был поставлен на обсуждение Общего Собрания Витебской организации. На этом собрании, состоявшемся 28 марта 1918 года, небольшим большинством голосов была принята следующая резолюция, которую привожу полностью.

Резолюция Общего Собрания Витебской Организации РКП (большевиков) от 28 марта.

1) За четыре с половиной месяца Советская власть во всей стране окончательно укрепилась, несмотря на то, что она встретилась теперь с более серьезным и более опасным врагом—организованной мировой империалистической буржуазией.

2) Достигнув власти и укрепившись в этой власти, российский пролетариат и примыкающее к нему беднейшее крестьянство, как полупролетарский элемент, получили возможность бороться за социализм уже не посредством своих классовых, политических и экономических организаций, а посредством всего государственного аппарата.

3) Основы социализма заключаются в обобществлении средств и орудий производства, в организации пролетариатом производства и распределения. Организация производства и распределения может быть проведена в жизнь беспощадной диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства принудительным способом.

4) Трудности, встреченные пролетариатом и беднейшим крестьянством на этом пути, обусловливаются общей отсталостью нашей промышленности и тем, что четырехлетняя война разрушила весь хозяйственный организм страны; русская буржуазия, как класс, оказалась неспособной организовать в этих условиях хозяйство страны на началах частной собственности, чем и обусловлена была ее социальная слабость и ее быстрое падение.

5) Если революционные классы России, как таковые, достигнув власти, не сумеют использовать свою власть, свою диктатуру для организации всего хозяйства страны, тогда нужно заранее признать неизбежную гибель революции и Советской Власти.

6) Момент признания этой гибели Революции и Советской Власти еще не только не настал, но как раз наоборот, рабочие организации оказываются в состоянии, хотя с трудностями, производить государственный контроль над производством, организовать товарообмен, поднять производительность труда и т. п.

7) Исходя из этого, перед Крестьянско-Пролетарской Властью и Пролетарской Партией, как правительственной, стоят в первую очередь задачи: а) Организация в стране на началах полного устранения от организующего хозяйство аппарата буржуазии вообще и частного предпринимателя в особенности; б) До отмены денег, как орудия обмена, мобилизовать все денежные средства страны для субсидирования взятых на учет (под контроль), социализированных и тому подобных предприятий; в) Использовать для этой цели капиталы буржуазии, и особенно мелкой, посредством банков, — этого финансового аппарата, созданного буржуазным капиталистическим строем и находящегося в настоящее время в распоряжении Крестьянско-Пролетарской власти.

8) Собрание поэтому находит, что эти задачи осуществимы в настоящий переходный момент только тогда, когда широкие слои населения будут с доверием относиться к финансовой политике Крестьянско-Пролетарской Власти;

9) Что всякие финансовые эксперименты, вносящие дезорганизацию в наш финансовый аппарат, подрывающие доверие широких масс к этому аппарату, мешают организации хозяйства страны, т. е. основной задаче нашей партии и Крестьянско-Пролетарской Власти, и наносят удар по самой основе этой власти.

10) Брестский мир своими тяжелыми разбойничьими условиями, своим тяжелым ударом по Советской Власти, а также крайняя усталость и измученность войной рабочих и крестьянских масс, невозможность для масс противопоставить германскому империализму реальную силу, необходимость

принять унизительные условия мирного договора,—вызвали чувство отчаяния в среде части рабочих и крестьян.

11) Это отчаяние толкает одних к оппортунизму, соглашательству, стремлению вести более умеренную политику, дабы не оттолкнуть от себя мелко-буржуазную оппозицию, а других—к авантюризму, революционной фразе, к упрощенному анархическому мышлению, к анархическим методам борьбы, совершенно не соответствующим классовой пролетарской партии.

12) Как оппортунизм, так и авантюризм для пролетарской партии недопустимы, ибо они являются продуктом буржуазного влияния на пролетариат, с чем необходимо пролетарской партии бороться самым энергичным образом.

13) Исходя из этого, общее собрание членов Витебской организации Ком. Партии большевиков находит: а) Что контрибуция в 6 миллионов, которую Губсовет хочет наложить немедленно на буржуазию гор. Витебска, и способы, которыми Совет хочет эту контрибуцию взыскать, не вызываются в настоящий момент никакими исключительными обстоятельствами и являются одним из видов выражения отчаяния и крестьянско-мещанской психологии, находящей нужным сорвать, захватить, разделить и т. д., раз имеется для этого возможность, не считаясь с общегосударственной необходимостью; б) что налоги вообще и единовременное обложение, проводимое Советом, поступают успешно; в) что к банкам начинает проявляться некоторое доверие; г) что рабочие организации и Совет приступают к проведению контроля над капиталом и над выдачей вкладов из банков,—эта мера может сейчас вызвать полную дезорганизацию во всем этом.

Считаясь с тем, что марксисты всегда применяют те методы борьбы с буржуазией, которые являются необходимыми и целесообразными при данной политической обстановке с точки зрения интересов пролетариата, общее собрание членов Витебской Организации Ком. Партии (большевиков), не предрешая в дальнейшем способов изыскания средств и обложения буржуазии, высказывается за приостановление принятого Губ. Советом постановления о контрибуции. Фракции большевиков в Губ. Совете поручается настаивать на перерешении этого вопроса.

Председатель Витебского Губ. Комитета Российской
Коммунистической Партии (большевиков) Б. Бреслав.

После этой резолюции, взимание шестимиллионной контрибуции с городской витебской буржуазии было приостановлено. Но сторонники контрибуции не считали вопрос ликвидированным, несмотря на то, что и пленум городского Совета однажды также высказался против контрибуции.

Борьба страстная и ожесточенная продолжалась. Мужички—хозяйчики Губсовета упорствовали и работали над тем, чтобы изменить в Парт. организации соотношение сил в свою пользу, с другой стороны получилось такое положение, что нас, противников контрибуции, стали поддерживать

меньшевики, эс-эры и вся обывательщина, как «благоразумных большевиков». Курьезов на этой почве было много. Некоторые красноармейцы, члены Совета, слушая споры на пленуме Совета за и против контрибуции, думали, что деньги будут сейчас-же разделены между всеми членами Совета. Но самое серьезное заключалось в том, что страстные дебаты велись публично, на открытых заседаниях Совета и Исполкома. Обе стороны друг друга дискредитировали. А меньшевики и эс-эры старались углубить этот раскол. Услуга меньшевиков и эс-эров противникам контрибуции была медвежья. Чем больше они хвалили «благоразумных и всеми уважаемых большевиков», тем больше они толкали сторонников контрибуции итти на пролом, усматривая в противниках контрибуции проводников меньшевистско-эс-эровской тактики, защиту интересов буржуазии. Страстность так увлекла спорящих, что обе стороны оказались неспособными в пылу страсти вопрос этот разобрать партийным путем и обе стороны разлагали организацию. Я прямо сознаюсь, что в своих выступлениях и нападках на «ура-большевиков», на «головотяповских большевиков» и т. п., как я их тогда называл, я перегибал палку, я очень часто не замечал, как ударял по самой организации, что было недопустимо. Постепенно соотношение сил в организации стало изменяться в пользу сторонников контрибуции. Последней каплей, давшей им перевес, был следующий случай.

Наступала весна, а к строительным работам и к ремонту домов и других зданий и построек никто не приступал, благодаря изданному в декабре 1917 года декрету об отчуждении недвижимостей. Рабочие строительного союза ходили без работы. Союз строительных рабочих стал давить на Горсовет в смысле отмены этого декрета.

Мы занялись этим вопросом. Оказалось, что из 6000 домов в этом городе имеется доходных домов не больше 200, что на ремонт и поддержание остальных домов и халуп, на наем дворников, поддержание мостовой и дворов требуется такая колоссальная сумма—в несколько сот миллионов по тогдашней валюте,—что мы не в состоянии с этим справиться. А рабочие голодают, не имея работы.

Исполком Горсовета, находившийся в руках противников контрибуции, об'явил денационализацию недвижимостей в Витебске. Этот факт был, конечно, использован сторонниками контрибуции, а так как к тому времени соотношение сил в организации и в Совете изменилось, то группа противников контрибуции приблизительно в июне месяце 1918 года пала, получив меньшинство на одном пленуме Горсовета.

Конечно, и сторонникам контрибуции не пришлось эту контрибуцию взыскивать. По крайней мере осенью 1918 года, когда я был в Витебске, она еще не взыскивалась, а тем более не был восстановлен декрет о национализации недвижимостей.

* * *

На примере описанных разногласий Витебской организации обе стороны убедились в гибельности расколов для нашей партии. Ибо были моменты, когда обе стороны подсчитывали свои реальные силы для определенных действий. Революционное чутье и преданность делу рабочего класса подсказали обеим сторонам благоразумный исход. Одна сторона должна была уступить место другой, на сколько, в конце концов, выяснилось, что об'ективные условия в городе таковы, что кто бы ни оказался во главе организации и местной власти, тот вынужден будет вести политику улучшения финансового положения, борьбы с безработицей и т. п. и т. д. В конце июня и в начале июля противники контрибуции из Витебска раз'ехались.

Москва, 20 октября
1922 года.

Ив. Меницкий.

Год работы в Витебске.

(Из моих воспоминаний).

Мне очень трудно полно осветить ту или другую сторону лихорадочно-бурного, весьма содержательного периода ломки старого и закладывания основ нового общества. Октябрь 17 года открывает, в необыкновенно тяжелых фронтовых условиях, период практики коммунизма, период искания новых форм жизни. В этот период коммунистическая мысль работала наиболее интенсивно и наиболее свободно. Для будущего историка нашей революции и истории Р.К.П., особенно интересующегося практикой коммунизма, период от октября 1917 г. до октября 1918 г. самый интересный период. Мне приходится писать именно об этом периоде и в очень неблагоприятных условиях. В Москве в моем распоряжении нет необходимого материала, который бы мог восстановить в моей памяти этот год.

Поэтому я не дам здесь последовательного и полного обзора событий, но остановлюсь только на отдельных, наиболее интересных моментах, которые лучше всего сохранились в моей памяти.

В 1917 г. прибыл я в Витебскую губернию накануне октябрьского переворота отпускным рядовым 85 запасного полка и поселился в деревне. Но вот грянула октябрьская революция, ее волна начала докатываться и до нашей деревни, пришлось снова собраться с силами и влиться в общий водоворот событий. Приходилось часто выступать на собраниях крестьян и раз'яснять им смысл событий.

Но скоро скучно стало по городу, медленный темп деревенской жизни, плохая информация о развертывающихся мировых событиях потянули меня в город, и я приехал в Витебск.

Наши сидели в доме губернатора, создав Военно-Революционный Комитет. Совет Рабочих Депутатов оставался цитаделью меньшевиков и с-р. и вел борьбу с В.-Р. К. Большевиков была небольшая кучка, но их поддерживал гарнизон; меньшевики старались подкопаться и под эту опору большевиков, и нужно было развернуть колоссальную энергию, дабы отбить все атаки меньшевиков. Большевики изнемогали под этой работой, на каждого большевика имелись десятки весьма зубастых меньшевиков и с-р., нужно было успеть на каждое собрание, на каждый митинг и везде столкнуться с более опытными ораторами.

В ВРК меня встретила секретарь парткома т. С. Шейдлина, знавшая меня, и когда она доложила обо мне заседавшему ВРК, то последний настолько обрадовался новому работнику, что сейчас же привлек меня к работе.

Ознакомившись с положением дел и составом работников, я скоро заметил, что проделывается колоссальная работа, но не получает необходимого организационного закрепления. Я начал работать в Военревкоме. Проходили дни и недели, а я только бегал от одного телефона к другому, из одной комнаты в другую, выслушивал сообщения, информировал, передавал распоряжения и принимал посетителей. Когда же наступала ночь, приходил т. Пинсон, ложились на голый письменный стол, подложив пиджаки и револьверы под головы, долго беседовали, подводя итоги сегодняшнего дня и намечая программу завтрашнего. В этих несменяемых наших ночных дежурствах было и третье лицо, это т. Беме, который каждый вечер невероятно возбужденным возвращался с железной дороги и без конца рассказывал и рассказывал, пока не засыпал на составленных стульях. И так изо дня в день...

* * *

Первой крупной проделанной ВРК организационной работой явилось создание большевистского Совета Солдатских Депутатов. Меньшевистскому Совету Рабочих Депутатов таким образом противостоял не комитет большевиков, не группа «авантюристов, захватчиков», а орган пятидесятитысячного гарнизона—Совет Солдатских Депутатов. Вскоре совет разбился на секции: рабочую, солдатскую, крестьянскую, продовольственную. Я, как наиболее связанный с деревней и крестьянством, был поставлен во главе крестьянской секции, Костерин—рабочей, Крылов—военной, тов. Чунчин—продовольственной. Нам нужно было расширить свое влияние за пределы Витебского гарнизона; нам нужен был не только Совет Солдатских Депутатов, но и—рабочих, и крестьянских, а для этого нужно было проделать крупную работу в профсоюзах, на фабриках и заводах, в деревне. Эта работа и была возложена на созданные секции. Работа крестьянской секции пошла успешно. Части гарнизона дали сотни крестьянских организаторов и агитаторов. Они рассыпались по всем уголкам губернии, разнося пламя революции, сокрушая на своем пути остатки царизма и строя новые органы власти. Скоро я нашел дельного помощника в лице с-р, а ныне коммуниста т. Поспелова. Когда же началась предвыборная кампания в Учредительное Собрание, то крестьянская секция еще большее количество эмиссаров и агитаторов послала в деревню. Результаты получились самые блестящие: крестьянство пошло за нами. Мы получили 6 мест в Учредительном Собрании. Большинство рабочих г. Витебска и уездов к этому моменту оставалось еще в цепких руках меньшевиков и эсэров.

А. Шифрес.

Стало ясно, что в данный момент в Витебске в крестьянстве и солдатах мы имели твердую опору, но что с меньшевиками нам нужно еще долго и упорно бороться.

С организацией Витебского Совета Солдатских Депутатов, потом пополненного представителями рабочих и даже крестьян, ВРК еще не умер. Он остался, как орган губернской власти, а совет,—как местный, уездно-городской. В ноябре месяце прибыл к нам из Петрограда, с назначением губернским комиссаром, анархист-коммунист Солонко. Его приезд нас немного смутил, мы очень боялись всяких неожиданностей со стороны этого, нам совершенно неизвестного, стоящего от нас в стороне анархиста, но к вступлению в должность губернского комиссара особенно не препятствовали. Скоро в Витебск прибыл с такими же полномочиями и тов. Бреслав. Последняя кандидатура для нас была более приемлема, как кандидатура старого популярного здесь большевика; но так как Солонко уже вступил в исполнение своих обязанностей, то до предстоящего Губернского С'езда этого вопроса не поднимали. Наконец, 11 декабря 1917 года собрался первый Витебский Губернский С'езд Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Батрацких Депутатов. Крестьянской Секции пришлось провести всю предвыборную кампанию, и она проделала это с большим успехом. С'езд был всецело наш. В заключительной части резолюции, принятой по текущему моменту, предложенной т. Бреславом, говорилось, что с'езд Советов Р. С. Кр. и Б. Депутатов, признавая новую власть Советов в лице Сов. Нар. Комисс., власть рабочих и крестьян, заявляет, что будет поддерживать эту власть всеми силами, проводить в жизнь все декреты этой власти, особенно декреты о земле, о рабочем контроле и все истинно народные декреты, направленные к отмене частной собственности и замене ее общественной собственностью. С'езд так же находит, что новая, рабочая и крестьянская власть должна бороться самыми решительными и самыми беспощадными мерами со всеми попытками восстания, саботажа и всякого другого рода противодействия имущих классов этой власти. Считаясь с фактом скорого открытия Учр. Собр., Витебский Губернский С'езд Советов заявляет, что он поддержит только такое Учредительное Собрание, которое будет выполнять волю народа и будет действовать в согласии с Ц. И. К. Советов Р. С. и К. Д. Констатируя факт, что партия привилегированных классов—кадеты замешаны в заговоре с Калединым, Корниловым и др. врагами народа, и идет против власти Советов, С'езд требует недопущения их в состав Учред. Собрания. «Депутаты из других партий, которые не будут выражать воли народа, должны быть немедленно отозваны населением, а вместо них—выбраны истинные выразители народной воли».

Вторым в порядке дня стоял белорусский вопрос. В Минске заседала Белорусская Рада; по всей губернии белоруссы националисты, все сель-

ское учительство вели бешеную агитацию в пользу Рады. Нужно было дать решительный отпор всему этому шовинизму, разжигаемому нашими классовыми врагами. Доклад пришлось сделать мне. В этом докладе, между прочим, я сказал:

«Мы, сторонники власти Советов, стоим за власть революционных классов, за власть рабочих, солдат и крестьян, за власть всей бедноты города и деревни и—только. Мы против соглашения и коалиции с буржуазией, против того, чтобы с ней делить власть. Восьмимесячный опыт хорошо научил нас тому, что ей нужна власть лишь для того, чтобы погубить революцию. И если мы в общероссийском масштабе сказали буржуазии: «Прочь свои руки!», то мы ни в коем случае не должны делать исключения для белорусской буржуазии и совместно с ней начинать строить свою местную, краевую власть. Это было бы повторением старых ошибок в меньшем размере и было бы заведомою глупостью с нашей стороны. Белорусская Рада стремится к национальной диктатуре белоруссов. Мы должны употребить все усилия на то, чтобы всю революционную демократию об'единить в один общий фронт. Рабочие, солдаты и крестьяне, вся беднота города и деревни без различия национальностей — русские, белоруссы, малороссы, поляки, латыши, евреи и т. п., все должны сомкнуться в тесные ряды и общим фронтом пойти на своих вековых врагов без различия национальностей. Мы—сторонники национального самоопределения вплоть до отделения, но решить этот вопрос не имеет права одна лишь часть населения Белоруссии, собирающаяся 15 декабря в г. Минске. Этот вопрос может решить лишь С'езд Р. С. К. и Б. Депутатов Белоруссии, собранный без различия национальностей». И затем предложил послать на белорусский с'езд в Минск представителя, который там должен заявить нашу волю—волю рабочих, солдат, крестьян и батраков Витебской губернии и демонстративно уйти, предложив имеющимся там рабочим и крестьянам последовать его примеру.

В заключительной части предложенной мною и единогласно принятой резолюции говорилось:

«С'езд с прискорбием констатирует, что Белорусские организации пошли по ложному пути, не по пути непримиримой борьбы со своими классовыми противниками—буржуазией, а—на соглашение с ней, на коалицию. Русский пролетариат, а вместе с тем и с'езд, не видит возможности в настоящий момент какого-либо классового сотрудничества, возможности какого-либо соглашения класса эксплоатируемого с классом эксплоататоров и призывает всех об'единиться вокруг власти Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких Депутатов, состоящих из всей бедноты города и деревни, без различия национальности. Только лишь эта власть, не в соглашении с буржуазией какой-либо национальности, а в непримиримой борьбе с буржуазией всех национальностей, со всеми паразитами,

эксплоататорами без различия их национальности, и может вывести страну из тупика, в который она зашла, и дать нам долгожданный мир, хлеб и свободу.

Витебский Губернский С'езд Крестьянских, Солдатских, Рабочих и Батрацких Депутатов высказывается против всякого раздробления сил революционных классов,—против организации национальных органов власти, построенных на началах соглашения со своей буржуазией. С'езд отказывает в поддержке всем Радам, построенным по национальному принципу, и призывает рабочий класс и крестьянство, всю бедноту города и деревни заключить между собой теснейший союз и общим фронтом пойти на борьбу с насильниками трудящихся масс, без различия их национальности!..»

На Белорусский С'езд сейчас-же была выбрана делегация в составе двух товарищей беспартийных: бывш. священника, кажется, его фамилия Васильченко, преданного крестьянству и революции человека, потом погибшего на южном фронте, и другого крестьянина, фамилию которого не могу припомнить.

Выбранные представители, снабженные нашей резолюцией, в Минске встречены были весьма нелюбезно. Когда-же Васильченко получил слово и начал излагать точку зрения белорусского крестьянства, собравшегося на Витебском Губернском С'езде и осудившего политику Рады, то в собрании поднялся невероятный вой, и об'единенные представители православной и католической церкви вместе с помещиками, составлявшими преобладающую часть Белорусского С'езда, пришли в такое возбуждение, что подняли свои молитвенные персты и начали избивать наших представителей, которым ничего другого не оставалось делать, как поскорее вырваться из рук раз'яренной банды своих классовых противников, что они и сделали, предложив всем присутствующим рабочим и крестьянам последовать их примеру. И многие из присутствовавших на С'езде рабочих и крестьян наконец поняли, куда они попали, и С'езд покинули.

Когда наши делегаты вернулись на Губернский С'езд Советов и рассказали ему о том приеме, какой они имели у польско-белорусско-поповской шляхты, о тех издевательствах и побоях, которым их подвергали там, то из груди всей массы крестьян, участников этого С'езда, вырвались негодование и призыв к немедленной расправе с этим контр-революционным осиным гнездом.

Линия, взятая в этом вопросе на этом первом губернском С'езде, осталась и остается по сей день линией всех рабоче-крестьянских С'ездов губернии. Националистическому шовинизму на этом первом С'езде был дан такой сильный и удачный отпор, что он больше уж никогда не поднимался на ноги.

Нужно отметить, что наша позиция впоследствии явилась сильным аргументом против притязания белорусских националистов на восстанов-

ление независимой Белорусии в ее исторических и этнографических границах. Им возражали: «Вы стоите за самоопределение Белоруссии, но что вы сделаете с Витебской губернией, белоруссы которой на ряде своих С'ездов в один голос твердят, что они не хотят присоединиться к Белорусской Республике? Что с ними сделаешь? Не пойдешь-же на них войной и силой оружия не подчинишь, а если бы это и сделать, так это ведь и будет самое решительное нарушение принципа самоопределения». И бедным национал-белоруссам, жадно взирающим на Витебскую губернию, приходилось отступать и мириться с тем небольшим клочком территории, на которой, благодаря польской оккупации, им удалось до некоторой степени привить национализм совершенно чуждающемуся его белорусскому крестьянству.

Первый Витебский Губернский С'езд Советов закончился единогласным принятием «Положения об управлении Витебской губернией», согласно которого все существующие до сего времени губернские учреждения упраздняются, или же переходят в ведение совета и распределяются по соответствующим секциям, а должностные лица в губернии назначаются советом. С'езд выделил из своего состава губернский совет в числе 65 человек, который немедленно приступил к овладеванию губернскими учреждениями. И нужно сказать, что, несмотря на тот саботаж, которым чиновничество встречало вновь возникающую власть рабочих и крестьян в лице советов, сравнительно низкий культурный уровень членов совета, большинство которых были крестьяне от сохи, еле умеющие расписаться, Советы справились со своей задачей. Саботаж был сломлен, губернские учреждения реорганизованы и превратились из громоздких бюрократических учреждений в небольшие технические аппараты Совета—секции. Витебская губерния не пошла по пути других губерний и никаких Советов Народных Комиссаров не только в волостях и уездах, но и в губернии не создавала. Наше организационное строительство пошло в том направлении, в каком оно впоследствии и было закреплено в конституции РСФСР.

В заключение о первом Губернском С'езде Советов нужно сказать, что, состоя из 600 делегатов с решающими голосами, он весь был на нашей стороне, прошел с необыкновенным под'емом, создал такое здоровое, бодрое, полное веры в конечный успех революции настроение, что все враждебные нам элементы задумались и на время притихли.

В дни безденежья и бесхлебия досталась власть нашему Губернскому Совету. Продовольственная управа, уйдя, не оставила «в закромах ни зерна». В банке, в который нашему комиссару с необыкновенным трудом удалось проникнуть, дело обстояло ни чем не лучше. Кроме того, соглашатели, оставив нам наследство «хоть шаром покати», энергично пошли на разрушение того, что и без того уже было достаточно разрушено,—пошли на саботаж.

Наступила полоса отчаянной борьбы с соглашателями меньшевиками и бундовцами, имевшими тогда еще значительное влияние на рабочие массы.

К этому моменту у нас в Витебске создалось две внутри-партийных группировки: одна—Губпарткома, а другая—фракции Горсовета. Первая была представлена в лице: моем, Крылова, С. Гребеника и др., а вторая—Бреславом Б., Гоба и Костериным. Лидер второй группировки, являясь наиболее старым членом партии и наиболее известным своей прежней партийной деятельностью, очень мало считался с мнением губкома и очень часто выступал с заявлениями от имени партии без согласия с губкомом и совершенно расходясь с ним в этом вопросе. Все это неоднократно ставило нашу организацию в весьма неудобное положение. Приходилось прерывать заседание и устраивать фракционное заседание и потом ликвидировать инцидент, вызванный неосторожным и самоуверенным выступлением т. Бреслава. Особенно остро почувствовались разногласия тогда, когда меньшевистский Горсовет с согласия большевистской фракции отменил социализацию недвижимостей. Социал-предатели, все время ведущие работу на срыв этого социалистического мероприятия, развили в строительном цехе бешеную агитацию за отмену социализации. Голодная, теряющая веру в революцию рабочая масса начала им подтягивать и атаковывать власть имущих «честных большевиков», которые этот глас отчаяния и бессилия не оставили «вопиющим в пустыне» и социализацию отменили. Острые разногласия между группировками возникли по вопросу о контрибуций, об изгнаний из Совета соглашателей и тактике во время немецкого наступления.

В феврале 1918 г. началось немецкое наступление. Уставшие от войны воинские части трудно было заставить сдерживать напор неприятеля. Никакого фронтового или участкового командования в нашем районе не было, и нам пришлось организовать Революционный штаб. Штаб развил колоссальную энергию и, благодаря своей распорядительности, собрал некоторое количество воинских частей, как для задержания неприятеля, так и для удержания власти в городе, так как, одновременно с приближением неприятеля к Витебску, контр-революция подняла голову и, в лице Городской Управы, пыталась захватить власть. Но Революционный штаб не был сторонником добровольного складывания оружия; он твердо решил удерживать власть в своих руках до последней возможности. Всем известно, что это немецкое наступление сопровождалось невероятной паникой: достаточно было появиться нескольким немцам в касках, и целые воинские части разбегались или сдавались. Волна этой паники докатилась и до Витебска. Витебский гарнизон и все население превратились в какой-то бурлящий котел. Гор. и Губ. Совет поспешили свернуться, все свое делопроизводство предать сожжению, и очищенные от грехов прошлого вступили в любезный разговор с соглашателями. Но Революционный штаб положил предел этой

позорной комедии. «Вы сами себя упразднили», сказал он им, и вы сейчас ничто; единственным органом власти, как военной, так и гражданской, является сейчас Революционный штаб, идите в его распоряжение, чтобы защищать республику, или же уходите по добру, по здорову, пока еще не поздно. Они воспользовались последним предложением и выехали из Витебска. В этих условиях всеобщего смятения и паники один Революционный штаб сохранил спокойствие и твердой волей и системой разумных мероприятий восстановил власть в городе.

Нужно еще знать, что почти вся Витебская губерния была занята частями польских легионов, которые расквартировались в польских помещичьих имениях и чувствовали себя там вполне хозяевами. Воздействовать на них мы не имели никакой возможности; они были довольно многочисленны и хорошо вооружены; но скоро нам удалось провести политику расслоения, давшую весьма хорошие результаты: мы достигли того, что одна часть легионов в наших интересах разоружала другую и т. д.,—словом, удалось поставить в известные рамки это «государство в государстве» и даже из его частей сколотить себе изрядную военную силу—4 Варшавский полк под командою т. Маковского.

Немцы вели наступление не крупными частями, а небольшими единицами и даже мелкими раз'ездами. Восстановить фронт не было никакой возможности, но дать отпор всем этим раз'ездам вполне было возможно, тем более, что крестьяне после первой паники взялись за оружие. Мы вооружали их и снабжали. Число партизан с каждым днем все возрастало и, сливаясь, создавало целые части, и скоро т. Крылов из командующего без армии превратился в командующего целой армией. Интересно отметить, что о всей этой проделанной нами работе центр не имел ни малейшего представления, и когда в Москве, на 4 С'езде Советов, узнали, что мы из Витебска, то удивленно спрашивали: «А разве Витебск не занят немцами?», а мы гордо отвечали: «Нет, он не был и не будет занят!» И действительно, наши желания оправдались: Витебск удалось отстоять.

В течении этого периода мы имели два контр-революционных выступления: одно — поповско-черносотенное, другое — анархистско-погромное. Первое случилось сейчас же после издания декрета об отделении церкви от государства. Поводом явился обыск в архиерейском доме. Контр-революционерам удалось встретить сочувствие в некоторых частях гарнизона Витебска. Все контр-революционное офицерство и вся притаившаяся сволочь вылезла на свет божий и начала восстанавливать солдат против Советов. Всем нам пришлось броситься в наиболее надежные воинские части, рассеять злостную клевету и внести успокоение. Мне помнится, как ко мне тогда в Губсовет явилось несколько вооруженных солдат 7-го стрелкового Сибирского полка и, узнав, что я председатель, предложили мне немедленно отправиться с ними в их полк, что я и сделал, совершенно не обращая

внимания на то, что они конвоировали меня, как арестованного. В казармах все были в сборе. Мне предложили встать на возвышенное место и «дать ответ о том, что мы наделали». Когда я осмотрел возбужденную, с горящими глазами аудиторию, угрожающе потрясавшую кулаками, я понял всю опасность всякого неосторожно брошенного слова. Я мобилизовал все свое внимание для установления контакта с аудиторией и все свои ораторские способности. Спокойно и ясно я раз'яснил смысл декрета об отделении церкви от государства, опроверг всю клевету о нашем будто бы желании ограбить церкви. Раз'яснив же причину происшедших беспорядков, я доказал, что все это дело монархического поповства и контр-революционного офицерства, которые сейчас только тем и заняты, как возбуждением населения, натравлением одной части на другую в надежде, что в этой неразберихе все погибнет и они снова вернутся к власти. Я предложил солдатам сейчас же убедиться в этом, выйти за ворота казармы и доставить несколько агитаторов. Когда это было сделано и оказалось, что в числе задержанных был один переодетый офицер их полка, то это вызвало необыкновенную бурю возмущения; настроение определенно склонилось в нашу сторону. Видя, что все идет к лучшему, я обратился к солдатам со следующими словами: «Товарищи! Вам необходимо во что бы то ни стало восстановить порядок в городе, предотвратить возможность бесцельного пролития крови. Вы одна из наиболее сознательных частей гарнизона, помогите нам это сделать. Дайте нам наряды для города. Возьмите под свою охрану всех арестованных и дайте ваших представителей в комиссию по рассмотрению дел арестованных». Все собрание охотно откликнулось на мой призыв, и немедленно наряды вышли и прекратили всякое скопление и всякую агитацию. Порядок в городе был восстановлен.

О выступлении же анархистов говорить не буду, поскольку об этом рассказывают другие товарищи.

* *

10 мая 1918 г. собрался 2-й Губернский С'езд Советов. Это было самое тревожное для губернии время. Половина западной части губернии была оккупирована, оставшаяся пребывала в большой тревоге. Белорусская Рада с большой жадностью посматривала на Витебск; ее агентами и бандами кишмя кишела губерния. Интересно отметить, что когда стал вопрос о С'езде, то с.-р. предлагали созвать его не в Витебске, а Велиже, как в наиболее удаленном от границы уездном городе. Но мы на это не пошли, этим мы могли только усилить панику, и с'езд состоялся в Витебске. Этот с'езд был не столь многолюден, как первый; на нем было всего только 130 делегатов. Второй с'езд был интересен тем, что он проходил под знаком борьбы с с.-р. Хотя последних на С'езде было всего только 22, тем не менее они очень дружно и упорно вели борьбу с нами. По каждому вопросу они предлагали свою резолюцию и дружно ее отстаивали. 14 мая после

доклада президиума, сделанного мной, я неожиданно и серьезно заболел, а к вечеру заболела и значительная часть всего с'езда. В виду всего этого с'езд был прерван. До сих пор еще остались не ясными причины этого массового заболевания. Врачи пытались об'яснить модной в то время болезнью — «Испанкой», но я все время был склонен думать, что это было отравление особым газом. Меня еще больше укрепляло в этой мысли то обстоятельство, что во время своего доклада я заметил, как в зале двое посторонних беспокойно суетились, как от них стал распространяться какой-то дым. Я сначала подумал, что они затянули «цыгарку», но когда вслед за этим случилось это массовое заболевание, я подумал, что это дело их рук.

6-го июня заседание С'езда, прерванное 14-го мая, возобновилось. С'езд окончил свои занятия довольно спокойно и только по запросу эсеров об упразднении 6-го лево-эсеровского батальона разгорелись горячие прения. Товарищу Крылову пришлось выдержать сильную атаку. Как потом выяснилось, кроме всех прочих организационных соображений, расформирование этого баталиона необходимо было и по политическим мотивам: по предписанию ЦК Партии с.-р. этот батальон вскоре должен был направиться в Москву для участия в так называемом эсеровском восстании.

С'езд закончился выборами Губернского Исполнительного Комитета, в состав которого вошли по списку: коммунистов 16, эсеров 9. Кроме того, —в контрольно-ревизионную комиссию—два большевика и один эсер.

С первого дня существования нового Губисполкома некоторые товарищи почувствовали всю тяжесть возлагаемой на них работы, а также слабость своих сил для ведения ее и сложили полномочия. Один из очень важных вопросов, которые пришлось разрешить Губисполкому—это вопрос о партии лев. эс-эров. Эта партия раньше одобряла политику Совета Народных Комиссаров, но затем ко времени 5-го С'езда Советов она разко изменила свою линию. Особенно вызывающе держали себя с-р. в отношении к остро выдвинутому жизнью вопросу об организации деревенской бедноты. Революция из города перебросилась в деревню, крестьянская масса, представителями которой с-р так претендуют быть, стала раскалываться на два лагеря: бедноту и кулаков. В деревне началась определенная борьба бедноты с кулачеством. Перед нами стояла задача,—стать на защиту подавляемой кулачеством деревенской бедноты и направить все силы на организацию беднейшего населения деревни путем образования комитетов деревенской бедноты. Партия левых эсеров в этом вопросе стала нам в решительную оппозицию. Такое положение вынудило отстранить представителей этой партии от ответственных постов. Но, снимая их представителей с этих постов, мы им заявили, что предоставляем им полную возможность работать во всех наших отделах, присутствовать на пленарных заседаниях и принимать то или иное участие во всех наших работах. Но этим правом они не пожелали воспользоваться и направили все свои партийные силы в крестьян-

ские массы по всей губернии. Таким образом, вся тяжесть работы легла на коммунистов. В силу всего этого приходилось и нам все, что только можно было, направлять в деревню на организацию комитетов деревенской бедноты По выработанной нами инструкции организация ком. бедноты была следующая: комитеты во всех деревнях и селах, комитеты общественные, об'единяющие собою несколько сел и деревень, и волостные комитеты, охватывающие все население данной волости, при чем последним мы предоставляли всю полноту власти в тех местах, где деревенская беднота уже организована, а также считали излишним оставлять волостные советы, представляющие собою сословные учреждения, на подобие городских организаций, где представлена не только буржуазия, но и определенные контр-революционные партии. Проводя организацию комитетов бедноты и передачу им власти, мы понимали это, как направление нашей революции в ее правильное и естественное русло, ибо она есть революция деревенской бедноты и пролетариата и вообще тех классов, которые до сего времени были порабощены и угнетаемы сильнейшим классом,—классом городской буржуазии и деревенского кулачества.

В целом ряде местностей крестьянство, руководимое Советами, состоящими из контр-революционеров, успело организовать банды, которые начали борьбу с комитетами бедноты и властью вообще. И когда мы присматривались к той к-р. работе, которая ведется во всей губернии, мы видели, что партия левых эс-эров, критикуя нас и играя роль оппозиции, действует об'ективно в целях контр-революции, так как агитацию этой партии подхватывают все контр-революционные силы. И там, где эта партия хотела найти опору для себя, в этом месте свивала себе гнездо подлинная контр-революция. В результате мы имели целый ряд такого рода движений и выступлений по всей губернии, и нам приходилось оказывать вооруженную помощь деревенской бедноте. Там, где беднота пыталась организоваться, ей чинились препятствия со стороны волостных Советов. Организаторы бедноты избивались и даже добивались кулаками. И вот для поддержки организаторской работы наших товарищей и соблюдения порядка на местах и поддержки власти, нами усиленно организовывалась милиция. Приходилось посылать отряды красноармейцев, чтобы распустить те Советы, где вооружались кулаки и противодействовали Советской власти в проведении учета хлеба на местах и других мероприятий. В губернии произошло несколько такого рода выступлений.

Если во всей России существует целый ряд контр-революционных организаций, которые создают мятежи и прочее, то в Витебской губернии, пограничной губернии, являющейся предметом особого внимания к-р. Белорусской Рады, существовали точно такие-же организации, которые пользовались всяким удобным случаем, чтобы создать контр-революционное восстание против Советской власти. В целях борьбы с этим организованным

врагом нам пришлось учредить комиссию по борьбе с контр-революцией, которая разбросала целую сеть таких комиссий по всем уездным городам и другим крупным пунктам губернии. Эта комиссия постаралась об'единить всю работу по борьбе с контр-революцией и руководить ею на местах. Несмотря на недостаток работников, она все-же сумела кое-что сделать и предупредила ряд нежелательных явлений. Интересно отметить, что наша чрезвычайная комиссия по борьбе с к-р. возникла прежде, чем были получены директивы на этот счет из центра.

В вопросе о взятии на учет хлеба нам тоже пришлось скрещивать копья с левыми эс эрами. Когда-же борьбу с мировой контр-революцией Советской Республике пришлось вести во всероссийском масштабе, когда создался чехо-словацкий фронт и туда потребовались военные силы, наша губерния дала на борьбу с чехо-словаками несколько военных частей. Кроме того, Губисполком выделил из своей среды ряд ответственных работников, как, например, тов. Кривенко[1]), заведывающего отделом народного образования, наладившего уже работу этого отдела, и тов. Юдина, заведывающего Отделом Социального Обеспечения, и послал на этот фронт.

На первом и втором Губ. С'ездах нам много приходилось говорить о наших финансовых средствах, которые были в тяжелом и даже, можно сказать, в отчаянном положении. Кредиты из центра поступали слабо: часто какой-нибудь отдел не имел ни копейки в своем распоряжении. Надо было изыскивать средства местными способами. И финансовый отдел Губисполкома пытался добыть эти средства путем мелких обложений в городах и деревнях.

* * *

Не менее крупная агитационно-организационная работа была проделана на фабриках и заводах г. Витебска и в профсоюзах. О ней подробно расскажет кто-либо другой, и мне в заключение лишь хотелось отметить, что если октябрьский переворот в Витебске мы совершали без рабочих и вообще в течении года больше всего опирались на крестьянство, то первую годовщину октябрьского переворота мы уже праздновали и с рабочими, и с крестьянами.

За год рабоче-крестьянской власти мы достигли того, о чем постоянно кричали соглашатели. Мы достигли единого революционного фронта рабочих, крестьян и красноармейцев.

Первый октябрьский праздник здесь праздновала эта мировая тройка.

В течении пяти лет рос и креп этот братский союз.

---

[1]) Тов. Кривенко, ныне Красный Кавалер, отличился в ряде боев и готовит себя в Красные Генштабисты (студент Академии Генерального Штаба).

Я. Гоба.

Организация власти.

Прежде всего я должен оговориться, что то, о чем я сейчас намерен писать, не будет иметь характера последовательного исторического обзора событий. С тех пор прошло уже целых пять лет... Пять лет не мирной и спокойной жизни, а упорной работы и борьбы, страданий, лишений, упований и надежд, поглотивших целиком всех тех, кому дорого и свято творение великого Октября.

Нет под руками материалов.. Улетучились из памяти отдельные факты и эпизоды, теряется нить последовательного чередования событий, и поэтому ограничусь лишь отдельными, более всего сохранившимися в памяти моментами событий этих дней.

Но прежде чем приступить к описанию октябрьских и последующих за октябрем событий, хочу сказать несколько слов о самом городе и его населении, дабы выяснить ту обстановку, в которой приходилось работать в это время партии.

В 1917 г. Витебск представлял из себя обычную картину провинциального города неглубокого тыла фронтовой полосы. В городе размещалось множество тыловых частей и учреждений армии, вносивших оживление в обычную сонную его жизнь.

Чисто пролетарского элемента в городе было очень немного, если не считать рабочих ф-ки «Двина» и жел.-дор. узла, т. к. сам город является мелко-ремесленным и торговым. Почти то-же самое можно сказать и про находившиеся в городе воинские части, с преобладающим большинством крестьянства и интеллигенции (в штабах и тыловых учреждениях [1]).

Партия большевиков к этому времени была не очень многочисленна и работа ее велась главным образом в области агитационной. Влияние ее в армейских частях было сильно заметно; среди-же рабочих и особенно в профсоюзах большевики не имели почти никакого влияния, если не считать фабрики «Двина» и жел.-дор. мастерских.

Функционировал в городе меньшевистский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, строго следовавший по стопам Керенского и К°. Возглавляли Совет видные деятели меньшевистского лагеря и между ними были даже члены центральных комитетов эс-эров и Бунда. Была в Совете и

небольшая фракция большевиков (человек 25 из общего числа более 300 делегатов), но влияния на работу Совета она почти никакого не имела.

Вполне естественно, что при такой обстановке меньшевикам, как говорится, были и «книги в руки», т. к. мелко-буржуазная и интеллигентская среда является наилучшим полем деятельности для меньшевистско-эс-эровских похождений.

Дни октября.

Еще до событий в Петрограде и Москве в городе чувствовалась некоторая напряженность. С одной стороны, это было вызвано предстоящими выборами в учредительное собрание, а с другой—чувствовалось, что царствование Керенского и К° идет к концу.

Насколько помнится, 26 октября в Витебске стало известно, что в Совете Республики 24 октября Керенский требовал решительных мер против большевистского восстания. Ответом на это было взятие большевиками Зимнего дворца и арест Временного Правительства 25 октября.

Если не ошибаюсь, в тот-же вечер было созвано экстренное собрание Губернского Комитета Р. К. П. совместно с бюро Латышского района. В этот же вечер состоялось гарнизонное собрание, которое предложило Губкому взять власть в городе.

Организованным Ревкомом были приняты все необходимые меры к тому, чтобы фактически забрать в свои руки все важнейшие учреждения города. Немедленно был назначен новый комендант города (т. Крылов) и об этом оповещены все войсковые части. Также были назначены комиссары в милицию, телеграф, телефонную станцию, вокзал, электрическую станцию, водопровод и проч.

Не обошлось, конечно, без мелких конфликтов и недоразумений, но в общем нормальный ход жизни в городе не был нарушен ни на одну минуту. Втечение этой ночи была установлена связь почти со всеми ячейками воинских частей гарнизона.

Приступив к работе, Ревком прежде всего наткнулся на отсутствие помещения, т. к. все подходящие помещения находились в руках меньшевистского Совета и органов городского самоуправления. В тот-же вечер было решено захватить офицерское собрание, что немедленно было проведено в жизнь. В ту-же ночь Ревком перебрался в новое помещение.

Было решено закрыть меньшевистскую «Известия Совета» и немедленно приступить к изданию своей газеты под названием «Известия Революционного Комитета». В эту ночь члены Ревкома, не разгибая спин, заседали и решали целый ряд вопросов и писали статьи для первого номера своей газеты. На следующее утро был выпущен первый номер «Известий Ревкома».

В помещении Ревкома находилась небольшая группа охраны (человек 10) с одним конфискованным у охраны меньшевистского Совета пулеметом, а в город было выслано несколько патрулей солдат.

Город был об'явлен на осадном положении.

Кажется, около 3—4 часов утра поступило донесение, что для ареста Ревкома к зданию заседаний под руководством меньшевиков направляются казаки с пулеметами и даже артиллерией. Положение было немножко жутковатое, но казаков с артиллерией мы так и не дождались.

На ряду с организацией Ревкома, на фракции было решено начать немедленно кампанию по перевыборам Совета.

Характерно отметить, что в этот момент главное внимание было обращено не на профсоюзы и рабочие организации, а на армейские части. Это обстоятельство меньшевиками использовывалось, особенно в первое время, очень широко и они обвиняли нас в том, что мы, мол, опираемся исключительно на штыки.

Началась также и бешеная агитация меньшевиков против перевыборов Совета, и обычно на собраниях солдатских масс мне самому и многим нашим товарищам приходилось выдерживать схватки с этими господами. Тут условия для агитации были весьма благоприятны большевикам, и обычно на всех собраниях солдатских масс мы выходили победителями и проводили своих кандидатов. Немного хуже обстояло дело в одной части казаков, которая под влиянием своего начальства временно осталась нейтральной.

Были сделаны попытки агитации и среди профсоюзов и на фабриках, но здесь иногда удавалось лишь срывать агитацию меньшевиков, других же положительных результатов не было. Если не ошибаюсь, то только на одной текстильной фабрике Двина нам удалось произвести перевыборы и провести своих кандидатов.

Когда оказалось, что большинство воинских частей переизбрало своих депутатов, то на второй или третий день существования Ревкома было созвано первое собрание Совета. Участвовало человек 30 делегатов. На этом собрании было решено, что новый Совет, в отличие от старого, пока еще существующего меньшевистского, будет называться «Революционным Советом Солдатских депутатов». Своего исполнительного органа он еще не избирал, и органом власти пока еще оставался Ревком.

Продолжая упорно вести агитацию по перевыборам Совета, мы все больше и больше расстраивали сплоченные ряды меньшевистского лагеря, и к нашему основному ядру небольшой группы солдатских депутатов прибавлялись все новые депутаты уже не одних армейских частей, но и депутаты рабочих.

Кажется, через 7—8 дней после организации Ревкома было созвано второе собрание делегатов и уже в новом помещении (бывш. дом губер-

натора). На этот раз насчитали около 60 делегатов, в том числе и человек 12—14 представителей рабочих.

На этом собрании Совета было положено начало уже правильного Советского аппарата. Был избран исполнительный комитет (если не ошибаюсь, из 11 человек); пленум совета признал в принципе необходимым разделиться на секции. Было решено именоваться «Революционным Советом Рабоч. и Солдатск. депутатов»; издаваемую Ревкомом газету признать органом Совета и впредь выпускать под названием «Известия Витебск. Революц. Сов. Раб. и Солдатск. депутатов».

В эту ночь вновь избранный Исполком имел первое свое организационное собрание. Был избран президиум, назначены руководители работ в секциях, разработан регламент работы Исполкома и пленума Совета и еще целый ряд других вопросов.

Выборы Исполкома и первое его заседание можно считать моментом, когда Революционный Комитет, выполнив возложенную на него основную задачу, перестал быть единственным органом власти, т. к., несмотря на свое существование и впредь, он уже после этого работал главным образом в области военной.

Оценивая первые шаги работы Исполкома, мы должны отметить особое единодушие внутри его и демократический метод работы, как Исполкома, так и пленума самого Совета. Так, например, с самого начала было установлено часто собирать Исполком и пленум (Исполком—два раза, а пленум—раз в неделю), при чем ни одно постановление Исполкома не проводить в жизнь до утверждения его пленумом и т. д.*).

Только значительно позже, и особенно тогда, когда уже и меньшевики вошли в состав пленума и Исполкома, начали проявляться разногласия, доходившие иногда даже до открытых конфликтов.

Отчуждение недвижимостей.

Захватывая в своей повседневной работе все новые и новые отрасли хозяйства, Исполнительный Комитет, в связи с общим финансовым кризисом, вполне естественно наткнулся на отсутствие рессурсов.

Начались изыскания всяких способов и средств; подумывали о взятии в свои руки городского трамвая, водопровода и т. п.

Когда, после детального ознакомления с положением трамвая, водопровода и т. п., оказалось, что они являются убыточными, Исполком решил провести в жизнь два мероприятия, могущие, по его мнению, дать известный доход для покрытия расходов на городское хозяйство.

Первым из этих мероприятий было проведение в жизнь национализации недвижимостей в городе, а вторым—обложение местной буржуазии

*) Фактически жизнь заставляла нарушать это демократическое решение.

Президиум Исполкома Витебского Городского Совета 7-го ноября 1918 года.

поимущественным налогом (об этом буду говорить еще ниже). При обсуждении этого вопроса в Исполкоме некоторые голоса указывали на несостоятельность этого мероприятия, т. к. дома города в нынешнем состоянии вряд-ли дадут тот приток денег, на который рассчитывает Исполком.

Большинством все-же было решено, что дома безусловно являются доходной статьей, и национализацию нужно немедленно провести в жизнь.

12 декабря 1917 г. Исполкомом было издано обязательное постановление о том, что все дома, оцениваемые не ниже 12.000 руб, национализируются и вся квартирная плата целиком поступает в кассу Исполкома.

Витебский союз домовладельцев начал деятельно бороться против этого постановления и обивать пороги не только Исполкома, но и центральных органов Советской власти.

В марте месяце Витебский союз домовладельцев прислал в Исполнительный комитет докладную записку, которая крайне любопытна, как исторический документ этих дней. В этой записке домовладельцы с болью в душе признают, что т. н. большевики оказались достаточно сильными и забрали в свои руки государственную власть в лице своих советов. Ими это признается, как явление не только фактическое, но и юридическое, которое игнорировать ни в коем случае нельзя.

В этой записке приводится целый ряд соображений в доказательство того, что проведение в жизнь национализации недвижимостей не даст положительных результатов.

К сожалению, эти господа оказались правы. При проведении в жизнь национализации Исполкому пришлось наткнуться на целый ряд неучтенных обстоятельств.

Так, например, квартирная плата, на которую рассчитывал Исполком, почти совершенно не поступала в кассу Исполкома. Когда пришлось создавать аппарат для взятия на учет и управления домами, то оказалось, что он будет крайне громоздок и на содержание его придется тратить чуть ли не больше того, что вообще могла-бы дать квартирная плата. Если не ошибаюсь, предварительно составленная смета показала несколько миллионов перерасходу.

Насколько помню, был даже такой курьезный случай, что все дворники города устроили нечто вроде демонстрации и пришли в отдел городского хозяйства с требованием выплаты им жалованья, т. к. домовладельцы в связи с отчуждением отказались им платить.

Таким образом, вместо ожидаемых от этого мероприятия благ оказалось, что Исполкому самому придется тратить средства, которых он и так уже не имел.

Все это вместе взятое привело к тому, что на заседании Исполнительного Комитета 24 апреля 1918 г. национализация домов в г. Витебске была отменена.

Контрибуция.

В начале 1918 г. Исполнительным Комитетом было принято постановление об обложении зажиточного населения города имущественным прогрессивным чрезвычайным налогом.

Проведение в жизнь этого мероприятия было возложено на отдел городского хозяйства совместно с милицией.

Необходимо отметить, что проведение в жизнь этого налога проходило довольно удачно и, несмотря на имевшие место мелкие недоразумения, Исполкому удалось собрать, кажется, около 80 проц. всей суммы, которую он вообще рассчитывал получить [2]).

Бывший тогда комиссаром банков Пикман, будучи куда-то командирован по делам службы, проездом узнал, что в некоторых городах с успехом проводятся т. н. контрибуции.

Вернувшись обратно в Витебск, он вместе с заведующим финансовой секцией т. Зиро выработали проект и внесли его в президиум Исполкома.

В этом проекте буквально предлагалось следующее: Обложить город контрибуцией в размере шести миллионов рублей. С этой целью в качестве заложников арестовать несколько человек наиболее богатых представителей местной буржуазии, созвав их предварительно на собрание (день собрания и список намеченных к аресту лиц также был уже выработан). Остальной буржуазии предложить внести эту сумму, как выкуп за арестованных, причем разверстка ее целиком предоставляется самой буржуазии, без вмешательства Совета.

Президиум исполкома этот проект отклонил, но все же он был перенесен на обсуждение Губкома.

Некоторым товарищам этот проект сильно понравился, как мера в высшей степени революционная и бьющая больно по местной буржуазии.

Часть-же товарищей находила, что это не есть мера революционная, т. к., проводя обложение буржуазии, мы этим внесем дезорганизацию в работу по налаживанию и укреплению советского аппарата.

Кроме того, указывалось и на то, что проводя уже сейчас обложение буржуазии по известной системе, налагая контрибуцию, мы подорвем авторитет власти и доверие населения к совету.

После долгих и горячих прений в Губкоме голоса разделились, и было решено перенести этот вопрос на обсуждение общего собрания членов партии.

На общем собрании вопрос также обсуждался очень горячо, но в результате проект все-же был отклонен. После голосования тов. Крылов (член губкома) заявил, что он оставляет за собою свободу действий и будет добиваться проведения проекта в жизнь.

На следующем заседании Исполкома тов. Крылов, Меницкий и др., несмотря на постановление общего собрания членов партий, все-же выступили в защиту этого предложения, которое исполкомом было отвергнуто. Оно было также отвергнуто фракцией и пленумом Совета [8]).

Немецкое наступление.

В городе все носятся упорные слухи о наступлении немцев и приближении их к Витебску... Настроение среди членов партии тревожное, т. к. имеются сведения о занятии немцами Пскова и приближении их к Петрограду. На заседании Губкома разбирается вопрос, как держаться в том случае, если немцы на самом деле придут и займут город. Без всяких принципиальных споров решается, что Исполнительный Комитет Совета, как местный орган власти, остается в городе. (Это постановление впоследствии принимается также и Исполкомом).

Устанавливается список товарищей, которые останутся в городе, а также и тех, которые по целому ряду соображений должны уехать, чтобы не попасться в руки немцев. В общем настроение в Губкоме приподнятое и, если так можно выразиться, даже боевое.

Выдвинут и уже работает Революционный военный штаб. Организуются красногвардейские отряды и более сохранившиеся войсковые части для отправки на фронт. Общее уже и без того тревожное настроение населения усиливают отступающие в беспорядке дезорганизованные фронтовые части и распространяемые ими нелепые слухи.

Прифронтовая зона придвигается все ближе к городу и изо дня в день ожидается появление немцев.

25 февраля вечером происходит заседание Исполкома. В Исполкоме с совещательными голосами участвуют и представители меньшевиков. Общее острое отношение двух враждущих лагерей как-то притупилось перед общей опасностью, и как-то невольно создалось что-то на подобие единого фронта.

Пришедший из Революционного Штаба тов. Меницкий сообщает, что немцев можно ждать не раньше пяти часов утра. В связи с этим заявлением меньшевиками поднимается вопрос, кто будет представлять перед немецкой оккупационной властью местное население и не своевременно ли вступление в права бывшей городской думы.

Исполнительный Комитет к этому предложению отнесся отрицательно и решил, что Исполком остается в городе и будет представлять население, как местный орган власти. Сдавать пока свои полномочия городской думе он и не думает.

На этом собрании было принято буквально следующее постановление:

Постановление Исполнительного Комитета Витебского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 25-го февраля 1918 года.

Подтверждая свое первоначальное постановление о том, что местный Совет сохраняет свою власть и по вступлении немцев в город, представительствуя от имени всего населения перед оккупационной властью, Исполнительный Комитет не встречает препятствий к тому, чтобы в момент упразднения Советской власти германским насилием, Городская дума вступает в исполнение хозяйственных функций и все денежные суммы и имущество как отдела городского хозяйства, так и городской продовольственной секции передаются ей.

Председатель Совета Раб. и Солд. Депутатов Гоба.

За секретаря Кисельгоф.

Около 3-х часов ночи выяснилось, что большинство членов Исполкома уже покинуло город.

Когда я ночью пришел в Революционный Штаб, то нашел там тов. Меницкого, Крылова и, кажется, тов. Беме.

По сведениям, имевшимся в Революционном Штабе, картина рисовалась довольно печальная. Было известно, что немцы заняли уже г. Оршу и двигаются дальше по направлению к Витебску. Предполагали, что они могут быть уже в нескольких верстах от города. Точных сведений с фронта не поступало.

Часть вооруженной силы, которой располагал Революционный Штаб, во главе с тов. Костериным была отправлена уже на фронт против немцев. В городе уже не было почти никаких вооруженных сил.

Зная, что и в Исполкоме также почти никого нет, я отправился обратно в дом губернатора, и там в компании с шофером оставленной мне машины мы так и провели всю ночь, ожидая прихода немцев.

На другое утро оказалось, что в связи с оттеснением немцев под Псковом, они свое наступление приостановили, и вообще их наступление с этого момента прекратилось.

Выборы в учредилку.

Еще до начала октябрьских событий Витебск особенно готовился к выборам в Учредительное Собрание. Особенно сильно проявила себя партия большевиков. Хорошо помню всю подготовительную работу к выборам, т. к. сам принимал в ней активное участие.

Губкомом было решено, что предвыборную кампанию необходимо провести как можно шире, и не только в городе, но и по всей губернии. Было решено мобилизовать все силы не только среди партии, но и вне ее. Была дана задача всем ячейкам находящихся в городе войсковых частей—

выделить способных вести агитацию товарищей не только партийных, но и беспартийных.

Для выделенных товарищей были созданы 3-хдневные курсы с беседами и инструктированием по всем злободневным вопросам. Товарищи были наделены литературой и инструкциями и отправлены по уездам и волостям. Таким образом было разослано человек 40—50 (больше половины беспартийных).

Что эта работа не пропала даром и беспартийные агитировали не хуже партийных, чувствовалось в самые дни выборов. К избирательным урнам приходили не только сознательные граждане, но и совсем отсталые деревенские и городские женщины. Приходили подавать свои голоса даже глубокие старики и старушки.

Вся проделанная работа сказалась в результате выборов, давших нам победу.

Внутренние разногласия.

Подводя общие итоги работы первых шести месяцев (с декабря 17 г. по май 1918 г.) Советского строительства, мы должны отметить, что не только для провинции, но и центра, это время являлось периодом проложения новых путей. Работа велась ощупью, а иногда прямо в виде опытов и изысканий. Точных указаний из центра не было; часто не знали, как поступать в том или ином случае.

Иногда делались ошибки, которые впоследствии приходилось исправлять; иногда из мелочей возникали разногласия и споры, в пылу которых чуть не упускалось основное и т. д.

К таким явлениям можно отнести целый ряд вопросов, которые, не являясь в сущности основными, все-же были положены в основу чисто принципиальных споров, вылившихся потом в открытых конфликтах между «тройкой», так называемых «честных большевиков» (Бреслав, Гоба, Костерин) и группой товарищей левого крыла, возглавляемых т.т. Меницким, Крыловым и др.

Одним из первых являлся вопрос об отчуждении недвижимостей в городе. В начале проведения особых разногласий не было. Когда-же оказалось, что это мероприятие провести в жизнь сейчас не по силам, то «тройка» первая подняла вопрос об отмене постановления. В пылу споров о контрибуции, о меньшевиках и т. д. это истолковывалось чуть не изменой рабочему классу и делу революции и, в частности, являлось одной из причин устранения от дел т. н. «тройки».

Когда-же тройка была устранена, то сменившие их «левые» сами об'явили отмену национализации и, если не ошибаюсь,—даже за подписью устраненного председателя Совета тов. Бреслава [4]).

Вторым таким-же вопросом являлся вопрос о контрибуции. По существу разногласия не были глубоко принципиальными и основными, т. к.

фактически буржуазия была обложена и платила налоги, но только не под флагом громкого слова контрибуция.

Но все же дошло до того, что члены Губкома т.т. Крылов и Меницкий, нарушив партийную дисциплину, применяли чуть не демагогические приемы в стремлении провести контрибуцию в жизнь, вопреки общему решению местной организации партии[5]).

Спорным вопросом в свое время являлся и вопрос о «Брестском мире», где дело дошло также до открытого конфликта на пленуме Совета. Против заключения мира яро выступал тов. Крылов, имевший своими последователями почти поголовно всех солдат, входящих в состав местной организации.

Более принципиальным являлся в свое время вопрос об исключении меньшевиков. На этот счет не было указаний ни Советских, ни партийных органов центра и везде и повсюду меньшевики входили в состав Советов, Исполкомов и даже в состав В.Ц.И.К. (Если не ошибаюсь, меньшевики из состава В.Ц.И.К. были исключены в августе, в Витебске же вопрос обсуждался в марте или апреле).

Надо признаться открыто, что в этом вопросе и т. н. «тройка» была тоже не без греха. В пылу споров и борьбы за власть мы также позволяли себе нарушение партийной дисциплины и традиций, т. к., несмотря на решение большинства фракции и Губкома, мы не захотели добровольно сдавать свои позиции, опираясь лишь на незначительную часть наших единомышленников среди членов партии.

Из всего вышесказанного вполне ясно вытекает, что и Витебская организация не избегла общих брожений и разных течений мыслей. Но необходимо также констатировать и то, что в это время первых шагов по закреплению Советской власти, местная организация в общем шла верной дорогой, и созданный ею Совет был одним из первых Советов провинции, шедшим по правильному пути, намеченному Великою революцией Октября 1917 г.

* * *

От редакции. Помещая статью тов. Гоба, редакция, не разделяя многих основных положений, выдвинутых автором, все же считает нужным сохранить в статье эти моменты без изменения, для более ясного выявления всех оттенков партийной мысли того времени.

Одновременно считаем нужным внести следующие фактические поправки:

1) В Витебске, как в тылу фронта, главным образом были сосредоточены технические и инженерные воинские части: 4-ый авио-парк, фронтовая артиллерийская починочная мастерская, обозно-починочная мастерская, инженерные дружины, техническая команда и т. п., в своем

подавляющем числе состоявшие из квалифицированных Питерских, Колпинских, Сормовских и Московских рабочих металлистов и строителей, одетых в солдатские шинели. Эти части служили базой для народившейся Витебской большевистской организации. Кроме того, парторганизация опиралась на ф-ку «Двину» и рабочих жел. дор. мастерских.

2) Фактически поимущественный налог сразу же провалился в силу трех причин: 1) Отсутствие твердости у Горисполкома, взявшегося проводить этот налог. 2) Отсутствие плана и детально разработанных ставок, которые и невозможно было выработать в короткий срок. 3) Вполне естественный саботаж и уклонение от налога буржуазии. Всего было собрано не больше 80/0 намечавшейся к поступлению суммы.

3) Горсовет в конечном счете в подавляющем большинстве высказался за контрибуцию на буржуазию.

4) Отмена национализации недвижимостей была проведена старым составом Горисполкома во главе с тов. Бреславом. (См. стр. 139 в статье Бреслава).

5) Контрибуцию начали проводить только после того, как подавляющее большинство партийной организации высказалось за нее.

М. Костерин.

Внутри-партийная борьба.

Как известно, несмотря на железную дисциплину и спаянность, в нашей партии всегда были отдельные течения и группировки, которые иногда, правда, редко расходились в оценке момента и тактики партии Впрочем, это бывает и должно быть во всякой живой партии. Тоже было и в эпоху Октябрьского переворота и после. Перед самым переворотом в Витебской организации не было почти никого, кто бы разделял позицию «двух товарищей» из ЦК (Зиновьев, Каменев были против захвата власти). Разве один только товарищ Гоба несколько не разделял общей позиции партии, о чем он много раз делал официальные заявления. Это об'яснялось тем, что он, состоя в Латышской об'единенной социал-демократии, был там меньшевиком-интернационалистом, хотя работал все время с большевиками: в городе была только об'единенная организация, включавшая различные направления.

Однако, несмотря на наше единство, в дни Октября и после разногласия обнаружились, На их возникновение сильно повлияли: 1) разногласия в ЦК партии и выход из Совнаркома целого ряда ответственных товарищей, считавших, что правительство должно быть образовано из всех социалистов; 2) поведение соседнего Смоленского Губкома, который после перестрелки с казаками ужаснулся призрака гражданской войны и заявил о солидарности с ушедшими из Совнаркома товарищами. Смоленские события и у нас вызвали большие разговоры. Отчетливо помню, что один товарищ был прямо угнетен и совсем отошел от работы. Во время переговоров с меньшевиками до и после образования Ревкома часть товарищей страдала «контактным зудом»; обвиняли в этом и Пинсона и меня. Во время обсуждения в Исполкоме инцидента со случайным запрещением продажи буржуазных и социалистических газет, кроме Советских, тоже обнаружились сильнейшие принципиальные разногласия. Свержение Саркисьянца также об'ясняется тем, что часть товарищей находилась в плену демократической мысли и поддалась агитации меньшевиков.

После этих сравнительно небольших разногласий, втечение нескольких месяцев работа шла дружно и согласованно, и даже Гоба стал забывать свои прежние сомнения, работал во всю. После очень кратковремен-

ного председательствования в Исполкоме тов. Королева, Гоба был чуть не единогласно избран председателем Горисполкома. В своих докладах Горсовету о работе Исполкома ему часто приходилось резко обрушиваться на меньшевиков. Товарищам даже нравилось его выпускать в бой, и добродушно улыбались, когда он громил соглашателей.

Внутри-партийная борьба проявилась ближе к весне 1918 г. Правая группа состояла из Бреслава, Гоба и Костерина (так называемая, «тройка») и нескольких рабочих-делегатов, левая—из Меницкого, Крылова и других; Шейдлина примыкала в общем к левым, но не всегда. «Тройка» опиралась на Горисполком и Горсовет (рабочие). Левые—на Губисполком (крестьяне и другие) и на армию—в начале на солдат, а потом на красно-армейцев. Бреслав—старый большевик, связанный с Витебскими рабочими чуть не с 1900-х годов. Я—один из немногих большевиков—работал тоже среди рабочих, как Председатель Рабочей Секции. Таким образом «Тройку» смело можно считать представителем большевистски настроенных витебских рабочих. А так как последние были очень долгое время в меньшевистском плену и сам город был мелко-буржуазен, то все это и определило некоторый оппортунизм «Тройки». Крылов—один из лидеров левых был исключительно связан с армией. Это и определило его прямолинейную тактику. Меницкий — Председатель Крестьянской Секции, председатель Ревкома, после—Председатель Губисполкома. Крестьяне в этот период, до Комитетов Бедноты, были все очень революционны и поэтому и крестьянские представители были на стороне левых.

Начало всех внутри-партийных разногласий положило приглашение представителей социалистического блока в Исполком. Случилось это во время немецкого наступления. После известий о движении немцев — это было 18 февраля—в городе началась паника. Двинск был взят без выстрела. Немцы берут Полоцк, двигаются к Витебску. Мы организуем Революционный Штаб, пытаемся организовать оборону, созываем гарнизонное собрание, ставим вопрос о борьбе с немцами. Солдаты на дыбы: — Как, все время мир—мир, а теперь воевать?!—Мы произнесли несколько негодующих речей, но произвели слабое впечатление. Закрываем собрание. На заседании Революционного Штаба решаемся на смелый шаг—демобилизовать весь гарнизон в 3-хдневный срок, ввиду его полного развала. А немцы продолжали наступать. В городе росло паническое настроение: — жители шушукались, шептались, солдаты рвались из города. Части торопились с демобилизацией. Спешно сдавали оружие в импровизированные склады. Один полк для скорости свалил все свое имущество и оружие прямо в комнатах Совета. Солдаты перед от'ездом устраивали дележки артельных сумм и цейхгаузов. Наши речи о новой власти, о новых обязанностях не действовали, солдаты разбегались и тащили все, что под руку попадало. Наша красногвардейская часть, набранная незадолго перед этим, тоже вся разбежалась и, ко-

нечно, все растащила. В городе подымали головы уголовные элементы. Обычно оживленный Совет опустел. В огромных его комнатах сидел один Гоба. Ряд членов Губисполкома, во главе с председателем Чунчиным, сбежали из города. Продком спешил раздать товары по кооперативам, во избежание конфискации их немцами. Банк эвакуировался. Через Витебск прошли бегущие с фронтов части, неимоверно растрепанные. И в такой обстановке в ночь на 23 февраля происходит заседание Горисполкома. 11 часов, зимний вечер. У собравшихся необыкновенный под'ем настроения, величайшая напряженность. «Когда ожидаются немцы в городе?», спрашивают у тов. Меницкого. «Не раньше 5-ти часов утра», был ответ. Заседание продолжается. Обсуждение повестки дня идет в не совсем обычных тонах— говорят тихо, без крику и почти без пререканий. Создалась особо задушевная атмосфера, сблизившая всех. Исполком постановляет—при приходе немцев быть попрежнему у власти, так и представиться немцам. Это был, конечно, жест, но все его хотели для поддержки авторитета. А для реальной работы за час до заседания Горисполкома Губком решил оставить в городе для подполья Гребеника, Костерина и Шейдлину. Это решение внесло новую близость. Все почувствовали серьезность положения и возможность трагических событий. Уходящие на военную работу полушутя, полусерьезно прощались с остающимися. Те и другие строили планы борьбы, работы и будущей встречи. В этом же заседании Исполкома состоялся фактический контакт с меньшевиками. Членам Профсоюзов (т. е. меньшевикам) выдали оружие для организации самозащиты рабочих в случае погрома. Выдали меньшевистскому Комитету по Борьбе с безработицей солидные суммы денег. Исполком разрешил меньшевикам заняться подготовкой восстановления органов местного самоуправления на случай прихода немцев, которые Совет во всяком случае ликвидировал бы. Народного социалиста Лихницкого назначили начальником Милиции [1]. Все это и было осуществлением коалиции с меньшевиками и др. соглашателями.

Впрочем, коалиция была осуществлена даже в более торжественной форме. Еще до своего от'езда из Витебска Председатель Губисполкома Чунчин, с ведома и согласия наиболее влиятельных товарищей, организовал собрание «всех живых сил» Витебска.

[1]) Я не участвовал в этом «интимном» заседании Горисполкома,—был занят в Революционном Штабе срочной оперативной работой. Но помню, что на следующий день ко мне в Штаб явились Лихницкий, Цейтлин (ес-эр) и Тарле (меньшевик) и потребовали оружия для самозащиты, на основании соглашения с Исполкомом. Поскольку Революционный Штаб был облечен диктаторскими полномочиями, я им категорически отказал в выдаче оружия на руки, насмешливо предложив им немедленно сформировать отряд для борьбы на фронте, от чего они также категорически отказались. Гр. Лихницкого Рев. Штаб тотчас же снял с должности начальника Милиции.

С. Крылов.

Были приглашены на собрание все правления профсоюзов (соглашательски настроенные) и официальные представители социалистического блока, железнодорожные организации и другие. На обсуждение был поставлен вопрос о защите города. Меньшевики вместо речей о защите разразились критикой. Правда, не все. Но о защите они и слышать не хотели, а предлагали разные мероприятия по эвакуации города, в первую очередь самих большевиков. Наше предложение и речи о защите не встретили сочувствия. Мы поменялись ролями: до октября они были оборонцами, а после—мы.

* * *

Через день—два после заседания в Исполкоме, 25 февраля, я был вызван по прямому проводу из штаба Запфронта и получил приказание выехать в Оршу. Там я был назначен начальником отрядов, защищавших подступы к городу. Моя защита была неудачна. За час—два до боя лучшая часть моих отрядов уехала на своем поезде, другая—после неудачного боя окончательно разложилась, и мы не удержали бы Орши, если бы не был заключен быстро мир (3 марта). По заключении мира я вернулся в Витебск. Здесь за мое отсутствие блок с меньшевиками был разорван, Лихницкий—смещен, оружие у меньшевиков отобрано. Но коалиция не прошла даром: ее след, в виде официально допущенных представителей социалистического блока в Исполкоме, остался, и собрания Исполкома наполнились треском меньшевистских речей. Эта коалиция и представительство меньшевиков в Исполкоме вызвали в нашей организации сильное недовольство против «соглашательского Горисполкома», в президиуме которого были—Гоба (председ.), Бреслав (тов. председ.) и я. Скоро глухое недовольство перешло в открытую агитацию против нас, в особенности против Гоба, которого считали главным виновником коалиции в дни наступления немцев. Наша группа решила несколько успокоить оппозицию—заменили Гоба Бреславом, выбрав последнего председателем Горисполкома. Гоба же пошел работать в Отдел Городского Хозяйства, оставшись товарищем председателя.

Но это не предотвратило столкновения. В вопросах внутренней политики противники «тройки» держались приблизительно следующих взглядов: продолжая кавалерийские набеги на капитал, держать руль на немедленную социализацию всего. Их не удовлетворял диктуемый обстановкой переход к органической, неизбежно будничной работе по закреплению достигнутого и подготовке дальнейших шагов. Короче, их не удовлетворяла программа, развитая Лениным в докладе «Очередные задачи Советской власти» во ВЦИК 27-го апреля. Ленин требовал остановки наступления на капитал, т. к. всеобщая национализация без предварительной подготовки грозила провалом. Но такая политика была «сера», «не интересна», а широкие натуры «левые» были романтиками и поэтому

рвали и метали на нашу соглашательскую работу и отсутствие в нас революционности [1]).

Первое столкновение произошло по вопросу о контрибуции. Входит как-то в комнату президиума Губисполкома зав. Финотделом Зиро и рассказывает: он и комиссар банков Пикман решили созвать на ближайшую пятницу наиболее богатых буржуа под каким-то деловым предлогом, потом их всех арестовать и предложить выкупиться за шесть миллионов. Горисполком в это время проводил чрезвычайный налог на буржуазию, который уже начал поступать в кассу городского хозяйства. Из принципиальных и практических соображений мы резко запротестовали, мы говорили: 1) если мы организовались, как государственная власть, то необходимо от партизанско-анархических налетов перейти к планомерным организованным действиям. Головотяпство только скомпрометирует Советскую власть. Подобные меры возможны только в самом крайнем случае, какового нет на лицо; 2) тем более нелепо предложение Пикмана, что революционный налог нами успешно проводится в жизнь, контрибуция только сорвет налог. Кроме резкого протеста, мы приказали Пикману приостановить свои намерения, угрожая в случае неисполнения арестом. Пикман перенес вопрос в Губком. Товарищи увлеклись идеей Пикмана. Крылов, Меницкий поддержали его, но все же голоса в Губкоме разделились поровну и никакой резолюции вынесено не было. Собираем для решения вопроса общепартийное собрание. Латышская секция пришла на него чуть ли не в полном составе. Начались прения, и очень жаркие [2]). Голосование дало нам победу: латыши, как один человек, подняли руки за нашу резолюцию; однако Крылов заявил, что оставляет за собою свободу борьбы за свою резолюцию. На этом собрании наша группа сделала ошибку: получив большинство, надо было переизбрать Губком и пригрозить репрессиями за неподчинение резолюции. Мы этого не сделали. И жестоко поплатились после.

Во время обсуждения вопроса о контрибуции в Горисполкоме Крылов неожиданно берет слово и, несмотря на голосование в парторгани-

---

[1]) Авторитарная ссылка на доклад Ленина едва ли уместна. «Романтиком» немного позже оказался и Ленин, декретировавший и социализацию и чрезвычайный налог (контрибуцию) на буржуазию. У нас в Витебске это проявилось несколько раньше потому, что мы являлись пограничной губернией с фронтовой полосой, разрезавшей губернию пополам, имея вооруженного врага почти у ворот Витебска. Это ускорило наступление у нас периода «военного коммунизма». Позднее, когда вся Р.С.Ф.С.Р. должна была превратиться в вооруженный лагерь, эта самая «романтика» естественно охватила всю Р.К.П. Бытие определяло сознание. Ред.

[2]) За день до общего собрания, не поставив в известность Губком, т. Гоба созвал собрание Латышской организации, где в течение нескольких часов убеждал т. латышей в правильности проводимой «тройкой» линии и навязал свою резолюцию, за которую они и вынуждены были голосовать, «как один человек», на общем городском собрании коммунистов. Ред.

зации и во фракции, начинает развивать свою «левую» позицию. Это было явным нарушением партдисциплины и шагом к расколу. Мы подняли перчатку. Бреслав обрушивается на оппозицию громовою речью, в которой изложение наших взглядов пересыпает целым каскадом эпитетов, вроде «горе-левые», «головотяпы» и пр. В прениях выступают Меницкий (за контрибуцию), Гоба и я. Все речи носят очень резкий характер. Меньшевики, конечно, присоединились к нашей позиции и явно радовались расколу. Заседания Исполкома были публичные, и в этот раз набралось так много народу, что пришлось перейти из комнаты президиума в Золотой зал. На этот раз в Исполкоме мы победили.

В городе этот раскол вызвал сенсацию. На очередном заседании Совета (он заседал каждую неделю) при докладе Исполкома разгорелись прения. И снова большевики на потеху и меньшевикам, и обывателям с необыкновенною резкостью нападали друг на друга. Особенной резкостью отличались столкновения между мной и Крыловым. Доходило до того, что на публичных собраниях я, стуча тростью изо всей силы по столу, обзывал его «бонапартом», «генералом на белом коне». Война разгоралась во всю, озлобление росло.

В заседаниях Совета «левые» потерпели поражение. Скоро, однако, они взяли реванш. После известий о расстреле рабочей демонстрации меньшевиками в Тифлисе, «левые» на заседании Исполкома предложили изгнать меньшевиков из Совета. «Тройка» резко высказалась против подобного шага. В своих речах мы развивали теорию Советского демократизма. Поскольку соглашательские партии отражают известные слои рабочих, они должны быть в рабочем Совете. Всякий рабочий, даже отсталый, лишь бы не контр-революционер, должен чувствовать себя полным хозяином в Совете. Не нравятся нам меньшевики,—мы должны путем агитации добиться их переизбирания. Если в силу отсталости все же выбирают меньшевиков, то гнать их нельзя, кроме как в случае прямой контр-революции.

Вопрос был снова перенесен в Губком. Там снова голоса раскололись. Опять созываем общее собрание. Латыши вновь все в сборе, но вдруг с изумлением видим: валят красноармейцы. В чем дело? Новые члены, оказывается. В промежутке между двумя собраниями «левые» не дремали и вербовали в партию красноармейцев. Сделать это было легко: секретарем была Шейдлина, стоявшая за «левых». Это была явная «подсыпка». Протестуем, «левые» развивают демагогию: Красная Армия, борцы за революцию и пр. При голосовании латыши не посмели голосовать против Красной Армии [1].

---

[1]) Обвинение т. Костериным в «подсыпке»—не основательно. Порядок приема новых членов партии не давал возможности быстро «навербовать» своих сторонников, в виду того, что вступить в организацию можно было только через ячейку и по рекомендации двух старых членов партии. Латыши голосовали за «левых» не потому, что, якобы, «не посмели» голосовать против Красной Армии, потому, что поняли гибельность соглашательства и ошибочность своей прежней позиции. Ред.

М. Костерин.

Начинаются прения с необыкновенной страстностью и силой, с выступлением все тех же персонажей—Меницкого, Крылова, Пикмана, Гоба, Бреслава и Костерина. Ставятся на голосование резолюции. И неожиданно наша опора—латыши—голосуют против. Мы проваливаемся. «Левые» мигом воспользовались моментом. Сейчас же предложили переизбрать Губком. При избрании они провели свой список целиком, не пустив в Губком ни одного из нас. Мы были разбиты. Но мы не сдались. На этом собрании атмосфера так сильно накалилась, что Бреслав, вскипев, заявил: —«Я—старый большевик, не могу быть в такой специфической организации и выхожу из нее». И сейчас же покинул собрание. Гоба заявил о присоединении к Бреславу и тоже ушел. Я остался, сказав: «Помня о партийной дисциплине, я не могу последовать примеру своих единомышленников, но на основании прецедента с Крыловым, я также заявляю об оставлении за собой свободы борьбы как внутри партии, так и вне». В ответ посыпались угрозы. Однако в Исполкоме мы провалили резолюцию «левых», не подчинившись партии.

В Исполкоме мы имели большинство [1]). И вот собирается пленум совета. Бреслав, открывая собрание, предлагает президиум на собрании в таком составе: Гоба, Костерин, от имени «левых» выдвигается Крылов. Мы ведем себя публично, как враждующие партии. Происходит голосование, Председателем собрания избирается Крылов. «Левые» победили,—дальнейшее предрешено. Доклад Исполкома не получает одобрения. Ставится вопрос о переизбрании Исполкома. «Левые» проводят резолюцию не допускать меньшевиков в Исполком, меньшевики с протестом покидают собрание. За ними уходит чуть не половина рабочего Совета. Об'является заседание фракции большевиков. Мы на фракции заявляем о невозможности выборов в такой обстановке. Нас не слушают. Мы делаем заявление, что не признаем Исполком, если его выберут сейчас. В ответ—крики, шум. Мы покидаем собрание: Бреслав совсем, я и Гоба стоим за перилами и наблюдаем. Уход меньшевиков и части большевистской фракции взвинтил настроение оставшихся. Под пение Интернационала они, выбрав Исполком, разошлись.

* *

На другой день мы с Бреславом сидим в президиуме. А в это время в другом конце здания в маленькой комнате происходит заседание нового Исполкома. Новый президиум—Крылов, Чешейко-Сохацкий—являются к нам и предлагает сдать дела. Я вскакиваю: «Нет, зовите штыки, как вы хотели». Крылов на это:—«И позовем». Бреслав успокоил нас обоих и стал сдавать дела.

---

[1]) Большинство в Исполкоме они имели потому, что меньшевики и другие соглашатели поддерживали «тройку». Ред.

Вскоре приехал Пинсон с мандатом от ЦК расследовать склоку. На заседании Губкома в нашем присутствии начинается обсуждение вопроса. Вначале обе стороны горячились, но после прочувствованной речи Пинсона о положении Республики, о падении форта Ино, склочничество отлетело в сторону. Я произношу патетическую речь. У всех создается повышенное настроение. Забываются разногласия и мы вновь—единая семья. Подымается даже вопрос, чтобы нам вновь стать на работу, но это было уже невозможно. Мы просим разрешить нам уехать. Губком голосует и соглашается на наш от'езд. Через день—два я прощаюсь с друзьями и с Пинсоном, еду в Москву. Так закончилась эта шумная борьба.

С. Крылов.

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ.

Этому весьма интересному явлению посвящено много внимания и места в помещенных в настоящем сборнике статьях т.т. Бреслава, Костерина и Гоба.

В настоящей заметке мы решили также осветить наши разногласия. Задачу облегчают статьи указанных товарищей, особенно серьезная, наиболее об'ективная статья нашего уважаемого т. Бреслава.

Прежде всего необходимо сказать пару слов о соотношении сил и политической обстановке в начале 1918 г., когда фактически начались наши разногласия. Здесь мне приходится мало добавить к той характеристике, какую дали в своих статьях товарищи. Верно, что «меньшевики и эс-эры имели бесспорное и неограниченное влияние на всю рабочую массу ремесленников города». Верно, что город Витебск являлся «мещански-обывательски-ремесленным» [1]).

Верно также, что в г. Витебске не было крупной и средней промышленности, а следовательно и индустриального пролетариата. Верно, что рабочие ремесленники—кустарных и полукустарных предприятий представляли из себя мелко-буржуазно настроенную массу.

Правильно пишет т. Бреслав:—«было вполне естественно и понятно, что в этом мещански-обывательски-ремесленном городе большевистская организация опиралась на солдатскую массу», и добавляет, что крупная фабрика «Двина» и железнодорожные мастерские также служили опорой большевизма. Я только расшифрую понятие «солдатской массы». Какая солдатская масса служила базой большевистской организации в Витебске? Это были квалифицированные мобилизованные питерские, московские, колпинские и др. рабочие, работавшие у станков в таких войсковых частях, как: 1) фронтовой 4-й авационный парк, 2) фронтовые, тыловые артиллерийские починочные мастерские, 3) интендантская обозно-починочная мастерская, 4) инженерные дружины (целых четыре), 5) саперные роты, 6) мостовые команды, 7) фронтовые швальни, 8) хлебопекарни и другие

---

[1]) Все взятое в кавычки цитирую по ст. т. Бреслава, как наиболее ценной для нас, потому что он был лидером «тройки».

инженерные и технические части фронта. Рабочих, одетых в серые шинели, в этих «войсковых частях» насчитывалось не менее семи-восьми тысяч.

Так что Витебская организация большевиков находилась в счастливейших условиях, опираясь на пролетарскую базу технических частей, пролетариат железной дороги и крупной фабрики «Двина».

При такой обстановке мы, конечно, являлись решающей силой в Витебске. Больше того, тот-же т. Бреслав пишет, и вполне правильно, что «на первом губернском с'езде Советов батрацкая группа и группа рабочих, которые побывали по несколько лет на питерских фабриках и заводах, имели преобладающее значение», дальше, что «меньшевики и эс-эры (правые) не пытались даже выступать на этом с'езде, так раскалена и так бурно-враждебна к ним была атмосфера на нем», и дальше, что резолюция по текущему моменту была принята наша, что по земельному, острейшему, вопросу, в борьбе между кулаками, середняками и батраками «руководящий центр (Губком) нашей партийной организации одержал полную победу» и что, наконец,—«мы организовали бедноту губернии и получили в ее лице моральную и материальную опору».

Ясное дело, что на этом с'езде и Губсовет был избран под руководством нашей партии. Из 65 членов 55 были большевики и среди них было порядочное ядро рабочих—солдат, просто рабочих и ответственных партийцев. Против нас были «семь хитрых партий» (говорили тогда, что в Витебске каждый хитрый человек организовал свою «партию»): 1) С. Р. Д. Р. П. (меньшевиков), Бунд; 2) эс-эры; 3) эн-эсы; 4) Поалей-Цион; 5) об'единенная соц. еврейская рабочая партия; 6) сионисты; 7) анархисты и другие мелкобуржуазные националистические группы (белорусская, польская). Все они опирались на буржуазию, мелкую буржуазию и мелко-буржуазно настроенных ремесленников-рабочих. Никаким влиянием в войсках и среди рабочих крупных предприятий они не пользовались. Организации эти внутри раздирались противоречиями, были очень слабо организованы и блистали отсутствием внутри-партийной дисциплины и решительности.

Картина соотношения сил и политической обстановки вполне определенная. На этом фоне вдруг возникают разногласия в самой большевистской организации.

Где-же корни этих разногласий?

Действительно-ли верно, что разногласия произошли потому, что одна группа активных большевиков опиралась на крестьянские массы, а другая на рабочие. Ерунда! это фактически не верно. Всякие экивоки в сторону якобы кулацкого Губсовета, «хозяйчиков-крестьян» и т. п. штучки, это не больше не меньше, как перепевы меньшевистских басен. Губсовет руководился пролетарским ядром, и эти разговоры надо отбросить в сторону, как явно непригодные.

Разногласия произошли на почве различного понимания тактики.

Ленин на третьем с'езде картинно определял нашу тактику после того, как мы возьмем власть в свои руки:—«Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью. Одно из двух: или взять крепость, чтобы удержать ее, или не итти на приступ и заявить, что хотим только малое местечко около крепости».

Разногласия наши начались с момента созыва товарищами из Горисполкома (Тройкой) всех «живых сил» города во время наступления немцев. Т. Бреслав пишет: «было созвано совещание из меньшевиков, эс-эров, Губпрофсовета (меньшевистского) и т. п.». А фактически на собрание, кроме них, были приглашены и явились все земские и думские деятели, весь цвет буржуазной цензовой общественности. И на этом собрании, в момент, когда наступали немцы и нужны были напряжение всех наших сил и полнейшая пролетарская, диктаторская дисциплина,—под руководством «благоразумных» большевиков идут горячие прения о передаче власти нашим врагам еще до захвата города немцами. Удивительная тактика! Вместо организации обороны, товарищи занялись вопросом организации приемлемой для немцев власти.

Помню, когда ко мне в Революционный Штаб пришел т. Меницкий и подробно рассказал про это демократическое собрание—мы сразу-же решили взять самый твердый курс и совершенно не прислушиваться к «мудрым» советам, которые будут нам пытаться давать мудрые большевики из губернаторского дома.

С этого знаменитого собрания «живых сил города» фактически и начался раскол нашей организации. Дело не в контрибуции и не в социализации недвижимостей. Эти вопросы не являлись главной причиной разногласий, не смотря на внешнее проявление страстности именно при их разрешении. Также по вопросу о Брестском мире, несмотря на то, что некоторые товарищи придерживались теории Бухарина по данному вопросу (из них-же первый я грешный,—каюсь), как совершенно правильно указывает т. Бреслав, «не было стремления раскалывать организацию».

Вся соль расхождения заключалась в нашем отношении к формальной демократии, к мелко-буржуазным партиям, буржуазии.

Наша платформа сводилась к следующему:

2) Мы взяли власть в прифронтовой полосе, немцы отрезали у нас Двинский, Полоцкий, Люцинский, Дриссенский, Дисненский и Режицкий уезды—половину губернии—и фронтом шли, а потом стали вблизи Витебска. По губернии имелись еще части польских легионеров, руководимые офицерами генерала Довбор-Мусницкого. Положение нашей губернии было буквально военно-осадное.

3) В этих об'ективных условиях, характерных для периода военного коммунизма, само-собой напрашивалась твердая диктаторская тактика. И мы

требовали: изгнания из Совета и Горисполкома меньшевиков и эс-эров (там были представители всех семи «хитрых» мелко-буржуазных партий), которые пошли в Совет, дабы взорвать его извнутри, и ослабления экономической, а следовательно и политической мощи буржуазии.

4) Нужно вести последовательную революционную политику, отнюдь не приспособляясь к настроениям и требованиям местных ремесленников-рабочих, обрекая себя на известную временную оторванность от большинства местной рабочей массы, имея ввиду, что своей последовательностью и решительной борьбой с буржуазией и демократическими партиями мы постепенно привлечем на свою сторону местных рабочих, и их мелко-буржуазные иллюзии будут изжиты.

5) Спешно организовать красную армию и вопросы обороны выдвинуть на первый план, подчинив этой задаче остальные.

Тов. Бреслав и тов. Костерин держались других взглядов, которые нашли отчасти свое выражение в резолюции, предложенной ими общему собранию нашей организации 28 марта 1918 г., где в первом пункте говорится, «за четыре с половиной месяца Советская власть во всей стране окончательно укрепилась». В последующих пунктах говорится о первоочередной задаче организации хозяйства при посредстве всех рабочих организаций, о необходимости завоевать доверие широких масс и вкладчиков капиталов к нашему финансовому аппарату. Ярко козыряя марксистской терминологией, резолюция защищает буржуазию от контрибуции, которую хотел наложить Губсовет.

Костерин в своих воспоминаниях говорит, что «тройка» стремилась к широкой демократии в Советах и допущению в Исполкомы представителей рабочих хотя-бы и меньшевистски настроенных. Как в оценке положения, в котором находилась губерния и город, так и в тактике наметились расхождения, и вполне естественно, разгорелась внутри-партийная борьба между соглашательской группой «благоразумных и всеми уважаемых большевиков» (см. ст. тов. Бреслава) и «левыми» большевиками.

Для полноты картины помещаю полностью письмо тов. Гребеника, последовательнейшего из большевиков того времени (редактора наших «Известий» в 1918—1919 г.г.). Письмо было послано Борису Пинсону из Витебска 20 апреля 1918 г., в самый разгар разногласий[1]).

«Дорогой Борис. Шлю тебе привет от Витебских коммунистов. Твои поклоны мне своевременно передались и я очень извиняюсь, что до сих пор письменно не засвидетельствовал тебе своей благодарности за товарищескую память и внимание.

У нас в Витебске образовалось почти вскоре после твоего от'езда соглашательское болото, которое в последнее время стало просто невыносимым.

---

[1]) Письмо хранится в Губистпарте.

Это создает крайне тяжелую атмосферу для людей.

Наши горе-большевики во время немецкого наступления на Витебск так перетрусили, что решили живот свой спасать бегством, и чтобы сохранить для населения Советы, пригласили в Исполнительный Комитет от каждой меньшевистской партии по одному представителю. Таким образом И. К. был мирно завоеван оппортунистами. На этой почве возник конфликт между местным и Губ. Советом. (Последний почти чисто крестьянский—ура—большевитский—не мог равнодушно отнестись к позорному поведению местного Совета). Меньшевики, опираясь на данное им огромное представительство в И. К., провели с большим искусством мобилизацию своих сил, и хотя в Совете большинства своего еще не имеют, но уже могут влиять на работу Совета, как хотят. Получилась в местном Совете пробка, через которую ни вперед, ни назад не выскочишь. В будничной работе скрипит бюрократическая машина, а во время «заседаний» меньшевики и наши «соглашатели» (таковых уже подавляющее большинство из советских коммунистов) громоздят всякую вермишель, упорно оттирая назревшие важные вопросы, и состязаются в «красноречии». При этом на одного коммунистического оратора приходится 6 меньшевистских. Прямо хоть умирай без покаяния.

Губернский Совет пробовал как-нибудь всколыхнуть болото городского Совета, но он у нас народ слишком малограмотный, деревенский, и меньшевики из местного Совета быстро придумали противоядие для его намерений. Они начали муссировать слухи об антисемитизме членов Губернского Совета, дабы вызвать враждебное к нему отношение еврейских рабочих и одновременно такое-же взаимодействие с противоположной стороны.

Политика была задумана опытными демагогами, проведена с большим искусством и уже дала плоды. Выход только один: изгнать из местного Совета меньшевистскую клику. Губернский Совет, наша коммунистическая партия и красноармейцы так и решили. Но с этим не соглашались наши верхи: Гоба, Бреслав, Костерин и еще некоторые, и образовали в нашей партии свою партию, которая находится на поводу у меньшевиков. Почувствовав нашу слабость, меньшевики решили разогнать Губернский Совет, но пока решили сделать перевыборы в местный Совет, надеясь собрать меньшевистское большинство. На это шансов у них довольно много, ибо некому против них вести кампании. Я с Меницким пробовал вести, но меня изобличили в «противосоветской» агитации и постановили отозвать из Губ. Совета и Редакции. Потом, впрочем, переложили гнев на милость и только «строгий» сделали выговор и запрещение писать что-нибудь против Совета.

Если выборы в местный совет дадут преобладание меньшевикам, то придется его разогнать и больше ничего.

Губернский Совет будет переизбран 1 мая (уже назначен на это число Губ. С'езд). Крестьяне дадут большевиков, хотя наверно опять малограмотных.

Как пойдет дело—вскоре выяснится. Но на эволюционные пути надежд мало.

С продовольствием в Витебске очень туго. Это отталкивает от нас рабочих, т. к. меньшевики этим весьма умело пользуются для своей противобольшевистской агитации. Нужны решительные меры, а для этого и решительные люди, а у нас вверху засела партийная бюрократия и больше всего заботится о том, чтобы их положение не колебалось. Ну, довольно об этом.

Нам нужно из всех мелких Витебских типографий составить одну солидную типографию для книгопечатания и цинкографию при ней. Я посылаю пока Сталёвкого на разведку в Совет технического хозяйства. Посодействуй там ему, чем можешь. Твой В. Гребеник».

Почему-же «тройка» пошла на поводу у местных меньшевиков и довела дело до раскола в организации? Я лично об'ясняю это следующим: т. Гоба—не был большевиком, он был и по психологии и по тактике меньшевиком, это подтверждается и т. Костериным в его воспоминаниях, это-же подтверждается и тем фактом, что через два дня после Октябрьского певеворота, когда все большевики буквально валились с ног от беспрерывной титанической работы, Гоба вдруг скрылся и пропадал целых десять дней неизвестно где и, явившись вновь, весьма неохотно принялся за работу. Таким образом у Гоба было полное «родство душ» с местными меньшевиками.

Тов. Бреслав—старый большевик, но в то-же время и старый Витебский кожевник, всем известный и всеми уважаемый. Он неизбежно, в силу своих прежних связей, подпал под общее настроение мелко-буржуазно настроенных тогда рабочих-ремесленников и это накладывало на его деятельность соглашательский отпечаток.

Тов. Костерин—большевик-интеллигент, очень горячий парень с настроением, был послан организацией для работы в самую гущу коренной Витебской массы и там получил соответствующее настроение. Помимо того, на него сильное влияние имели т.т. Бреслав и Гоба.

При наличии подобных влияний мелко-буржуазной атмосферы на «троицу», весьма понятно, что они правильно не оценивали обстановки («Сов. власть окончательно укрепилась (?), нужно завоевать доверие широких масс и вкладчиков капиталов» и т. п., музыка современных условий НЭП'а) и считали возможным и нужным переход к развернутой форме пролетарской демократии. «Левые» трезво учитывали обстановку, и хотя не знали, что в Витебской губ. уже наступил период «военного коммунизма» (этот термин появился недавно), но представляли себе некую

другую форму, но отнюдь не развернутую демократию; они не могли примириться с «малым местечком около крепости», и все силы прилагали к тому, чтобы безоговорочно стать во главе крепости и удержать ее, ясное дело, применяя «крепостную» тактику. Сколько бы ни старались оправдаться товарищи, они не могут опровергнуть основного положения, что фронтовая губерния раньше всей остальной Р. С. Ф. С. Р. вступила в период военного коммунизма. В этом полное об'яснение наших разногласий.

Мне не приходится останавливаться на анализе громадного вреда, принесенного нашей организации этим расколом: и т. Бреслав и Костерин на этом подробно останавливаются.

Мне хотелось бы для иллюстрации привести одно место из статьи т. Бреслава, а именно: «Приходилось тогда слышать от лучших рабочих речи, пущенные в оборот умными реакционными пройдохами, в надежде, что их будут повторять честные дурачки, выкрики вроде следующих: «Вы жандармы, вы арестовываете социалистов, вы авантюристы» и т. п.

В разгар разногласий на публичных, открытых больших собраниях нам, противникам соглашательства, к сожалению, «приходилось тогда слышать» от наших-же товарищей по партии—«честных большевиков» выкрики вроде следующих: «Вы головотяпы, зубодробилы, авантюристы, бонапарты» и т. п.

Пройдохи меньшевики и эс-эры аплодировали нашим товарищам, выступавшим против нас с такими речами.

Ясно, что при таком положении вещей «тройка» в Витебске оставаться не могла и в июне 1918 года должна была уехать в Москву [1]).

Организация быстро оправилась. Начавшаяся гражданская война внесла дисциплину и твердость в ее ряды, слабые элементы частью отошли сами, частью были выброшены из организации. Искусственно задержанное развитие «военного коммунизма» развернулось во всех направлениях.

Наступили суровые дни, наложившие на партийную организацию суровый военный отпечаток.

---

[1]) Тов. Бреслав вскоре проявил себя как твердокаменный большевик на посту председателя Московской Чека и Начальника Особого Отдела Кавказского фронта. В данное время он является пом. Командующего войсками Московского Военного Округа и ведет партийную работу при Московском К-те партии.

Тов. Костерин также вскоре пошел на фронт, где работал в политических организациях в течении почти всей гражданской войны. Теперь учится в Институте Красной Профессуры.

М. Костерин.

РАБОЧАЯ СЕКЦИЯ.

Обстоятельства, при которых зародилась рабочая секция Революционного Совета в Витебске, характер ее работы представляют громадный интерес в качестве примера для иллюстрации нашей рабочей политики после переворота. Поэтому считаю необходимым поделиться с читателями сборника своими воспоминаниями по этому вопросу.

Я сначала работал в судебно-следственной комиссии; она так энергично развернула свою работу, что стала заниматься не только судебными делами. Частенько Ревком, не зная кому сунуть дело, поручал его нам. То же было и с делом строительных рабочих. Их делегация жаловалась, что Центр. профсовет не может им помочь в борьбе с предпринимателями. Я без долгих разговоров взялся за это дело, понимая, что хороший исход нашего вмешательства толкнет строителей и др. рабочих в нашу сторону. Строители бастовали, подрядчик не уступал. Выдержать долго забастовку они не могли, а Центр. профсовет был бессилен сделать что-либо с предпринимателем. Я до этого никогда не занимался профессиональными вопросами, однако, думая, что не боги горшки обжигают, смело взялся за дело. Тактика моя была проста: разобраться в конфликте детально, вынести решение и заставить подчиниться обе стороны, употребляя весь авторитет и силу власти. Центр. профсовет негодовал на мою тактику, считая, что она развращает рабочих. Выслушав делегацию, вызываю предпринимателя. Он об'ясняет, что уступить не может: подряд казенный, все учтено заранее; согласиться на требования рабочих он может лишь в том случае, если учреждение увеличит плату за подряд и ему. Разобрав его договор с учреждением и требования рабочих, я единолично (комиссия в целом рабочими делами не занималась) предложил уплатить за забастовочные дни и выполнить требования рабочих, кажется, несколько уменьшенные мною. Предприниматель—на дыбы. «Тогда немедленный арест», без всяких околичностей заявил я. После долгих препирательств ему пришлось подчиниться. Конечно, рабочие были в восторге. И одним ударом союз был вырван у соглашателей.

Следующие были официанты. На безрыбье и рак рыба, я был и им рад. Их представители, слащавые, чистенько одетые официанты заявили,

что администрация кафе «Чашка чая» не желает принимать на службу членов Профсоюза, а держит каких-то барышень, чуть ли не из так называемого общества. Эта «Чашка чая» принадлежала какому-то благотворительному обществу, которое обслуживало его своими членами. Во главе общества стоял казачий офицер Гнилорыбов. Вызываю его повесткой. Тот все жалобы официантов подтверждает. Я предписал обществу уволить барышень и принять членов союза. Гнилорыбов дал согласие, но дня через два приходят опять официанты и жалуются: когда они пришли ставить членов союза на работу, Гнилорыбов выгнал их чуть не в шею, прибавив несколько ругательных слов по адресу судебно-следственной комиссии. В один момент решение готово: арест Гнилорыбова. Однако, через пару часов пришли сконфуженные солдаты и сообщили, что Гнилорыбов скрылся, как оказалось, на Дон (пресловутый Гнилорыбов, недавно арестованный сподвижник Савинкова). После сообщения о бегстве сажусь и пишу постановление конфисковать кафе «Чашка чая» и передать в ведение союза. Выполнение было поручено самим официантам. Те с радостью взялись за дело. Все это я проделал единолично, без Совета, Исполкома и даже не посоветовавшись ни с кем. Конечно, мой образ действий был всеми товарищами одобрен.

Через некоторое время возник новый конфликт, опять у официантов. По разборе дела также пришлось национализировать ресторан. Но здесь не обошлось без скандала. Ночью из под печати хозяин выкрал часть имущества—жалко было даром отдавать—и скрылся. Впрочем, скоро он появился и союз с ним помирился. Было еще несколько конфликтов, в которых благодаря власти и силе совета удавалось быстро удовлетворить рабочих. Такая решительная тактика привлекала симпатии местного пролетариата. Несмотря на анафемы Центр. профсовета, рабочие шли к нам.

Я бросил совсем судебные дела и занялся рабочими. На собрании рабочих делегатов совета, которых набралось уже достаточно, было решено считать себя рабочей секцией совета.

Президиум же рабочей секции должен был выполнять функции отдела труда. Я был избран председателем секции. Так родилась рабочая секция. Количество делегаций к нам по конфликтам и разным рабочим делам было огромно. Появлялись почти из всех профсоюзов. Приходилось иметь дело и с заводом «Новкой», «Двиной», с кожевниками, приказчиками, щетинщиками и пр. Подчас, несмотря на скоропалительную и решительную тактику, приходилось попадать в трудные положения, в особенности при конфликтах в мелких предприятиях. Пришли раз рабочие из крошечного заведения фруктовых вод. Предприниматель, смирный, улыбающийся жалко человечек заявил: «платить нечем, все стоит давным давно». Я его посадил под арест, он с покорной улыбкой подчинился. Сидит, а все же не платит. Пришлось выпустить без всякого результата. Затрудне-

С. Шейдлина.

ния создавались тем, что большинство союзов при увольнении рабочего требовали компенсации за все время эксплоатации. В таком духе было несколько постановлений с'ездов, даже Всероссийских, некоторых профсоюзов. Иному рабочему приходилось платить лет за 20 его службы, так что получался порядочный куш.

Увлечение подобными расплатами показывает, что мелко-буржуазные тенденции были сильны в ту эпоху. Правда, по большей части, мы подобные требования целиком не удовлетворяли, но кое-кому все же достались изрядные куши. Вследствие этого были нездоровые явления. Кое-где стали нарочно вызывать предпринимателей на конфликт, надеясь получить солидную сумму при увольнении. Были попытки и прямого шантажа. Получаю заявление одного мастера-квасника, служившего на одном пивном заводе. Кроме недоплаченной заработной платы он требовал еще и процентов. Вызвал фабриканта, тот пришел. После разбора заявляю обеим сторонам: «Помните, что подчинение решению должно быть безусловным». Фабрикант, бледнея, согласился. Это был так называемый культурный фабрикант. Решение было—удовлетворить истца за недовыплату жалованья, но в процентах за несколько лет, а это составляло большой куш, отказать. Истец, кстати бывший в шикарной лисьей шубе, взбеленился и отказался совершенно от следуемой суммы. Фабрикант после мне сказал, что его бывший мастер занимается теперь спекуляцией, хотел использовать Совласть, сорвать несколько тысяч и расширить свое дело. Несмотря на такие казусы, все-же главные конфликты имели обычный в профдвижении характер и разрешались нами с такою твердостью и силой, что популярность рабочей секции росла и росла. Число рабочих делегатов в секции, а следовательно и в совете, увеличилось.

Тем самым меньшевистский совет превращался в фикцию и меньшевики принуждены были заявить о его роспуске и о признании рабочей секции, как единственного представительства рабочих.

Вслед за этим появились меньшевики и в совете. Это была большая моральная и политическая победа.

Но зато заседания совета наполнились треском речей многочисленных представителей социалистических партий. Начались настоящие парламентские бои. Но мы не ограничились этой победой. Стали являться на заседания Центр. профсовета и образовали свою фракцию. Однако прямая атака Центр. профсовета была трудна, т. к. он составлялся из членов правлений всех союзов. Мы начали обходное движение. Созвали общегородскую конференцию фабрично-заводских комитетов и организовали центральный совет фабзавкомов. Председателем его был избран я, тов. председателя один щупленький, рыжевато-белый левый эс-эрик. Меньшевики проворонили организацию Ц. С. Ф. З. К. Собравшись на конференцию, фабзавкомы были почти все на нашей стороне. Выступление какого-то

меньшевика не встретило сочувствия. Это уже указывало на настроение низов.

Меньшевистские правления союзов держались по традиции. И то мы скоро низвергли меньшевистское правление у кожевников, конечно, не без боя.

Во время пребывания на III с'езде советов в Питере я получил инструкции по проведению рабочего контроля, которые наш Ц. С. стал довольно энергично проводить по всем фабрикам и заводам.

Нельзя здесь не указать, что некоторые предприниматели очень ловко пользовались рабочим контролем для выуживания денег из банков. Приходилось без конца инструктировать места, а т. к. у нас не было совершенно людей, кроме одного секретаря (тов. председателя скоро куда-то исчез), то мне самому приходилось быть и инструктором и всем, чем угодно.

К сожалению, товарищи из Губкома мало обращали внимания на эту организацию и не давали Ц. С. работников. Тогда еще с нашей стороны профессиональная работа была уже заброшена.

Приняла участие рабочая секция и в организации рабочего кооператива. Была нами организована и столовая для рабочих. Ее открыли очень кстати, в самое голодное время. Правда, за отсутствием людей, пришлось и организацию дать с. р.,—членам рабочей секции, которые и насадили в столовую своих людей.

* * *

Долгое время в рабочей секции работал я один, даже без секретаря. Потом секретарем был назначен Писманик, талантливый, подвижной юноша, почти мальчик.

После, когда я отвлекался работой в Президиуме Горсовета, Губисполкоме, Отделе Городского Хозяйства, работа секции велась почти одним Писмаником, я заглядывал изредка. Одно время работала Бодрицкая, но это уже к весне 18 года.

Вся огромная работа секции по сплачиванию рабочих вокруг совета и привлечению их на нашу сторону была проделана фактически одним—двумя работниками.

Москва, 1 октября
1922 г.

С. Крылов.

ВОЕННАЯ РАБОТА

(1917—1918 г.г.).

Гарнизон.

Северный фронт перед октябрем кипел в огне революционного энтузиазма. Двинск—база важнейшего участка фронта—имел штаб пятой армии, с многочисленными тыловыми учреждениями и техническими армейскими частями (броне-части, инженерные, саперные, понтонные, противогазовые части, военные типографии, мастерские, швальни, хлебопекарни, транспорты, строительные отряды и т. п.). Там-же находился и знаменитый Армиском 5, внутри которого начался быстрый процесс перерождения из соглашательского в большевистский (начали работать т.т. Склянский, Седякин и др.). В 50—60 верстах к западу от Двинска мрачные, угрюмые окопы, где время от времени происходило братание наших солдат с немцами. Окопы охвачены духом революционного под'ема, с одной стороны, и неудержимым стремлением «по домам», к родной земле—с другой. А на восток по прямой железнодорожной линии лежал Витебск, имевший тогда не только значение глубокого тыла 5-й армии, но и вообще стратегического тыла Северного фронта, как узел линий, связывающих Витебск с Петроградом, Ригой, Полоцком, Двинском и Могилевом.

Всякого рода фронтовые учреждения, промежуточные базы фронтового снабжения, резервы чрезмерно наполняли Витебск. Перед октябрем здесь квартировали: 1) Штаб Двинского Военного Округа с рядом подсобных учреждений и с резервом офицерских чинов фронта, весьма многочисленным; 2) окружное интендантство с огромными вещевыми складами, швальнями, хлебопекарнями, обозно-починочными мастерскими, транспортами и др. подсобными частями; 3) Военно-окружный суд; 4) Виленское офицерское экономическое о-во с офицерским собранием и солидными мастерскими; 5) 12-я инженерная бригада; 6) 5-е тыловые артиллерийские мастерские; 7) передовой артиллерийский запас; 8) 7-й запасный артиллерийский дивизион; 9) 19-й Драгунский Приморский полк; 10) 14-й Уланский Татарский полк; 11) 93-я бригада ополчения; 12) 145-й этап; 13) 4-й авиационный парк; 14) Сибирский запасный саперный баталион; 15) Двинская караульная команда; 16) Виленский караульный полк; 17) мостовые

команды; 18) строительные команды управления по квартирному довольствию войск; 19) минометно-бомбометные команды; 20) сотня казаков; 21) типография Штаба округа; 22) техническая команда при заразных госпиталях и много других мелких специальных технических, санитарных и обслуживающих военных частей, учреждений и заведений.

Всего в Витебске скопилось свыше 40.000 военных. Гарнизон по настроениям и симпатиям резко делился на две части. Штабы и учреждения, где преобладал офицерский и военно-писарский состав, служили верной опорой меньшевиков, эс-эров и других мелко-буржуазных и буржуазных партий; технические части, где преобладали квалифицированные рабочие (а их было большинство) и строевые части с крестьянским элементом были настроены большевистски. Исключение составлял 7-й зап. артдивизион, где было очень много маменьких сынков—вольноопределяющихся. Эта часть находилась под влиянием эс-эров, хотя там тоже была небольшая группа большевиков.

Губком в это время по своему составу был почти исключительно из военных. Только три члена Губкома не были связаны с армией. Остальные же являлись либо солдатами артмастерских, либо авиопарка, либо резерва чинов округа. Вся обстановка того времени и персональный состав Губкома, естественно, толкали нашу организацию (состоявшую на 90 проц. из солдат) в сторону работы преимущественно в солдатской массе. Во всех крупных технических и строевых частях гарнизона имелись на лицо большевистские ячейки или в крайнем случае по несколько партийных большевиков (большевиков по настроению—«в душе»—насчитывалось десятки тысяч).

За прошедшие пять лет революции я не помню такой тесной связи, какая существовала перед октябрем между партийными ячейками и отдельными партийцами в воинских частях и беспартийной солдатской массой. Партия и солдатские массы дышали одной грудью, горели одними желаниями и стремлениями. При этих условиях работа партийной организации приобретала удивительный размах и глубину. Наши очередные лозунги через партийные ячейки и кадр агитаторов-солдат, работавших при Губкоме, моментально внедрялись в сознание десятков тысяч беспартийных рабочих и крестьян, одетых в серые шинели. Наши агитаторы пользовались колоссальным влиянием. Губком не в силах был удовлетворять спрос всех частей на ораторов, несмотря на то, что располагал значительным кадром их.

В момент октябрьского переворота $^{9}/_{10}$ солдатской массы гарнизона уже была подготовлена к передаче всей власти советам. Самый переворот в Витебске уже описан товарищами в предыдущих статьях. Здесь только еще раз необходимо подчеркнуть, что вся подготовка переворота, вся организационная часть работы в войсках была вынесена на своих плечах

главным образом большевиками рабочими-солдатами технических частей гарнизона. Так что нет ничего удивительного в том, что переворот в Витебске внешне носил характер «солдатской революции».

Вполне естественно, что первые шаги большевистского ревкома (назывался: Военно-Революционный Комитет) были направлены также в сторону военную. Партия сразу-же, правильно учтя обстановку, в первую очередь захватила в свои руки «командные высоты» гарнизона, назначив своего начальника гарнизона и коменданта города, а также создала прочную базу для В.-Рев. К-та в виде Революц. Совета Солдатских Депутатов, в котором были представители почти всех частей гарнизона, живыми нитями связавшие высший орган власти с широкими солдатскими массами. Волею партии я был выделен исключительно для военной работы. Мне, как начальнику гарнизона и коменданту города, на другой-же день переворота пришлось из солдатского агитатора превратиться в начальника и лицом к лицу стать перед труднейшей задачей управления большим бурлящим гарнизоном. Аппарат управления, состоявший из старого офицерства, естественно, был против «захватчика власти».

Для иллюстрации привожу резолюцию «чинов управления коменданта города», помещенную в меньшевистских «Известиях Витебского Совета Солд. и Раб. Депутатов» от 31 октября 1917 г. № 134.

«Общее собрание солдат и офицеров Витебского комендантского управления, обсудив создавшееся положение в связи с захватом власти коменданта города поручиком Крыловым и принимая во внимание:

1) что работа комендантского управления не отражает и не может отражать на себе никакой политики;

2) что в целях поддержания порядка и безопасности в городе работа комендантского управления не может быть прекращена ни на один день;

3) что при создавшихся условиях общая работа состава комендантского управления абсолютно не возможна, постановило: поручика Крылова комендантом города не признавать и в служебные сношения с ним не входить».

Такая-же линия, в более тонкой форме, была взята и штабом Двинского Военного Округа и всеми штабными высшими учреждениями города.

В.-Рев. Комитет призвал все части гарнизона исполнять только приказы коменданта города. К главному начальнику Двинского Военного Округа был приставлен комиссар тов. Костерин, к главному интенданту Округа—тов. Гоба и Тимохин в качестве комиссаров.

В ответ на открытый саботаж «чинов» комендант города сразу-же взял твердый курс. На следующий день после вынесения резолюции «чинами управления» в № 2 от 31 октября 1917 года «Известий Военно-Революционного Комитета» появился следующий

«Приказ коменданта гор. Витебска:

§ 1.

«Вчера четыре офицера Управления подали рапорта о болезни и на занятия не явились. Усматривая в факте определенное желание всячески тормозить работу с целью срыва того революционного переворота, который совершился и совершается, т. е. усматривая контр-революционную тенденцию, приказываю: заболевшим офицерам немедленно подготовить и сдать те дела, которыми они ведали.

Я, назначенный на должность Коменданта города всем Витебским гарнизоном, в лице его полновластного органа; Военно-Революционного Комитета, твердо и решительно буду проводить в жизнь те мероприятия, которые служат на пользу революции и безжалостно пресекать все контр-революционные попытки.

Я не остановлюсь перед генеральной чисткой среди чинов Управления и подчиненных мне частей, смещая не желающих работать и назначая на должности тех, кто этого заслуживает, не считаясь ни с чином, ни с званием.

§ 2.

Временно исполняющий должность Комендантского штаб-офицера прапорщик Рогожин арестовывается мною за контр-революционную деятельность.

§ 3.

Старшему унтер-офицеру вверенного мне Управления Ивану Жукову приказываю вступить в временное исполнение обязанности Комендантского штаб-офицера.

§ 4.

Старшему унтер-офицеру вверенного мне Управления Николаю Кулаку приказываю временно вступить в исполнение обязанности адъютанта, на него возлагаю обязанности заведывающего судной частью Управления.

Подлинный подписал:

Витебский Комендант, Поручик Крылов.

Вр. и. д. Комендантского Штаб-Офицера,

Старший унтер-офицер Жуков.»

Освободившуюся гарнизонную гауптвахту быстро заполнили саботировавшие всякого рода «чины» всяческих штабов и учреждений. Вместо посаженных под арест и просто уволенных со службы, с исключением «с денежного, продовольственного, вещевого и всех видов довольствия» офицеров, мы начали назначать на ответственные военные должности унтер-офицеров, просто солдат и молодых прапорщиков. Видя, что резолюциями делу не поможешь, оставшееся на должностях офицерство вскоре

начало работать, конечно, не «за совесть», а «за страх». Только гораздо позднее выделилась значительная группа офицеров, за совесть начавшая помогать нам строить Красную Армию, но об этом ниже.

Небольшой аппарат управления был вскоре создан.

Ближайшие задачи заключались в следующем:

1) Наладить тесную связь со всеми частями гарнизона и восстановить хотя-бы некоторую дисциплину.

2) Поддерживать порядок в городе.

3) Задерживать эшелоны, направлявшиеся на Петроград.

4) Демобилизовать гарнизон.

5) Выделить из всего гарнизона твердое ядро, как опору.

6) Создать Красную Гвардию и Красную Армию.

При практическом осуществлении первой задачи сразу-же обнаружилось, что с комитетчиной (очень хорошей вещью при агитации) связи не наладишь, порядка в частях не восстановишь. Командный состав абсолютно никаким авторитетом не пользовался и приказы его солдатами не исполнялись. Комитеты имели сильное политическое влияние, но взяв на себя функции управления частями, с этим делом не справлялись.

Первое, что было сделано, это—кампания выборов командиров солдатами частей. В трехдневный срок во всех частях такие выборы были произведены. Половина комсостава солдатами была смещена и заменена новыми людьми, половина осталась старая. Но тесная зависимость командиров от солдат, крайне необходимая тогда по политическим соображениям, практически в чисто военном управлении давала отрицательный результат. Офицеры, в своем большинстве контр-революционного настроения, делали то, что постановляли солдаты. А солдаты частенько выносили постановления вроде того, что—отменить дежурства, отменить наряды, дневальство, сократить караулы, не производить работ и т. п. Выборность командного состава, с военной точки зрения, себя не оправдывала. Военного порядка в частях не было. Солдатская масса представляла из себя очень революционно настроенную толпу. А порядок был нужен.

Решили попробовать ввести в частях институт комиссаров. Начальником гарнизона был выработан приказ о выборах в частях комиссаров, которые должны утверждаться и безусловно подчиняться в военном отношении коменданту города и работать в тесном контакте с В.-Р. К-том. В частях начались выборы комиссаров. В это время меньшевистский совет повел особенно сильную компанию против В.-Р. К-та и главным образом против революционной комендатуры. Нижеследующая статья, появившаяся в «Известиях Военно-Революционно Комитета» от 11 ноября 1917 г. в № 11, иллюстрирует эту полосу военной работы в Витебске.

Статья озаглавлена: «Проверяй свои ошибки на врагах» и говорит следующее:

«Если ваши противники вас хвалят—значит плохо. И наоборот, если ваши действия вызывают взрыв злобы, ругани, клеветы со стороны ваших политических противников—будьте покойны, вы стоите на правильном пути.

Эту истину надо помнить при чтении буржуазных и оборонческих газет и резолюций.

Товарищи! Вы обратили внимание на те громы и молнии, которые разразились со страниц «Известий Солд. и Раб. Депут.» над тем приказанием «по войскам Витебского гарнизона», в котором было помещено «временное положение о комиссарах частей». «Уничтожение армейских комитетов», «диктаторство» и т. п. «страшные» слова полились из отживших «Известий»—мертвого совета.

Привыкшие жить смирненько и в похвальном повиновении начальству,—всячески угождая ему, старосоветские оборонцы должны были кричать против того революционного контроля, который вводится над командным составом. Они в исступлении завопили о «диктаторстве» комиссаров, о «контр-революционности» этого приказания. Так-ли это? Да, комиссарам даются широкие права, но ведь комиссары избираются всей частью, следовательно действуют от имени и в пользу всей части и если в их правах есть элементы диктаторства,—так это диктаторство большинства над меньшинством, солдатской массы над командным составом.

Если раньше солдаты были в полной зависимости от начальства, то теперь роли до известной степени меняются.

«Уничтожение войсковых комитетов»—захлебываясь кричат ветхозаветные «советчики». Ложь, клевета! Круг деятельности комитетов отнюдь не сокращается. Наоборот—в положении определенно сказано: «комиссары работают в тесном контакте с комитетами».

В чем-же дело? А дело в том, что комиссары определенно работают в тесном контакте и с Военно-Революционным Комитетом. Комиссары являются крепкими звеньями той могучей цепи, которая спаивает во едино весь гарнизон. Комиссары—это организующая сила, направленная против контр-революции. Нам нужна твердая организация—мы ее вводим.

И не страшны нам жалкие сравнения нас с Корниловыми и Каледиными. Не вы-ли поддерживали и поддерживаете политику, проводимую Корниловым и Керенским, не вы-ли сейчас находитесь в одном стане с этими господами?

И если вы лицемерно, для красного словца, приводите такое сравнение, то ясно для каждого, что вы стремитесь бороться с нами не совсем пригодными средствами.

В связи с появлением революционного «приказания», совет поднял травлю против коменданта города пор. Крылова, назначенного всем гарнизоном в лице В. Р. Комитета. В своей резолюции совет дошел до абсурда,

призывая гарнизон не признавать пор. Крылова комендантом, а признавать пор. Гребенчи. Интересно знать, где теперь этот пор. Гребенчи? Чем он проявляет себя, как признанный советом комендантом? Его не видно: он, как комендант, умер.

Так предоставим-же мертвецам поддерживать мертвецов!

Н. Бельский».

Красная Гвардия.

Общая усталость старой армии, беспрерывные разговоры о мире с немцами (было заключено перемирие), внутренние противоречия в частях между старым офицерством, настроенным анти-советски и солдатами, а главное, неудержимая, стихийная тяга к земле, к своим деревням, быстрым темпом повели части гарнизона по пути разложения. Демобилизационное настроение, охватившее части, начало вскоре выливаться в форму самовольного массового ухода солдат из частей по домам. С каждым днем части таяли как воск, все меньше и меньше оставалось «наличного состава».

Перед нами стал остро вопрос о планомерной демобилизации частей гарнизона. Высшие штабы никаких указаний по этому вопросу не давали. Плана демобилизации не было. Нам на месте пришлось под свою ответственность чуть не каждые два—три дня демобилизовывать, выдавать литера и пускать тысячи солдат на волю.

Демобилизационная работа, проводимая комендантским управлением, продолжалась в течении всего ноября и декабря месяца. Гарнизон старой армии уменьшился раз в десять.

Было ясно, что старая армия будет распущена вся без остатка, а потому с первых-же дней переворота перед партийной организацией стал, как вопрос жизни или смерти,—вопрос об организации новой, своей рабочей армии.

Четко помню, хотя никаких документов не сохранилось, что основу организации Красной Гвардии мы положили в первых числах ноября 1917 г. в помещении б. губернаторского дома на заседании В.-Р. К-та. Первыми красногвардейцами записались все члены ревкома и десятка два членов партии.

При В.-Р. К-те создался штаб Красной Гвардии гор. Витебска.

В это-же время на железной дороге в мастерских происходит бурное собрание рабочих службы пути и тяги. Собралось около тысячи человек. Вопрос—об организации Красной Гвардии. Служащие и железнодорожная интеллигенция, руководимая неким Изюмовым, собравшись большой толпой, пытаются разогнать собрание. Происходит буквальная драка. Интел-

лигенция разбежалась. Собрание продолжается и выносит резолюцию об организации отряда Красной Гвардии для охраны жел. дороги. Организацию отряда беспартийное собрание поручает жел.-дор. большевистской ячейке. Последняя выделяет из своего состава штаб из пяти следующих товарищей: Биге, Кунцевич, Трейман, Барздайн и Недрит. Быстро был организован из жел.-дор. рабочей молодежи отряд Красной Гвардии в 50 чел. Построенный по порядку десятков, этот отряд, будучи самым революционным, сыграл крупную роль по охране порядка на жел. дороге и борьбе с контр-революционными отрядами, пробиравшимися на Петроград, а позже—на Украину и Дон. Трудно подсчитать, сколько оружия было отобрано этим отрядом у отдельных групп и целых эшелонов. Комнаты вокзала превратились в арсеналы оружия. Одновременно мы провели большую кампанию по вербовке добровольцев в ряды Красной Гвардии среди гарнизона, набрав человек около 300 добровольцев. Начало организации новой армии было положено.

В начале декабря Петроград прислал нам два отряда питерских рабочих, численностью до 100 человек, сослуживших нам большую службу. Городской отряд Красной Гвардии начал также быстро пополняться и уже насчитывал до 100 чел.

В это-же время начали организовываться и национальные отряды: белорусский, польско-литовский баталион, вскоре, между прочим, нами расформированные, как шовинистически—настроенные.

Интересно возникновение польского отряда, известного под названием 4-й Варшавский полк.

Витебская губерния была переполнена польскими легионами генерала Довбор-Мусницкого. Они были расположены крупными войсковыми соединениями в районах Крынки-Высочаны, в Полоцком, Городокском и Невельском уездах, занимая имения помещиков поляков и фактически охраняя эти имения.

Революция, естественно, действовала и на эти национальные, по существу контр-революционные части. Местная организация польской партии социалистов (П.П.С.)—левица, стояла на платформе советской власти. Эта организация сумела связаться с польскими легионами и повести там революционную работу.

В декабре в комендантское управление явилась группа легионеров—поляков, во главе с тов. Чернецком и в сопровождении лидера местной польской соц. организации т. Липперта и предложила мне начать организацию польского революционного дивизиона из перебежчиков из польских легионов ген. Мусницкого.

Предложение охотно было принято, и т. Чернецкому было поручено формирование этого дивизиона. В короткий срок дивизион вырос до 250 штыков, являясь самой дисциплинированной частью нашего гарнизона.

Наиболее сохранившимися из частей старого гарнизона остались: Четвертый авиопарк, вооруженный до зубов пулеметами, и 5 артиллерийская мастерская, также хорошо вооруженная. Эти части продолжали служить вернейшей опорой молодой советской власти в Витебске.

10 декабря происходит губ. с'езд советов. Губернский Совет, избранный с'ездом, на первом же заседании на ряду с другими секциями выделил военную секцию, в составе большевиков—членов губсовета: т. т. Крылова, Анфилова, Бондарева, Ефремова и Гусева.

Организацией военной секции было положено начало планомерной более организованой военной работы не только по городу, но и по губернии.

Секция в своем первом докладе Губсовету сразу-же верно определила стоявшие перед нею задачи: 1) «содействие военным учреждениям в деле демобилизации и проведение демобилизации старой армии. 2) реорганизация армии на демократических началах и, как первый этап реорганизации,— формирование отрядов народной Красной Гвардии.

В будущем, по переходе страны на мирное положение все военные силы губернии должны быть в распоряжении Губернского Совета, и Секция по военным делам должна являться главным военным штабом этой свободной народной армии в губернии, приняв на себя все вытекающие отсюда обязанности по организации и управлению этой армией. С целью подготовки материалов к этой работе по реорганизации и воссозданию армии, секция должна использовать существующие учреждения по учету военных сил губернии:—Губернское и уездные по Воинским делам присутствия и Управления Уездных Воинских Начальников. Не нарушая и не изменяя пока коренным образом работы этих учреждений, секция должна взять их под свой контроль.

Для осуществления поставленных задач секция предполагает создать по губернии сеть подчиненных ей организаций:

1) На крупнейших станциях жел. дор. — Демобилизационные бюро, из представителей местных Совдепов, комитетов ж. д. служащих, войсковых частей и учреждений.

2) При уездных, городских, местечковых и волостных Совдепах— Военные Секции, задачи которых будут аналогичны с задачами секций Губсовдепа, в пределах их территорий» [1]).

Демобилизационные бюро быстро были созданы на всех станциях, немедленно-же были организованы в уездных городах секции по военным делам, и позже, примерно в марте 1918 г., вся губерния покрылась сетью военных учреждений в виде волвоенкомов.

---

[1]) Цитирую по печатному «докладу № 1 секции по военным делам Витебск. Губ. Совета Кр., Раб., Солд. и Батр. Депут. о задачах и обязанностях секции и ее организации»,—хранящемуся в архиве Витебского Губвоенкома.

Нас не столько занимала демобилизация людей, сколько, как это ни странно, демобилизация лошадей. Людская масса стихийно, самотеком демобилизовывалась. Хлынувшие с фронта кавалерийские части бросали целыми табунами своих лошадей, садились в поезда и ехали домой. Устроить, накормить, напоить и передать населению несколько десятков тысяч лошадей задача очень нелегкая. Конечно, много лошадей погибло. Но громадная часть их была передана населению губернии. Этим между прочим об'ясняется известное благополучие в нашей губернии с конским составом.

Вторая работа заключалось в вербовке добровольцев в Красную Гвардию, управление которой перешло к Военной Секции.

Разоружение легионеров.

В конце января 1918 г. обнаглевшие польские офицеры легионеры начали избивать крестьян, пытавшихся отобрать землю у помещиков. Партийный комитет поручил мне ликвидировать польские легионы в губернии. Такое-же приказание было одновременно получено по прямому проводу из ставки Главковерха т. Крыленко.

В течении трех дней веду подготовку к походу на поляков. В первую очередь привожу в порядок революционный польский дивизион. Собитию отряды красногвардейцев, отряд пулеметчиков 4-го авио-парка, отряд 5 арт. мастерской, Броне-отряд и Латышский кавалерийский полк. Составляется три громадных эшелона. На передние площадки первого эшелона, заполненного революционными поляками, ставим броневики.

На вокзале пускаем в ход слух о том, что одновременно по грунтовой дороге отправляются большие отряды красногвардейцев и артиллерия.

К моменту отправки эшелонов в штабной вагон входит молодая, хорошо одетая, красивая женщина вместе с тов. Липпертом и, отрекомендовавшись членом Петроградского комитета П. П. С. (левица) настаивает на том, что-бы ее также взяли с собою на предполагающуюся операцию против поляков. Наш штаб особенно не возражал. Тронулись в путь. Под'езжаем к ст. Крынки. Нас встречают частым ружейным огнем. Быстро высыпавшие из вагонов наши стрелки—революц. поляки вступили в бой с передовым отрядом легионеров. Через полчаса легионеры сели на лошадей и ускакали в Высочаны. Заняв станцию, мы послали в Высочаны предложение немедленно сдаться, угрожая повести на них наступление. Через час наши парламентеры возвратились, приведя с собою целую польскую делегацию, состоявшую в большинстве из офицеров. На наши предложения сдать оружие—они ответили отказом и соглашались дать торжественное обещание, если угодно, официально на бумаге, что они будут вести себя совершено лояльно по отношению к советской власти. Нас это, конечно, не удовлетворило. После продолжительных «дипломатических» переговоров решили задержать у себя в качестве заложников несколько офицеров и

солдат легионеров и послать свою делегацию в Высочаны для непосредственных переговоров с солдатской массой польских легионов. Быстро выделили свою «делегацию» во главе с тов. Мациевской (членом Петроградск. к-та П. П. С.) и Чернецким. Через два—три часа получаем донесение: офицеры разбежались, солдаты-легионеры сдают оружие и поступают в наше распоряжение. Приезжаем в Высочаны и видим красивую картину: На высотах около фабрики стоит свыше ста орудий—новеньких. Польские легионеры возами свозят и сваливают в кучу оружие. В чем дело?

Оказывается, т. Мациевская держала полуторачасовую речь на польском языке перед трехтысячной толпой легионеров. Встретили ее недружелюбно, но постепенно горячая, задушевная, призывная речь растопила сердца польских легионеров [1]). Во время этого митинга офицерство разбежалось. Солдаты согласились подчиниться советской власти. Так была ликвидирована артиллерийская база войск ген. Довбор-Мусницкого.

Часть сдавшихся поляков была направлена в центральные губернии, другая часть согласилась вступить в ряды польского революционного дивизиона.

Вскоре после этого почти без кровопролития была ликвидирована еще одна крупная часть поляков-легионеров в Мазурине. Нескольких артиллерийских выстрелов было достаточно, чтобы офицеры разбежались, а солдаты-легионеры сдали оружие.

Нашествие немцев.

«Мир не подписан—война окончена». Казалось, что немцы не пойдут на нас войной, раз мы воевать не желаем. Мы были молоды, слишком революционны, а потому и не учли трезво всех об'ективных данных международного положения. Война продолжалась.

Немецкий империализм наступал. 18 февраля пал Двинск. А потом немцы быстро и легко, заняв еще ряд уездов Витебской губернии, наступали уже на Витебск. Смертельная опасность грозила русской революции, смертельная опасность угрожала и Витебску. Окончательно разложившаяся под лучами революции старорежимная армия—стихийно и безобразно демобилизовалась и разбегалась, буквально разбегалась, по своим деревням, хатам, бросая все на произвол судьбы: ружья, орудия и богатое войсковое имущество. Достаточно было нескольких ружейных выстрелов со стороны неприятеля, как целые полки, дивизии и даже корпуса с фронта обращались в паническое бегство.

Новая армия еще не создалась. Не было времени для ее организации.

Дрогнула советская власть в Витебске. Немецкие полки двигались на Витебск. Советы городской и губернский передали всю власть, дали дик-

---

[1]) т. Мациевская была прекрасным оратором. В 1919 году она перешла в Р. К. П и на подпольной работе в Польше была убита контр-разведкой.

таторские полномочия Революционному штабу, состоявшему из наиболее твердых и решительных товарищей. Город был об'явлен на осадном положении.

Подняла голову контр-революция и вместе с нею соглашатели (меньшевики и эс-эры), начавшие организовать «охрану» города и подготовляться к встрече «оккупационных» властей. Усиленно заговорили о восстановлении распущенных органов местного самоуправления—буржуазной городской Думы и Земских Управ.

Подняла голову местная организация белоруссов (Рада), пытавшаяся стать хозяином губернии и города. Строила свои козни и черная сотня, во главе с попами поднимавшая на выступления темный народ на религиозной почве, развив сильную агитацию против декрета об отделении церкви от государства.

Казалось, что советская власть под напором немцев извне и под напором контр-революционных сил внутри должна немедленно погибнуть в Витебске. Положение было в высшей степени серьезное.

Круглые сутки работал Революционный штаб. Собраны были все вооруженные силы и брошены на фронт. В городе оставили только два испорченных броневика, помещенных около окружного суда (ныне Дворец Труда), небольшой отряд красногвардейцев и 5-й рабочих и крестьян Красной Армии полк (200 штыков) под командою рабочего т. Масенцова. Конный Латышский полк нес разведывательную службу и поддерживал связь.

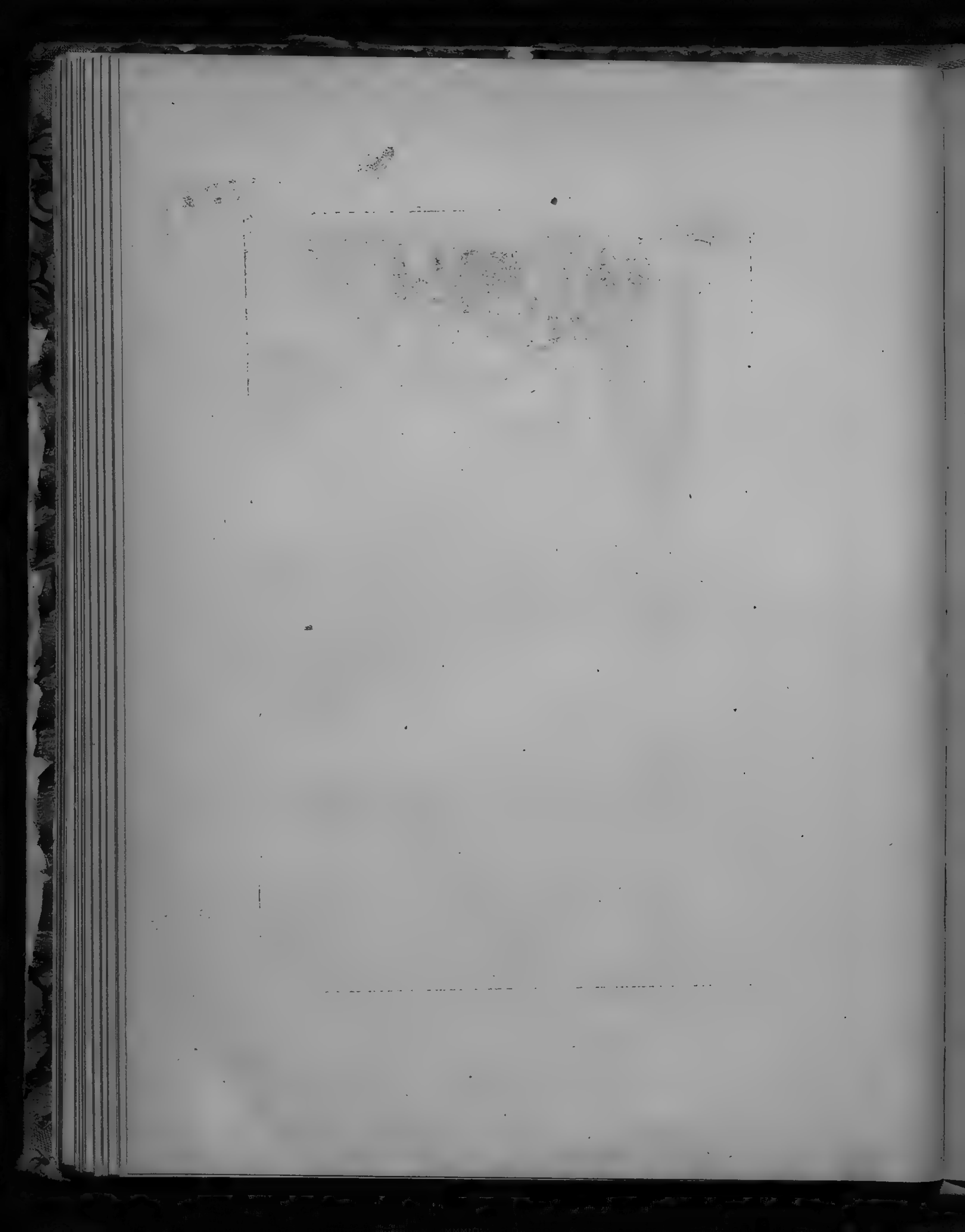
Секция по военным делам превратилась в подсобный аппарат Революционного штаба.

Наступление немцев на Витебскую губернию подняло мощное партизанское движение среди крестьян. С удивительной быстротой в Лепельском, Дриссенском, Полоцком, Себежском, отчасти Городокском и Невельском уездах организовались крестьянские партизанские отряды под командою унтер-офицеров и солдат, прибывших с фронта Оружие нашлось в деревнях (бросали демобилизовавшиеся солдаты), недостающее количество свободно давал Революционный штаб. Крестьяне твердо стали на защиту своих волостей и деревень. По линии фронта создалась крестьянская вооруженная завеса тысяч из тридцати вооруженных человек. Начались беспрерывные стычки с немцами. В тылу германской линии вспыхнули пожары. Тыловые части немцев разбивались партизанами.

Картина ярко напоминала работу русских партизан во времена нашествия Наполеона на Москву в 1812 г. (по описанию Л. Толстого в «Войне и мире»).

Несмотря на плохую связь, Революционному штабу удавалось осуществлять общее руководство над партизанским движением. Немцы, не ожидавшие никакого сопротивления, вынуждены были остановиться около Бешенковичей.

Губисполком в ноябре 1918 г.



Видимо революционно-раскаленная атмосфера Витебской губернии сильно подогревала революционное настроение немецких солдат и поэтому отчасти дальнейшее наступление было невозможно.

Для иллюстрации настроения немецких солдат приведу текст открытого письма, полученного тогда из Полоцка от немецких солдат. Орфография подлинника сохраняется.

Гор. Витебскъ. Военно-Револуціонный Комитетъ.
Kriegs-Revolutions Komitee.

Поздрявляемъ съ міромъ -и- съ большими революценными успѣхами въ всемъ мирѣ. Надѣемся, что въ скоромъ будущемъ благодаря сознательному Русскому Револуценному элементу, зацвѣтитъ по всѣй Европѣ Совѣтская, Револуценная власть.

Es lebe die russische, socialistische Revolution hoch! (Следуют подписи).

Тяжелый Брестский мир был заключен. Партизанские отряды в своем большинстве сами собою расформировались. Остались отряды по линии фронта, которые мы начали сколачивать в регулярные части и передавать полевому штабу, присланному из штаба западного фронта для охраны демаркационной линии.

8 апреля 1918 г. Революционный штаб расформировался, выпустив свой последний приказ, который позволю себе привести в выдержках, как исторический документ.

«В момент наступления немцев на Двинск, среди общей паники громоздкий аппарат Совета не мог выполнять своих функций и для борьбы с поднявшей голову буржуазией и черносотенством жизненно необходим был боевой орган, способный энергично работать день и ночь, быстро разрешая все вопросы. Кроме борьбы с контр-революцией в городе и губернии, на плечи штаба легла тяжелая, историческая задача борьбы на фронте—защита Витебска от неприятеля.»

«Революционный Штаб быстро организовал партизанские отряды, посылал их на фронт, руководил оперативными действиями, вооружал население фронтовой полосы и насколько мог, в тех кошмарных условиях панического бегства, отстаивал Витебск и отстоял.»

«Теперь-же, когда жизнь вошла почти в обычную колею, когда планомерно начал функционировать Совет, когда организован военный отдел для организации Красной Армии по губернии, когда организован Полевой Штаб для руководства отрядами на фронте, когда наладилась наша милиция—Революционный Штаб передает свои функции всем этим органам Советской Власти.»

Губернский военный отдел, заменивший секцию по военным делам, за время существования Революционного штаба сильно укрепился материально и, главное, ответственными работниками. Всероссийская коллегия по организации Красной Армии (в частности член коллегии т. Каганович) из-

Петрограда подкрепила нас работниками. Мы получили группу в 25 большевиков ответственных работников специально на военную работу. Среди них были следующие товарищи:

1) Даубе, Вольдемар Петрович—впоследствии комиссар дивизии, начальник особого отдела армии, ныне член Витебского Губкома и председатель Витебского отдела Г. П. У.

2) Путна, Витовт Казимирович—впоследствии Губвоенком, военком дивизий, ныне начдив 27, кавалер трех орденов Красного Знамени.

3) Гринчук, Яков Давидович—впоследствии губвоенком одной из украинских губерний, убит махновцами.

4) Вейнбаум, Эрнст Иванович—впоследствии командир бригады и председатель Уисполкома, и ряд других очень способных агитаторов-организаторов.

Большинство этих товарищей было включено в состав агитационно-организационной коллегии Губ. Военного Отдела, часть была использована в отделе формирования и в бюро вербовки.

Нам удалось охватить всю губернию нашими организаторами-агитаторами, организовать на местах военные отделы и вызвать добровольческое движение. При уездных отделах были созданы отряды из добровольцев. В одном Витебске ежедневно записывалось на вербовочном пункте свыше 60 чел. К 1 апреля мы уже имели свыше 2000 добровольцев. Из них мы создали новые части и укрепили ранее созданные. В это время были сформированы: 1-й баталион имени Витебского Совдепа—900 чел. (командир т. Чеботаревский—впоследствии герой восточного фронта, председатель Челябинского Губисполкома), 2-й баталион имени Витебского Совдепа—600 чел. (командир б. офицер Соколовский), 5-й красноармейский полк—800 чел. с легкой батареей (командир т. Мосинцев, много воевавший на восточном фронте), 1-й латышский конно-разведывательный отряд—65 чел. (командир т. Видзе), боевая дружина левых эс-эров-интернационалистов—200 чел. (вскоре расформированная нами) и польский революционный дивизион—800 чел. (командир т. Маковский, командовавший затем западной дивизией). Кроме того, в Себеже был 3-й баталион имени Витебского Совдепа—300 чел. (к-р т. Чивч), 20 рот партизан в Полоцком уезде, Оршанско-Сенненский отряд—300 чел., Богушевский отряд—150 чел., всего свыше 5000 человек новой Красной Армии.

Старое офицерство (которого в Витебске было очень много), смотревшее со стороны на нашу работу, видя, что мы серьезно принялись за строительство Красной Армии, в большом количестве начало нам предлагать свои услуги по формированию Красной Армии. Одним из первых не за страх, а за совесть пошел работать б. шт.-капитан Петров (ныне работающий в Губвоенкомате), несколько позже б. генерал Гусев (губ. военрук) и ряд других, не только бывших прапорщиков (их было очень много), но

и кадровых офицеров и даже четыре б. генерала начали работать в Губвоенкомате и работать недурно.

Формировали мы, на принципе добровольчества, не только пехоту и артиллерию, но также и хорошо снабженные следующие технические части: 10-й авто-броневой отряд (формировали т.т. Довбе и Ильяшенко—коммунисты), инженерный баталион, авто-гараж, воздушную эскадрилью и даже собственным флотом обзавелись (был сформирован на З. Двине отряд пловучих средств—на пароходах установили орудия, пулеметы, все честь честью) Этим делом у нас занимался военный моряк Серебреников.

После брестского мира в городе появилась еще одна «часть». Это был отряд анархистов, человек в 100. Разместился он в Палас-Отеле, что у вокзала. В окна и на крыше выставили пулеметы, на балконе повесили черный флаг. Отряд этот состоял в большинстве из матросов и уголовного элемента. Идейным анархизмом в этом отряде и не пахло. Вооруженные с ног до головы, обмотанные пулеметными лентами и обвешанные бомбами и маузерами, они большими группами ходили по улицам, пугая обывателей. У нас было желание поскорее их ликвидировать, но не представлялось удобного случая. Пойти прямо приступом на Палас-Отель значило—кровопролитие, разрушения, потому что эти головорезы добровольно не сдались-бы. Однако в конце апреля нами был разработан план разоружения анархистов. Каким-то образом они узнали про готовящееся разоружение и поспешили предупредить нас—своим выступлением. В протоколе совместного пленарного заседания Губсовдепа и Горисполкома от 29 апреля (заседание происходило в колонном зале б. губернаторского дома поздно вечером) записано следеющее:

«Тов. Крылов прерывает речь важным внеочередным заявлением:—происходит стрельба залпами по улицам. Выступили анархисты, а с ними—грабители. Со стрельбой заняли «Художественный», «Интимный», ограбив кассы... Я отдал все нужные распоряжения для ликвидации этого выступления».

«Тов. Гоба.—Есть-ли в здании Советов охрана?»

«Тов. Крылов. Нет, но сюда волнение не докатится, ибо выступили Рев. войска и ликвидируют это выступление».

«Тов. Зиро вносит предложение о закрытии заседания, но большинством голосов оно отвергается».

— Вбегает солдат Кр. Армии и делает заявление, что идет погром на Вокзальной и Замковой улице со старым лозунгом «бей жидов».

— «Тов. Илис, как начальник милиции, делает заявление, что положение очень серьезное, ибо выступила масса народу, и милиция справиться не в состоянии».

«Решается отложить заседание до след. дня и сейчас организовать комиссию по борьбе с контр-революцией. В состав ее входят т.т. Меницкий, Крылов, Костерин и Сохацкий».

Отданное распоряжение Латышскому конному полку, броне-отряду и польскому Варшавскому полку о немедленной и самой жестокой ликвидации выступления было ими в точности и быстро исполнено. Втечение одного часа анархисты-грабители были раздавлены. По Вокзальной улице валялись их трупы с рассеченными головами, а попадались—перерубленные пополам. Успевшие спастись разбежались—и с тех пор об анархистах в Витебске и до сего дня—«ни слуху, ни духу».

Надвигалась полоса эс-эровских восстаний. В Москве выступление эс-эров. Убит Мирбах.

Во время альянса с левыми эс-эрами мы совершили большую ошибку, разрешив им сформировать свою боевую дружину. Но эту ошибку мы скоро поняли и еще до выступления эс-эров в Москве, при резких протестах местных эс-эров, влили дружину лев. эс-эров в 1-й имени Витебского Совдепа полк в качестве третьего баталиона, одновременно с этим сменив в дружине командный состав, поставив туда своих товарищей и разбавив эс-эровские ряды большевиствующим элементом. Положительные результаты этой операции быстро сказались. Вот резолюция, характеризующая правильность нашего шага:

«Мы красноармейцы 3-го баталиона левых с.-р. на собрании своем 9-го июля 1918 г., заслушав доклад о текущем моменте, об убийстве Мирбаха и бегстве левых с.-р. с 5-го Всероссийского с'езда Советов, приняли следующую резолюцию:

«Мы, сформированные в мощную единицу солдаты 3-го лево—с-р. баталиона, возмущенные до глубины души поступком левых социалистов-революционеров, клеймим позором их и просим отнюдь не называть нас лево-эс-эровской дружиной, ибо мы не можем носить имя тех, которые запятнали себя неслыханным позором и авантюрой для того, чтобы уничтожить власть народную, власть советов, власть бедняков и этим самым нанести последний удар революции. Мы единогласно заявляем, что мы отказываемся от названия левых социалистов-революционеров и именуемся коммунистами-большевиками, как истинными защитниками власти народной, Советской. Отныне у нас будет знамя 3 коммунистического баталиона 1-го полка имени Витебского Совдепа.

Долой позорное имя левых с.-р., которое исчезло, а вместо него воздвигся 3-й Коммунистический баталион организации Коммунистов-большевиков. Да здравствует единая Красная Армия! Да здравствуют коммунисты-большевики! Да здравствует Р. С. Ф. С. Р!» [1]).

---

[1]) Подлинник этой резолюции имеется в архивных делах Губвоенкомата.

Из под ног Витебской организации эс-эров была выбита почва. Иначе дело обстояло в Орше.

У самой Орши стояли немцы. Товарная ст. Орша—была в их руках. В самой Орше и в уезде была сильная организация эс-эров. Они же имели сильную группу в Оршанском Исполкоме. Во главе Красноармейского полка в Орше стоял эс-эр Иванов, изгнанный из Витебска три месяца тому назад за партизанство и грабежи населения.

5—6 августа в Орше вспыхивает восстание красноармейцев под руководством эс-эров Буевича, Петражицкого и Иванова. Часть коммунистов исполкома и партийного комитета арестовывают, часть попряталась. Власть перешла в руки эс-эровского ревкома.

По приказанию командующего западным военным округом тов. Алибегова я с отрядом латышей и поляков и с броневиками двинулся на Оршу. Без боя мы под'ехали к станции Орша, выгрузили броневики, построили свою кавалерию и пехоту и с оркестром, с красными флагами под звуки Интернационала двинулись в город. Конечно, вперед выслали конную разведку и послали пару броневиков. Население, как водится, нас приветствовало. Освободили арестованных коммунистов, попрятавшися немедленно явились. Организовали Военно-революционный Комитет исключительно из коммунистов, приказом передали ему всю власть, произвели аресты эс-эров. В тот-же день разоружили восставшие части и арестовали комсостав.

После этого случая в Орше больше восстаний не было. Одновременно вспыхнуло восстание в Сенно. Туда поехал с отрядом тов. Даубе. С боем восстание эс-эров (между прочим руководил тогда восстанием тов. Прищепов, ныне коммунист, преданный революции работник) было ликвидировано и больше не повторялось.

Чуть было не вспыхнуло восстание в Витебске в июле месяце. Гарнизон тогда насчитывал свыше семи тысяч едоков. Запасы продовольствия все иссякли, обмундирования не было, денег также не было. Создался ужасный кризис. Две недели части буквально голодали. Реквизиция хлеба по городу дала ничтожные результаты. Город тоже сидел без хлеба. В войсках появилось недовольство, ропот, брожение и погромное настроение. Главная масса красноармейцев сконцентрировалась в Марковщине первой и второй. Там собирается большой митинг. На митинг поехал мой помощник тов. Путна. Ему не дали кончить речь, арестовали и хотели здесь-же расстрелять, но затем решили посадить под стражу. Командный состав полков, стоявших в Марковщине, был надежный. После ареста тов. Путна собрание решило итти в город к военному комиссару за хлебом, обмундированием и жалованьем. Меня беспрерывно по телефону информировали о настроениях и намерениях красноармейцев. Ясно, что среди красноар-

мейцев имелось несколько провокаторов-шпионов, толкавших их на погромное выступление.

По телефону передаю категорический приказ командирам полков (т.т. Чеботаревскому и Соколовскому) ни под каким видом не выпускать красноармейцев неорганизованной толпой, а вести военным строем с оркестрами музыки, командному составу быть во главе своих частей, организованным порядком привести части к Губвоенкомату.

Пока части шли из Марковщины, я вызвал пару броневиков и эскадрон латышей и, на всякий случай, поставил их за зданием Губвоенкомата в глубине двора.

В городе все отлично знали тяжелое положение и настроение красноармейцев. Весть о выступлении быстро разнеслась. Паника охватила не только обывателей, но и рабочие и советские организации. Ждали погрома.

До сих пор не могу простить нашему герою, отличившемуся впоследствии во время польской войны, тов. Маковскому, командовавшему тогда 4-м Варшавским полком, его настойчивых советов мне «скрыться на время».

К счастью, я тогда не послушался нашего уважаемого т. Маковского и решил испытать «крепость нервов».

С музыкой полки приближались к Губвоенкомату (зданию, ныне занятому 45-ми пех. курсами).

Остановились перед зданием. Я с балкона спокойным голосом, громко начинаю командовать: «1-й баталион первого полка построить влево, второй по линии забора, третий вправо» и т. д.

Командиры баталионов и рот быстро передают команды, красноармейцы производят нужные перестроения. Карэ готово. Вижу, что не так уже страшно, раз масса организована. Подаю последнюю команду: «ружья в козлы—составь!» Некоторое замешательство, кое-где возгласы—«не составляй», но энергичный низший командный состав быстро заставил всех составить ружья в козлы.

Начинаю говорить. Такой простоты, ясности и четкости речи у меня раньше никогда не было. Чувствую, что начинаю действовать на массу. Полтора часа я говорил о нашем положении, наших задачах и трудных путях, по которым мы должны пройти для осуществления этих задач. Слушают. Молчат. Но затем отдельные возгласы: «Хлеба», «голодаем». Продолжаю говорить о хлебе и голоде. Но что сказать? Склады пусты, в городе хлеба также нет. В душу закрадывается сомнение—«выдержу-ли?» Говорю о нарядах центра, что хлеб должен на-днях прибыть. Опять возгласы: «Уговаривает», «Хлеба!» В это время ко мне подходит начальник снабжения Губвоенкомата Литвинов. Его громадная, толстая «интендантская» фигура вызывает смех и иронические возгласы среди красноармейцев: «От'елся нашим хлебом», «Мяса давай!»—Вот черт его принес!—думаю. А он мне подает железнодорожные накладные и докладывает, что сейчас

только из Москвы прибыло три вагона, из них два с хлебом, один с обмундированием.

Мое настроение сразу-же стало определенно твердым. Показываю накладные и торжественно обещаю завтра-же утром выдать хлеб полностью. Перелом достигнут.

После меня выступают: командир латышского полка т. Видзе и начальник бронеотряда т. Довбе или Ильяшенко (хорошо не помню), которые призывают к революционному порядку и выдержке.

Митинг закончился возгласами: «Да здравствует революция, да здравствует Губвоенком—ура!». Под музыку, стройными рядами, во главе с командирами, успокоенные полки двинулись обратно в казармы. На следующий день утром все красноармейцы получили полный паек хлеба.

Паника в городе улеглась.

Вскоре большая половина всех частей отправилась на восточный фронт против чехо-словаков.

Для формирования новых частей был создан запасный полк, где председателем полкового коллектива был т. Венде, много и энергично поработавший над обработкой сырого материала в коммунистическом духе.

От принципов добровольчества осенью 1918 г. мы перешли к формированию новых частей по принципу обязательной мобилизации. Быстро, год за годом пошли мобилизации, быстро сколачивались маршевые роты и эшелоны из Витебска помчались к фронтам гражданской войны.

Следует отметить, что с первых-же дней формирования Красной Армии мы на месте стали на совершенно правильный путь. Первое—мы не разрешали никаких комитетов в частях. Второе—не разрешали выбирать командиров, все они у нас были подобраны и назначены. Третье—мы ставили в качестве командиров не только солдат старой армии и унтер-офицеров, но и офицеров старой армии. Четвертое—сразу-же был введен институт политических комиссаров не только полков и баталионов, но и рот. Пятое—в частях в первую очередь мы организовывали партийные коллективы и усиливали их путем переброски коммунистов из общегражданской организации. Шестое и самое главное—военная работа теснейшим образом была связана с партией и с советами. Те и другие были почти целиком втянуты в кипучую работу по созданию могучей Красной Армии.

Оглядываясь назад, мы видим, что только благодаря крепкой, дисциплинированной, энергичной, воодушевленной, героической коммунистической партии пролетариата советской властью была создана такая-же Красная Армия.

С. Шейдлина.

Отрывки воспоминаний.

Октябрьский переворот поставил перед нами ряд конкретных задач: надо было укреплять завоеванные позиции, связаться с периферией, углубить свое влияние в массах и окончательно очистить путь от старых капиталистических развалин для нового социалистического творчества.

Центром всей нашей работы служил сперва Военно-Революционный Комитет, поэтому понятно, что практическая работа в нем поглощала целиком всех; могущие быть использованными члены организации нагружались двойной и тройной работой.

О внутри-партийной работе подумать было некогда. Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что в течение октября—января, а может и февраля месяцев у нас не было ни одного обще-партийного собрания. Но я также не ошибусь, если буду утверждать, что такой спайки, такой круговой поруки мы не чувствовали никогда после в течении последующих пяти лет. Вся наша работа того времени являлась агитацией за Советскую власть—этого детища нашей партии.

За несколько месяцев, прошедших с того времени, как наша партия, травимая пресловутым правительством Керенского и продажной буржуазной прессой, стала господствующей—она значительно выросла. Необходимо было приниматься за внутри-партийную работу. Тем более, что в ближайшие месяцы намечался 7-й Всероссийский с'езд нашей партии.

В конце января (1918 г.) состоявшееся заседание Губкома, пополнив свой состав т.т. Бреславом, Костериным и Шигалиным, разработало план дальнейшей партийной работы.

По предложению т. Костерина намечается открытие партийной школы. «Тов. Бреслав», говорится в протоколе, «развивает это предложение в том смысле, чтобы в целом ряде лекций (15—20) ознакомить членов партии с основами марксизма». Тут-же Губкомом решено принять меры к усилению влияния партии в профсоюзах, а также намечается к изданию специальный орган Губкома.

В виду назревавшей необходимости связаться с партийными организациями по губернии, которые со времени 1-ой губернской конференции в августе месяце значительно выросли качественно и не менее количественно,

на этом же заседании решено было созвать в первых числах февраля вторую губернскую партийную конференцию. Основными вопросами порядка дня, кроме текущего момента, намечаются вопросы: о войне и мире, пересмотр партийной программы и о партийной работе.

Но этому плану не суждено было осуществиться.

Брестские переговоры и наступление немцев нарушают на время наладившуюся было плановую работу.

* * *

Занятие немцами Двинска, Полоцка и приближение к Витебску отразилось отрезвляюще на настроении рабочих и разлагающе на воинских частях города. Рабочая масса, относившаяся к нам до сих пор под влиянием агитации соглашательских партий враждебно, теперь все больше убеждается, что вне Советской власти, которую она отождествляет с большевиками, даже со всеми ее отрицательными сторонами, не может быть речи о благополучии рабочего класса.

Разлагавшиеся же воинские части, охваченные демобилизационным настроением, не поддавались никакой агитации и стремились лишь к одному: заполучить кое-какие демобилизационные документы, которые выдавались солдатскими комитетами, и поскорее пробраться домой. Мне помнится случай, когда наиболее сознательные представители солдатских комитетов приходили в Ревком и требовали приемки полкового имущества и артельных сумм, чаще, конечно, бывало, что артельные суммы поступали в общую дележку, а полковое имущество раздавалось солдатам. Основанием для этого служило также то, что после Октябрьского переворота регулярной выдачи жалованья воинским частям не производилось, и солдаты считали вполне законным получить на руки пишущие машинки, телефонные аппараты, канцелярские принадлежности, запас обмундирования и проч. полковое имущество.

Не имея возможности бороться с этим, Ревком все-же счел необходимым обратить серьезное внимание на борьбу с увозом солдатами оружия. Не говоря о полной недопустимости массового раз'езда вооруженных, подчас голодных солдат, что предрасполагало их ко всякого рода эксцессам, Ревком вообще считал недопустимым такое разбазаривание народного имущества и вел энергичную борьбу с этим.

Указанная выше обстановка, усугубленная опасностью немецкой оккупации, должна была отразиться и на состоянии наших партийных рядов. Более устойчивые и преданные революции элементы сплотились вокруг Губкома и Ревкома. Последний выделил из своего состава Революционный Штаб в составе Крылова, Меницкого и Беме, коим было передано руководство борьбой с немцами, а затем—вся власть в городе и губернии. Для большей ясности, способствующей обыкновенно и порядку, были перерас-

пределены обязанности между товарищами. И тут мы предстали перед фактом оставления наших рядов в наиболее ответственную минуту некоторыми товарищами. Особую невыдержанность и трусость в эти дни проявила часть членов Губернского Совета—крестьян, мало обработанных революцией; но еще более нас поразила весть об от'езде председателя Губисполкома, старого и испытанного члена партии тов. Чунчина.

Дело обстояло так: ввиду возможной оккупации Витебска Губком предварительно наметил список товарищей, которые должны уехать из города, в том числе и тов. Чунчина. Но его от'езд без всякого предупреждения оставшихся товарищей, задолго до фактической опасности, на лошадях от Витебска до ст. Лиозно, а затем по железной дороге нас сильно поразил.

Надо признаться, что оставление нас, группы молодых работников, руководивших работой Губкома и Ревкома, этим наиболее старым товарищем, пользовавшимся всеобщим доверием, мы не могли обойти молчанием, но у нас также не было времени для размышления. Нас звала к себе работа. Тут интересно отметить одну деталь в от'езде т. Чунчина: этот от'езд был организован и, вероятно, ускорен весьма подозрительным суб'ектом—секретарем Губпродкома Сутько.

Из наиболее ярких моментов этого периода мне помнится одно заседание Губкома, кажется, 24 февраля в нижнем этаже губернаторского дома, где на почве полученных сведений о занятии Полоцка и дальнейшем приближении немцев мы обсуждали план дальнейшей работы. Тов. Меницкому было поручено держать связь по телеграфу и мы ежеминутно ждали от него донесений.

Была напряженнейшая атмосфера; в небольшой комнате, бывш. гостиной губернаторского дома, не утратившей еще следов былой роскоши, при скудном электрическом освещении, мы все, усевшись за столом, забыв про вчерашние споры, сосредоточили мысль на одном: мы решили защищаться до конца, а в случае необходимости оставить город с тем, чтобы вся наша предварительная работа по революционизированию рабочих масс города до и после Октября не была прервана. По имевшимся у нас сведениям, немцы могли уже к утру быть в городе, а мы сидели и думали о том, как бы еще больше укрепить нити, связывавшие большевистскую организацию с трудящимися города и деревни.

Разрешив целый ряд вопросов, как-то: о судьбе военного имущества, о запасах, имевшихся в городе, о деньгах, мы перешли к намечению товарищей, кои должны остаться в городе на случай оккупации его для подпольной работы и кто должен уехать в распоряжение ЦК. Была намечена Тройка в лице т.т Костерина, Туфрина и моем. Тов. Костерин оставлялся, как наиболее популярный в Витебской рабочей массе и наиболее с ней связанный. Оставление Туфрина, местного рабочего-печатника, обу-

славливалось тем, что его пребывание в городе не могло возбудить особых подозрений. Я же держала связь Губкома со всеми его организациями. Эти связи мы решили не порывать даже, если формально в городе восторжествуют немцы.

Зная еще заранее об этом, поскольку инициатива исходила от Президиума Губкома, я за несколько дней до указанного заседания приняла меры к организации подпольной квартиры, каковая нашлась в Селютской волости, в 5—6 верстах от города, в деревне Орлово у местного школьного работника Осипова. Туда была свезена литература, бумага, пишущая машинка и платье. Тов. Туфрин подумывал о том, как бы еще поставить там небольшую типографию.

Интересно отметить, что в подыскании квартиры и перевозке имущества мне лично помогал тот-же пресловутый секретарь Губпродкома Сутько, который позднее, несколько дней спустя, доставил председателю Губисполкома тов. Чунчипу лошадей для выезда из города. Надо полагать, что его помощь, как в первом, так и во втором случае, обуславливалась отнюдь не благожелательным отношением к большевикам. В случае действительного занятия немцами Витебска, этот несомненный провокатор сделал бы свое дело и предал бы нас всех в руки белогвардейцев.

Надо также отметить, что наступление немцев совпало у нас с опубликованием декрета Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства. Бессознательная масса, собираясь кучками возле собора, волновалась, посылая угрозы заседавшему против собора в Окружном Суде Революционному Штабу.

Под влиянием черносотенной агитации эта масса с минуты на минуту ожидала, что большевики ворвутся в собор и начнут там хозяйничать «по-большевистски». Раз'ярившись до последней степени, она хватала на улице наших товарищей и расправлялась с ними по-своему.

Мне помнится случай, когда жертвой этой бессознательности стал товарищ Брослав, которого затащили в один из дворов на Замковой улице, где надавали ему изрядное количество тумаков.

Для нас было ясно, что это являлось делом контр-революции, поднявшей голову в связи с приближением немцев.

* * *

Опасность немецкой оккупации миновала; жизнь начала понемногу входить в свою колею и мы стали приступать к работе. Первой нашей задачей явилось сконструирование партийных и советских органов. Так, в отношении Губсовета, значительно поредевшего при немецкой опасности, на заседании 28 февраля было решено выделить коллегию из 5 человек для совместной работы с Исполнительным комитетом. Диктаторские полно-

мочия Революционного штаба, данные ему Исполнительным комитетом, были за ним оставлены. Председателем Губсовета был избран тов. Меницкий.

В отношении бежавших товарищей было вынесено короткое решение: поступок бежавших товарищей засвидетельствовать, как позорное бегство, и привлечь к партийной и судебной ответственности за неисполнение долга в опасный для революции момент.

На очередь дня сама жизнь выдвигала вопросы продовольственные, финансовые, а главным образом, необходимость скорейшего формирования Красной Гвардии. Революционные будни нас звали к работе.

* *
*

Мне хочется остановиться еще на одном моменте из жизни нашей партийной организации в первые месяцы после Октября. Это было после 7-го Всероссийского партийного с'езда. При оглашении материалов с'езда на заседании Губкома (21 марта 1918 г.) у нас возникли большие прения по вопросу о переименовании партии из Р. С. Д. Р. П. в Р. К. П. Некоторые товарищи высказывались против изменения названия партии, якобы на том основании, что этот вопрос может быть решен только международным конгрессом.

Но после длинной, почти программной речи тов. Бреслава, Губком единогласно постановляет: «Впредь именоваться Витебским Губернским Комитетом Российской Коммунистической партии большевиков». На этом заседании опять восстанавливается план работы, проведение которого было прервано немецким наступлением.

Так, выдержав в первые полгода после Октября тяжелое испытание, Витебская большевистская организация вновь приступила сплоченными рядами к дальнейшей созидательной работе.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Заседание Губернского С'езда Советов 15-го декабря 1917 г.

Заседание Губернскаго С'езда открывается в 10 с половиною часов под председательством тов. Чунчина.

Товарищ Чунчин оглашает резолюцию по продовольственному вопросу, которая принимается единогласно. Слово предоставляется представителю от Режицкого уезда, который оглашает резолюцию по продовольственному вопросу, принятую финансово-продовольственной секцией. Резолюция принимается единогласно.

Резолюция по продовольственному вопросу.

Обсудив продовольственный вопрос, Губернский С'езд Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Батрацких Депутатов находит, что:

1) Продовольственный вопрос является вопросом не обособленным, а лишь отдельной отраслью обще-экономического вопроса, почему и разруха в продовольствии самым тесным образом связана с общим развалом экономической жизни в стране, вызванным войною и безответственным хозяйничаньем кучки капиталистов, купцов, спекулянтов, преступно поощренным в свое время хищнической политикой свергнутого в феврале царизма и во время не пресеченным буржуазным правительством Керенского.

2) Ныне существующий продовольственный кризис окончательно может быть ликвидирован лишь при условии, если в стране будет ликвидирован экономический кризис в обще-государственном масштабе, при существовании же последнего разрешение продовольственной разрухи в отдельности немыслимо.

В виду сих соображений С'езд признает, что правительству рабочих и крестьян, поставленному у власти октябрьской революцией, необходимо напрячь все усилия, не останавливаясь ни перед какими мерами, к скорейшему устранению экономической разрухи в стране.

Что же касается продовольствия в Витебской губернии, то С'езд признает необходимым для борьбы с продовольственной неурядицей немедленно

же создать высший орган верховной власти в губернии, в ведение которого незамедлительно должно перейти все продовольственное дело губернии со всем делопроизводством и денежными суммами. По этому же образцу власть должна быть образована и на местах, т. е. в уездах и волостях. Ныне же существующие губернские и уездные продовольственные комитеты упраздняются.

Первыми задачами созданных органов власти как в центре, так и на местах должны быть следующие:

а) выработка плана правильного и равномерного распределения между всеми слоями населения губернии продуктов первой необходимости;

б) категорический запрет частной торговли продовольственными продуктами;

в) самая широкая организация общенародных столовых и продовольственных лавок как в городах, так и в деревнях;

г) введение всеобщей трудовой повинности;

д) неукоснительное проведение хлебной монополии;

е) реквизиция в городах поголовно всех продовольственных припасов;

ж) принятие самых безпощадных мер к уничтожению тайного винокурения, приносящего громадный вред делу продовольствия;

з) закрытие в губернии всех пивоваренных заводов и проч. и проч.

Высший орган губернской власти в первую очередь обязан организовать и послать во все хлебородные губернии, к которым прикреплена Витебская губерния, своих верных народному делу представителей для закупки хлеба, а также для закупки всех прочих продуктов первой необходимости для снабжения сельского населения. Впредь же до получения хлеба извне реквизировать в губернии все могущие оказаться в наличности излишки продовольственных припасов и принять таковые на точный учет, установив для всех слоев населения одинаковую суточную норму продовольствия. При учете и реквизиции продовольственных припасов необходимо принимать в расчет семена для весеннего обсеменения полей, в обеспечение будущего урожая, так как привозимые семена могут оказаться непригодными.

Состав по партиям в Губернском Совете Депутатов.

Большевиков	55
Лев. эс-эров	6
Анархистов	2
Эс-эров Максималистов	1
Беспартийных	1
	65

Именной список членов Губернского Совета Депутатов.

	Имена и фамилии.	От какого уезда.	К какой партии принадлежит.
1	Гоба Яков	От общего собран. с'езда и от местного совета.	Большевик
2	Меницкий Иван		»
3	Дризуль Арвид		»
4	Гребеник Василий		»
5	Костерин Михаил		»
6	Петров Петр		»
7	Крылов Семен		»
8	Поспелов Николай		Левый эс-эр
9	Чунчин Вилис		Большевик
10	Бреслав Борис		»
11	Паулус		Левый эс-эр
12	Солунов Степан		»
13	Василенко Андрей		Большевик
14	Захлебный Митрофан		»
15	Кудин Игнатий		»
16	Анфалов Филитер		»
17	Гавриленок Иван		»
18	Песоцкий Никита		»
19	Судаков Александр		Левый эс-эр
20	Стрижонок Даниил		Большевик
21	Дылан Сильвестр		»
22	Щербиков Федор		»
23	Самойлов-Пряхин Алексей	От представителей войсковых частей	»
24	Снетков Павел		»
25	Маслов Петр	»	»
26	Тарадынко Антон	»	»
27	Ефремов Яков	»	»
28	Борис Станислав	Двинского уезда	»
29	Канцен Александр	»	»
30	Сенкевич Иван	»	Анархист-коммунист
31	Макаренко Алексей	Велижского уезда	Большевик
32	Сытин Илья	»	Сочувст. больш.
33	Осиповец Никифор	»	»
34	Пулов Василий	Себежского уезда	Большевик
35	Скробов Павел	»	»
36	Артемсь Николай	»	Беспартийный
37	Корешков Ермил	Витебского уезда	Большевик
38	Котов	»	»
39	Дроздов Николай	»	»
40	Романов Иван	Полоцкого уезда	»

41	Славич Петр	»	»
42	Шпатов Федор	»	»
43	Александров Алексей	Городокского уезда	Левый эс-эр
44	Гусев Филимон	»	Большевик
45	Спиридонов Николай	»	»
46	Кальван Казимир	Люцинского уезда	»
47	Крован Франц	»	»
48	Бондарев Никита	»	»
49	Солонко Павел	Режицкого уезда	Анархист-коммунист
50	Шапов Фирс	»	Большевик
51	Зиро Алексей	»	Соц.-рев. максималист
52	Красновский Прокофий	Невельского уезда	Большевик
53	Гультяев Никифор	»	»
54	Кравцев Федор	»	»
55	Сиржевский Василий	Дриссенского уезда	»
56	Ионин Игнатий	»	»
57	Защеринский Петр	»	»
58	Стадут Дмитрий	Лепельского уезда	»
59	Дубко Яков	»	Левый эс-эр
60	Лабецкий Тарас	»	Сочувст. больш.
61	Евстегнеев Михаил	От батраков	Большевик
62	Овчинников Аркадий	»	»
63	Рукер Крышьян	»	»
64	Шиторенко Карп	»	»
65	Вингра Антон	»	»

Положение об управлении Витебской губернии.

1) Высшей властью в Витебской губернии является губернский с'езд советов рабочих солдатских, крестьянских и батрацких депутатов.

С'езд выделяет из своего состава губернский совет депутатов из 65 человек.

2) Члены губернского совета депутатов избираются сроком на $1/2$ года, с правом отзыва во всякое время каждого депутата, противодействующего народной воле, и замены его другим. Для отозвания депутата потребуется заявление того уездного или другого совета, от которого он выбран, или заявление половины состава совета.

3) Губернский совет депутатов наблюдает за проведением в жизнь постановлений и законов, изданных губернским с'ездом, в пределах губернии. Также проводит в жизнь законы издаваемые центральной властью—Советом Народных Комиссаров.

4) Губернский совет депутатов издает законы и инструкции, касающиеся особенных условий местной жизни губернии и наблюдает за точным их исполнением на местах.

Примечание: Об изданных местных законах Губернский совет депутатов извещает центральную власть.

5) Заседания губернского совета депутатов бывают очередные и внеочередные. Очередные заседания созываются в определенные сроки по постановлению общего собрания губернского совета депутатов. Внеочередные заседания в экстренных случаях созываются президиумом.

6) Очередные заседания губернского совета депутатов созываются не менее одного раза в течение одного месяца.

7) Заседания совета, кроме экстренных, происходят в установленные им самим дни.

8) Постановления губернского совета депутатов являются законными если в заседании присутствует не менее половины его числа.

9) Все вопросы в заседаниях губернского совета депутатов решаются путем прямого голосования, простым большинством голосов. Способы голосования того или иного вопроса определяются советом.

10) Члены губернского совета депутатов получают жалованье, которое определяется каждому из занимающих ответственную должность, отнимающую все его время, в 400 рублей.

11) Губернский совет депутатов распределяется по секциям.

12) Обязанности каждой секции, равно и круг их деятельности, определяются особыми инструкциями, утверждаемыми губернским советом депутатов.

13) Состав служащих в каждой секции, а также оклад и содержание определяется штатами, утверждаемыми губернским советом депутатов.

14) Все служащие секции принимаются на службу президиумом секции.

15) Со дня проведения в действие настоящего положения все существующие до сего времени губернские учреждения упраздняются или же переходят в ведение совета и распределяются по соответствующим секциям.

16) Каждая секция и подсекция выделяет из себя президиум в составе председателя, помощника и секретаря.

17) Все должностные лица в губернии назначаются советом.

18) Все должностные лица контролируются губернским советом и во всех своих действиях ответственны пред ним.

Выписка из протокола № 15 заседания Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Батрацких Депутатов от 25-го марта 1918 года.

Председатель тов. Меницкий, Секретарь тов. Паулус, число чл. 34.

Порядок дня:

1. Доклад Президиума.
2. О Губернском С'езде.

Тов. Меницкий: работа Президиума страшно загромождена текущей перепиской, которая отнимает время для идейной работы. Произведено сокращение расходов в виде удержания квартирных денег со служащих, занимающих казенные квартиры. Упразднен целый ряд тюрем.

Витебский уездный Совет заявил желание организовать самостоятельный Уездный Совет наряду с существующим уже Витебским Городским Советом. Президиумом было указано на нежелательность раскола, так как таковой раскол может дать перевес в местном Совете оборонческому элементу.

Тов. Меницкий оглашает резолюцию представителей Уездного Совета о причинах отделения от Витебского Городского Совета.

Во время доклада представитель уезда представил новый протокол, в котором ранее вынесенная резолюция отменяется и предусматривается совместная работа. Далее тов. Меницкий докладывает о приведении в исполнение постановления Совета о 6.000.000 контрибуции, которая не встретила сочувствия со стороны Местного Совета.

Исполнительный Комитет Местного Совета отверг предписание о внесении в депозит Губернского Совета налогов, которое вносится на решение Пленума Совета.

По открытии прений по докладу Президиума постановлено: обсудить доклад по пунктам.

По вопросу о 6.000.000 контрибуции слово предоставляется фракционному оратору от большинства тов. Крылову, который докладывает, что буржуазия, умышленно саботируя Советскую власть путем держания капиталов в карманах, желает вызвать финансовый кризис. Местный совет, которому было поручено приведение в исполнение этого постановления, не имел права его отвергнуть. Доказывает, что Советская власть должна изыскать средства на неотложные нужды народа и инициатором в этом деле должен быть именно Губернский Совет, и предлагает вынести решение, что Местный Совет должен немедленно привести в исполнение постановление.

Тов. Костерин выступает от фракции коммунистов большевиков (меньшинства). Возражает против предложения тов. Крылова по чисто формальным причинам. Губернским Советом не было дано Местному Совету

формального предложения о проведении этого постановления в жизнь; далее доказывает необходимость организации экономической жизни, организации мастерских и вообще промышленного производства; переходя к вопросу об обложении буржуазии в деле укрывательства денег называет это не саботажем, а просто открытым нападением на Советскую власть путем подрыва экономической жизни. Далее заявляет, что средства от буржуазии нужно взять организованным путем через посредство рабочего контроля над производством; указывает, что крестьянство идет в политических вопросах с нами, а денег не вносит, и предлагает обратить на это особое внимание.

Тов. Зиро докладывает, что когда он обратился в Местный Совет за содействием, то ему там грозили арестом, и доказывает, что Местный Совет претендует на какую-то верховную власть. В заключение предлагает постановление о контрибуции привести в исполнение, а Исполнительный Комитет Местного Совета просит распустить.

Тов. Пикман заявляет, что ему тоже тов. Костерин, Бреслав и Гоба грозили тюрьмой; доказывает, что финансовый развал является виной буржуазии, хотя и часть крестьянства тоже не вносит платежей, но все-таки главная причина в буржуазии, которая ведет определенную финансовую политику для подрыва Советской власти. Далее он критикует речь тов. Костерина и в окончательном итоге поддерживает постановление о контрибуции.

Тов. Паулус поддерживает предложение тов. Крылова.

Тов. Евстигнеев, критикуя выступление тов. Костерина, настаивает на проведении Местным Советом в жизнь постановления Губернского Совета, так как большевики стоят на почве централизации власти и поэтому сепаратное выступление Местного Совета не допустимо.

Тов. Малашенко, критикуя речь тов. Костерина, доказывает, что взгляд Костерина есть взгляд оборонца и соглашателя. Сколько он дал тому крестьянству, которое он теперь предлагает обложить налогами, которое три с половиною года голодало в окопах? Предлагает Местному Совету постановление Губернского Совета исполнить.

Тов. Марголин доказывает, что позиция, занятая т.т. Костериным, Бреславом и Гоба, не выдерживает критики, повторяет почти все сказанное предыдущими ораторами; кроме того, доказывает, что буржуазия, если она не будет обезврежена, усиливая свое экономическое влияние, затруднит борьбу рабочего класса. Переходя к вопросу о деревне, заявляет, что в деревне в настоящее время хотя и имеются деньги, но это не мешает взять с городской буржуазии то, что возможно. Деревня, когда она организуется сознательными элементами с фронта, своевременно свой налог внесет сама собой. По вопросу об обложении буржуазии рекомендует предложить торгово-промышленному классу наложенную контрибуцию

внести путем им самим разработанным, но что бы она была внесена. Переходя к вопросу о взаимоотношениях Губернского и Местного Советов, предлагает Губернскому Совету взять на себя роль организатора и руководителя деятельностью Местных Советов, предоставляя таковым в известных пределах самостоятельность, но все-таки Местные Советы должны провести в жизнь постановления Губернского Совета.

Тов. Крылов, выступая вторично, настаивает на проведении постановления Губернского Совета и предлагает прекратить прения.

Тов. Бреслав против прекращения прений; голосованием прения прекращаются.

Тов. Бреслав, протестуя против прекращения прений, заявляет о сложении с себя полномочий члена Губернского Совета.

Тов. Крылов оглашает резолюцию, которую просит Совет принять: «Губернский Совет, обсудив вопрос об отказе Местного Совета провести в жизнь постановления Губ. Совдепа от 18-го марта об обложении Витебской буржуазии 6-тимиллионной контрибуцией, постановил: В категорической форме предложить Местному Совету немедленно провести в жизнь постановление о наложении контрибуции в том размере и тем же способом, какой определен в постановлении от 18-го марта, причем Губернский Совет считает, что контрибуция, наложенная на Витебскую буржуазию, имеет не только местное, но и даже в большой степени губернское значение.»

Тов. Костерин вносит предложение отклонить подтверждение постановления о 6.000.000 контрибуции.

Тов. Марголин вносит предложение: предложить Финансовому Отделу разработать план обложения.

Тов. Зиро предлагает, в виду отказа Местного Совета привести в исполнение постановление Губернского Совета, распустить Местный Совет.

Голосованием единогласно подтверждается постановление Совета от 18-го марта об обложении Витебской городской буржуазии 6.000.000 контрибуцией и принимается резолюция, предложенная тов. Крыловым.

Тов. Пикман предлагает исполнение постановления о контрибуции возложить на Финансовый Отдел Губернского Совета в виду отказа Местного Совета.

Тов. Костерин настаивает на том, чтобы проведение постановления Губернского Совета в жизнь поручить Местному Совету.

Тов. Марголин также поддерживает предложение тов. Костерина.

Тов. Меницкий, резюмируя прения, считает, что Местные Советы являются исполнительными органами Губернского Совета, поддерживает предложение о поручении исполнения Местному Совету, что голосованием отвергается.

Второе предложение о поручении Отделу Финансов разработать способы взыскания контрибуции принимается единогласно.

Третье предложение—по разработке способа обложения исполнение возложить на Местный Совет, принимается большинством против 6.

По вопросу об Уездном Совете выступает тов. Костерин и настаивает на том, чтобы Уездный и Городской Советы работали об'единенно-совместными силами ради поддержания революционной власти, дабы расколом Совета не дать в Городском Совете перевеса оборонцам.

Тов. Коршаков заявляет, что Городской Совет не желает считаться с представителями волостей.

Тов. Крылов, рисуя то тяжелое положение и растерянность, при которой происходил Витебский Уездный С'езд, заявляет, что действительно нельзя было при той обстановке организовать Совет более обстоятельно на с'езде и пришлось это дело поручить самому Совету.

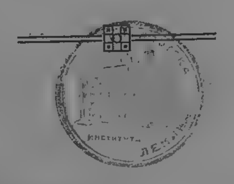
Тов. Синкевич, приводя примеры других Уездных Советов, которые работают об'единенно с городами, рекомендует и Витебскому Уездному Совету работать совместно с Городским Советом.

Тов. Поспелов протестует против заявления крестьян, будто им не указывается, что делать, заявляет, что представителям крестьян было указано, что они должны принять в свое ведение уездную Земскую управу, продовольственное дело уезда и земельный вопрос, и предлагает прекратить прения; голосованием решено прения продолжать.

Тов. Берзовский говорит, что Местный Совет игнорировал не только представителей уезда, но даже не считается с постановлением Губернского Совета, что доказано сегодняшними дебатами и поэтому представители уезда, находясь в бесполезном положении, решили от Городского Совета отделиться и настаивает на отделении Уездного Совета.

Тов. Лавричук находит вполне возможным совместную работу с городом.

Тов. Крылов рекомендует не раскалываться, а об'единенными силами бороться с оборонческим течением в Витебском Городском Совете. Он вносит предложение Уездному Совету слиться с Городским Советом для совместной политической борьбы, что и принимается единогласно.»



Важнейшие опечатки.

			Напечатано:	Должно быть:
Стр. 3,	5 стр.	сверху	времa	время
« 4,	6 «	снизу	не из	не из-за
« 7,	16 «	«	организацией	организации
« 9,	18 «	сверху	казалась	, казалось
« 9,	2 «	снизу	пеликом	целиком
« 10,	5 «	сверху	развивалось	развивалась
« 11,	7 «	«	релолюцисное	революционное
« 13,	2 «	примеч.	комитете и	комитете
« 14,	17 «	сверху	организациях	организаций
« 22,	12 «	снизу	Весенными	Весенними
« 25,	14 «	«	бюро, профсоюзов	бюро профсоюзов
« 26,	5 «	«	способствовала	способствовали
« 26,	13 «	«	оне	они
« 32,	2 «	сверху	выступлений чрезвычайно удачных	выступления чрезвычайно удачные
« 32,	1 «	снизу	оформлению, разрыва	оформлению разрыва
« 37,	15 «	«	В дальнейшим указав, на	В дальнейшем указав на
« 37,	18 «	«	установившийся	установившейся
« 38,	8 «	«	представлять	предоставлять
« 48,	9 «	сверху	обоих	обеих
« 54,	13 «	снизу	12	8
« 81,	11 «	сверху	гиганские	гигантские
« 82,	8 «	сн. в пр.	Шенявского	Шанявского
« 83,	2 «	прим.	армейского	корпусного
« 84,	1 «	сверху	о	а
« 206,	18 «	«	собитию	собираю

СОДЕРЖАНИЕ